

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА



Искатель

2

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1973





ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ
ВОКРУГ СВЕТА

Искатель 2

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1973

СОДЕРЖАНИЕ

А. ЖАРЕНОВ — Обратная теорема	2
Александр КАЗАНЦЕВ — Фаэты	66
Роберт ШЕКЛИ — Капкан	115
Ю. ТУПИЦЫН — Мэйдэй	126
Дороти Л. САЙЕРС — Человек, который знал, как это делается	146

№ 74

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ



Повесть

Назарову часто снится один и тот же сон. Из-за леса выныривает самолет. Огромная белая птица, оставляя за хвостом черный шлейф дыма, с ревом проносится над болотом и исчезает за деревьями. Один за другим раздаются два взрыва... И в ту секунду, когда наступает тишина, Назаров просыпается, ощупывает влажную от пота рубашку, вздыхает, щелкает выключателем ночника. Затем вдевает ноги в шлепанцы и, стараясь не шуметь, идет в другую комнату. Вслед ему слышится женский голос:

— Ты куда, Виктор?

— Спи, Лиза, — шепотом отвечает Назаров. Он подходит к окну. На подоконнике стоит аквариум. В большой стеклянной коробке, вяло подрагивая плавниками, гуляют черно-красные пузатые рыбешки. Назаров тупо наблюдает за ними и минут через пять возвращается в спальню.

Сегодня он меняет маршрут: в спальню идти не хочется, и Назаров направляется на кухню. Долго пьет воду, курит до тех пор, пока сигарета не начинает жечь пальцы. Чтобы не обжечь губы, вставляет в кончик окурка спичку. В голове колотится мысль: «Неужели это никогда не кончится? Никогда?» Вторая сигарета успокаивает. Он бросает окурки в раковину умывальника и закрывает за собой дверь. Снова останавливается перед аквариумом в пустой комнате пустого дома, который со вчерашнего дня уже не принадлежит ему. Продано все, что можно. Остался аквариум, книжная полка, старый платяной шкаф с плохо закрывающимися дверцами, стол и стул. Да еще в спальне кровать с тумбочкой, ночник и будильник.

Но не знает Назаров, радоваться ему или огорчаться. Впереди длинная дорога, новая жизнь. Однако будет ли она новой? Ведь проклятый сон с самолетом никуда не уйдет, останется с ним до последнего дня. Надеется Назаров, что убежит от этого, что в другом месте обретет покой. Надеется и боится... Город, в котором он живет, перестал ему нравиться. Этот город за последние годы стал похож на лицо человека, решившегося на сложную пластическую операцию. Все здесь взрыто, сдвинуто с привычных мест, все топорщится, расползается. Рядом с древними одноглазыми домишками тянутся вверх девятиэтажные великаны. То, что было раньше окраиной, оказалось в центре. Время-хирург расплосовало старый районный городишко, но швы еще не зажили, и пока из-под пластырей и бинтов не видно, каким же будет его новое лицо. И это бы еще ничего, думает Назаров. Но в городе стало слишком много людей. Слишком много. Поэтому и собрался он уезжать...

Назаров тяжело вздыхает и подходит к дверям спальни. Будильник показывает три часа. Три! Пора будить Лизу...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Телефон зазвонил в половине восьмого. Шухов выключил пылесос и шагнул через кучу книг к столу с аппаратом. Из кухни выглянула Люся. Через плечо у нее свисало посудное полотенце. Шухов встретился взглядом с женой, мотнул головой и поднял трубку. Звонил Кожохин. Люся теребила кончик полотенца и слушала.

— Да, — говорил Шухов. — Да, я. Привет, Кожохин... Что у тебя?.. Где?.. А может, обойдешься без меня? Воскресенье ведь...

Он разговаривал с Кожохиным и недовольно морщился. Судя по всему, книги опять не удастся привести в порядок. Скоро полгода, как семья следователя переехала на новую квартиру, а книги, как сложили их штабелем вдоль стены, так и лежат,

мешая Люсе проводить в жизнь планы благоустройства быта, — лежат, пылятся, может, даже портятся. Это больше всего беспокоит Шухова. Он очень дорожит библиотекой, которую собирает уже лет пятнадцать, — несколько тысяч томов сочинений людей, где-нибудь когда-нибудь побывавших и описавших потом то, что им довелось увидеть. Шухов шутит, что эти книги заменяют ему туристические поездки: и интересно, и для кармана ненакладно.

В старой квартире он держал свою библиотеку на простеньких стеллажах из кое-как выстроганных досок. В новой такие стеллажи выглядели бы уродливо. Поэтому Шухов несколько дней назад пригласил мастера. В субботу заказ наконец был выполнен, и в воскресенье Шухов встал пораньше, чтобы расставить наконец книги по полкам.

— Значит, не обойдешься, Кожохин? Ну ладно, присылай машину...

Шухов опустил трубку на рычаг и грустно сказал жене:

— Вот так, Люся. На «нарыве» убийство. Кожохин смущен, непонятно ему что-то...

Люся обвела кислым взглядом стопки книг на полу и вздохнула. Шухов пошел одеваться. На ходу, не то оправдываясь перед ней, не то убеждая себя, добавил:

— Думаю, Кожохин перестраховывается. Ну что там может быть сложного, на «нарыве» этом?

«Нарывом» в милиции называли улицу, косо отходящую от главной магистрали города. Начиналась она каменной аркой под шестизэтажным домом возле трамвайной остановки, а кончалась оврагом, по которому тек ручеек, бывший когда-то речкой Тополевкой. Официально улица именовалась Тополевской. Внешне она выглядела вполне благопристойно, таким зеленым оазисом внутри бетонного массива. Домики с голубыми ставнями, с палисадниками и огородами, сбегавшими к оврагу, с петухами, кричавшими по утрам, с собаками и телятами, гревшимися на солнышке в летние дни, могли бы умилить любого почитателя привольной сельской жизни. И уж никогда бы такому человеку не пришло в голову обозвать сию буколическую картину «нарывом». Но милиционер, впервые произнесший это слово, смотрел в суть вещей. А суть была в том, что на «нарыве» жили особенные люди.

Лет шесть назад улица Тополевская была крохотной деревенькой. Потом город, разрастаясь, дошагал до нее, вобрал в себя и прошел мимо. Бывшие деревенские жители частью уехали, частью устроились на заводы, получили новые квартиры. Дома свои они продали. И вот покупатели этих домов и составляли теперь основной контингент населения Тополевской улицы.

Разные это были люди. Разные по внешности, по профессиям, склонностям. Но психология у них была, в общем-то, одинаковая. Домовладельцы и огородники, ослепленные страстью приобретательства, словно бежали по жизни наперегонки, толкаясь, царапаясь и кусаясь, боясь, как бы чего-нибудь не упустить, не прозевать. Они окружали свои огородики заборами из колючей проволоки, заводили овчарок. Один индивидуум

додумался даже пропускать через изгородь электрический ток. И однажды, когда его жена пошла за морковью для супа, забыл его выключить. Женщина повисла на проволоке. Шухов вел дело и поражался, как можно дойти до жизни такой. В другой раз на «нарыве» произошел не менее чудовищный случай. Рубщик мяса на рынке, владелец сливового сада, застрелил из двустволки проходившего мимо студента, который сорвал с ветки пару ягод, чтобы угостить девушку.

Не так уж редко на «нарыве» вспыхивали пьяные драки, частенько кончавшиеся очень печально. Вопрос о сносе «нарыва» раза два дебатировался на сессиях горсовета. Но пока он не был решен: не так-то просто расселить по городу целую улицу. Да и овраг смущал: трудно тут построить что-нибудь путное.

Усаживаясь в машину, Шухов спросил у шофера, молодого круглолицего парня:

— Что там?

— Обходчика какого-то зарезали, — с готовностью откликнулся шофер. — Дом подожгли. Соседи галдят. Старик там чудной, таракит, как погремушка. Добывается, чтобы дом ему, значит, отдали. Купил он вроде этот дом у убитого. Ну а самого-то обходчика таксист обнаружил. Не то чтобы самого, а пожар увидел. Убитый-то такси заказал, на поезд, что ли, двинуть хотел. Ну а таксист, значит, дым из форточки видит, огонь тоже. Он и пожарников вызвал. У него, значит, радио в машине. Позвонил диспетчеру парка, та — на ноль один. Ну, значит, дом спасли, не сгорел дом. Кто-то, выходит, хотел убийство прикрыть, да не успел...

И шофер ударился в предположения. Шухов его не перебивал. Попытался вообразить неизвестного старика таксиста, который вызвал пожарных, но ничего не получилось: перед глазами мельтешило что-то совсем уж несообразное, кивало головой и тянуло пронзительным голосом бесконечное «значит».

— Не пойму что-то, — сказал Шухов шоферу. — Кто хотел убийство прикрыть?

Шофер бросил взгляд на собеседника и начал снова:

— Он, значит, не знал, что обходчик такси заказал. Свалил бумагу на кровать, керосин из канистры вылил и поджег. А таксист тут как тут, значит...

— Ладно, — сказал Шухов, и шофер обиженно замолчал.

Машина выехала на главную улицу, мимо побежали разноцветные витрины магазинов, стеклянные кафе с названиями, почерпнутыми из астрономического атласа. Минут через пять автомобиль свернул под арку.

Начинался «нарыв».

У дома стояла толпа. Какая-то не в меру голосистая бабенка кричала на ухо старухе в темном клетчатом платке: «Обходчика! Говорю, обходчика убили!» Милиционер у калитки осаживал любопытных. Посреди улицы, возле красной машины, пожарные свертывали серые шланги. Шухов вылез из автомобиля и хмыкнул. Он сразу увидел старика, о котором говорил шофер. Широкополая шляпа ядовито-зеленого цвета украшала его голову. На тощем теле, как на пугале, висел старый коричневый пиджак. Кончики лацканов торчали вперед козыми

рожками. Ярко-синие брюки, видимо, плохо держались без ремня, и старик ежесекундно поддерживал их. На сухом, остром, лисьем лице, покрытом сетью склеротических жилок, тускло светились прозрачные, как льдинки, глаза. Когда Шухов проходил мимо него, старик говорил милиционеру:

— Дом-от мой аль нет? Семь тыщ я платил аль не я? А кто меня теперича от убытка ответет? И ежели я не хочу горелое брать...

Милиционер легонько оттеснил старика от калитки, пропуская Шухова. На крыльцо вышел Кожохин, протянул руку, невесело улыбнулся.

— Сюда, Павел Михайлович, — Кожохин предупредительно распахнул дверь. — Только аккуратней, не запачкайтесь. Закоптело тут все, к дьяволу. Я на кухне устроился. Опергруппу и понятых отпустил, труп отправил на экспертизу, а сам сел подумать. Неувязочки тут разные...

— Что это за обходчик такой? — спросил Шухов, окидывая взглядом комнату, служившую, вероятно, гостиной. Мебели здесь почти не было. Раскрытый платяной шкаф, в нем набросана кучей мокрая одежда. На столе чемодан с откинутой крышкой. На спинке стула серый пиджак. Черные от сажи стены. — Железнодорожник, что ли?

— Монтер городской электросети Назаров, — ответил Кожохин и, увидев, что взгляд Шухова задержался на осколках стекла, добавил: — Аквариум у него тут на подоконнике стоял. А зачем разбили его — непонятно. Так сказать, загадка номер один.

— Разве есть и другие номера? — спросил Шухов, заглядывая во вторую комнату. — Я насчет загадок.

— Есть, — откликнулся Кожохин. — Первосортные, должен сказать.

В спальне пожар наделал больше бед. Мрачно чернела обуглившаяся кровать. На ней обгоревшие мокрые книги. Шухов придвинулся, осторожно перебрал их, полистал, пожал плечами. В голове мелькнуло: «Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты». Попробуй вот скажи. Сименон, Достоевский, Полевой, Ильф и Петров. Станный ассортимент. Что роднит этих писателей? Что привлекало в этих книгах Назарова?

— Ну что ж, пойдем поговорим, Иван Петрович, — сказал Шухов. — Шофер твой мне уже кое-что доложил. Новый, смотрю, у тебя шофер, молодой, любознательный. Версии разрабатывает.

— Интересуется, — сказал Кожохин. — Так вот. Из вещей тут еще будильник был. Я его тоже на экспертизу отослал. Мало ли что.

Они вышли на кухню. Шухов сел на табуретку. Кожохин устроился рядом, сдвинул на край стола протоколы.

— Два дня назад Назаров продал дом старику Комарову. Видели его?

Шухов кивнул.

— Импозантный старикан.

— Комаров тут, на «нарыве», — фигура, — сказал Кожохин. — Богатый старик, держит пасеку. Медом торгует на ба-



Рисунки А. СЕМЕНОВА

заре. Собрался сына женить. Вот и купил дом. Сделку они с Назаровым оформили как полагается. Деньги Назаров взял наличными. Семь тысяч рублей. Странно, правда? Кто сейчас такие суммы берет наличными? Ну вот. Комарову Назаров сказал, будто бы, что из дома съедет в понедельник. А в субботу вечером вдруг заказал такси на воскресенье на четыре утра. Говорил я с диспетчером парка. Машину они послали, как обычно, минут за пятнадцать до назначенного часа. Девушка эта, диспетчер, перед тем как отправить такси, позвонила Назарову. Он ответил, что уже встал и будет ждать машину на улице. Таксист подогнал автомобиль к дому без нескольких минут четыре и увидел пожар. Пока тут ничего странного нет. Правда?

— Пожалуй. И потом я это слышал, — сказал Шухов. — Таксист вызвал пожарных...

— А они нас, когда увидели труп. В кармане пиджака, что на стуле висит, мы нашли билет на поезд в четыре тридцать до Сочи. Похоже, что Назаров укладывал чемодан, когда его убили. Денег в доме не обнаружили.

Кожохин порылся в бумагах, лежащих на столе.

— Теперь слушайте внимательно, — сказал он. — Начинаются странности. Соседи, которых я опросил, говорят, что к Назарову ходила женщина. Некая Елизавета Мокеева. Работала она киоскером «Союзпечати» на Красноармейской.

— Работала?

— Вот, вот. Выяснил я, что она уволилась в тот день, когда Назаров продал дом. Сегодня в четыре тридцать тем же сочинским поездом уехала до Харькова. Ее квартирная хозяйка видела билет. В пять утра я позвонил на первую же крупную станцию. На следующей станции Мокееву с поезда сняли. У нее в чемодане оказалась пачка банкнотов. Семь тысяч. Я выслал туда машину. Представляете ситуацию?

— Что же тут странного?

— А то, Павел Михайлович, — хмуро сказал Кожохин, — что без пятнадцати четыре Елизавета Мокеева была на своей квартире. Назаров в это время был еще жив.

— Н-да, — крикнул Шухов. — Это что же получается?

— Получается-то, — тихо сказал Кожохин, — что Назарова убили зря. Если, конечно, хотели взять деньги. Или...

— Что?

— Или деньги тут ни при чем. И Мокеева тоже.

— Н-да, — протянул Шухов. — Ну что ж, подождем эту Мокееву.

— Подождем, — уныло произнес Кожохин. — Но на этом, к сожалению, загадки не кончаются.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Три часа. Пора будить Лизу. Или не тревожить, подождать еще минут пять? Если она будет торопиться, укоротятся эти надоевшие вопросы, недоуменные взгляды. «Виктор, почему ты так спешишь?» Почему? Как он может ответить на этот вопрос? В городе стало много людей. И ему все чаще снится падающий самолет. Разве это ответы? Это страх, который поселился в его душе и от которого некуда деться. Ночью страх приходит во сне. Днем заставляет оглядываться. Нет, Лизе он об этом не скажет никогда. Это его страх. Страх — расплата. И хорошо бы, если только страх.

Назаров прислонился лбом к холодному оконному стеклу. Темнота за окном испугала его. Он резко откинул голову, увидел свое отражение. Впалые щеки, пятна вместо глаз. «Как у трупа», — мелькнула мысль. Он задернул штору, посмотрел на часы. До чего же медленно движется время. Прошло всего полминуты. «Будить? Подождать?» Почему он так нервничает сегодня? Сборы виноваты. Продажа дома. Жизнь выбилась из размеренной, привычной колеи. Жизнь... Видел ли он ее? «Жил-был у бабушки серенький козлик...»

В четыре, наверное, опять припрется старик Комаров. Как купил дом, так и ходит словно заведенный. Не спится ему. «Дом-то мой теперича». В сберкассе удивился, увидев, что Назаров положил деньги в карман. «Ты, парень, смелый, гляжу. Аль не боишься? Семь тыщ ведь». Старый жлоб. Чучело. Зачем ему, такому старому, деньги?..

Придет Комаров и станет шаркать ногами по комнатам, стенки выстукивать. «Грибка я, парень, боюсь. Жучки тоже есть. Домоеды. И венцы у твоей избы надо править». И смотрит пронзительно, словно все понимает. Лиза тоже стала смотреть особенно. Ладонь под щеку — и глядит, будто спросить чего хочет, да не решается. А ведь спросит когда-нибудь. Спросит...

Еще полминуты отщелкал будильник. Тик-так, тик-так. И в самолете тогда все что-то щелкало. А какого толстолоба он тогда поймал! Килограммов пять, не меньше. Или это огонь трещал в самолете? Хотя почему в самолете? Не было уже самолета, когда Назаров подобрался к месту катастрофы. Плавали на болоте обломки. Да белое крыло лежало в стороне. И сбоку летчикова голова скалилась. Страшно! А от того, другого, парня ноги только остались и сумка брезентовая. Видно, на себе ее держал. И все-таки тикало тогда что-то. Тик-так, тик-так. Как будильник.

Тик-так. И кусок жизни назаровской отвалился, как крыло от самолета. Восемь лет испуга на две секунды радости променял. В запале все делал, в бреду каком-то горячечном. А может, жило в нем это? Таилось, момента поджидало.

Думалось: родиться бы ему девчонкой, глядишь, и жизнь пошла бы иначе. Случай... Все случай. И это случай, и он случай, игрушка, каприз природы, ошибка матери. Сейчас у него уже не осталось ненависти к ней. Высохла ненависть, коркой жесткой покрылась. А ведь была: звериная, безотчетная. Когда сообразил, что и мать его ненавидит, когда догадался за что... Сначала не понимал, мал был, недогадлив. Чувствовал все время ее тяжелый взгляд. Всегда, с той поры, как только стал понимать себя. Даже во сне чувствовал. Вздрагивал, просыпался. Как сейчас... А понял все он гораздо позднее...

Назаров закрыл глаза и прислушался к тиканью будильника, к сонному дыханию Лизы. И поплыл перед его взором маленький волжский городок на крутом берегу. Золотые маковки церквей, деревянные домики, как затейливые игрушки, древний парк над рекой. Городок его детства и юности.

Тик-так... Тик-так... У местного адвоката была дочка-красавица. В шестнадцатом году кончила гимназию. В семнадцатом началась революция. Налаженный адвокатский быт полетел в тартарары. Дочка-красавица пошла работать в библиотеку. Она наизусть знала Надсона, Майкова и Фета, но не имела понятия о том, как добывается хлеб насущный. Надсон ей об этом не мог рассказать. Тик-так... Восемнадцатый, девятнадцатый, двадцатый прошумели над городком, а она все еще читала Надсона. Старый адвокат умер. Мебель красного дерева, ломберные карточные столы, драгоценности, фарфор разнесли из квартиры бородатые мужики. Взамен они давали мешки с мукой. Она пекла из этой муки лепешки и плакала над томиками стихов. И грезила о необыкновенной любви.

В двадцать первом в городок приехал на короткие гастроли симфонический оркестр из столицы. Она ходила на все концерты, садилась во второй ряд и упивалась Гайдном и Вагнером. Черный фрак молодого дирижера, его белое интеллигентное лицо пробуждали у нее в мозгу какие-то туманные образы, ас-

социировались со стихами о безысходности, о соловьиных трелях в липовых аллеях, о белом платье блоковской Невесты. А угрюмая музыка Вагнера будоражила кровь, звала к решительным поступкам.

Дирижер заметил красивую девушку из первых рядов и как-то после концерта подошел к ней. Потом был темный парк без соловьев, жадные руки, расстегивающие ее платье, и холодная трава. Понять она так ничего и не смогла, разве только то, что Надсон и Майков лгали ей, лгали так же бесстыдно, как и дирижер, показавшийся ей вначале волшебником, а затем просто мерзавцем. Она сочла себя обкраденной. Праздника любви не состоялось, и она перестала посещать концерты. Да и дирижер вскоре уехал, забыв о приключении, о глупой экзальтированной девице. Тем и закончилась необыкновенная любовь.

Но в двадцать втором году на свет появился мальчик. У него была странно большая голова с заметной вмятинкой на темени и маленькое, какое-то старушечье лицо. Сначала она боялась на него смотреть, потом привыкла, смирилась с его существованием, с криком, с пеленками, с укоризненными взглядами родственников. Смирилась, но сама внутренне сжалась, затаилась. Она подурнела после родов. Раньше красивые черты обострились, взгляд стал бегающим, губы она теперь поджимала. Миловидная женщина стала вдруг похожа на лягушку. Она по-прежнему работала в библиотеке. Однако ничто уже ее не занимало. Она перестала читать стихи, разорвала все знакомства, уединилась, замкнулась, стала равнодушной ко всему окружающему.

Тик-так... Назаров взглянул на циферблат. Прошло три минуты... Конечно, она ненавидела его всегда. Потому что он был сыном того человека, который, как думала она, испортил ей жизнь. Он не был внешне похож на отца. Сначала он рос уродливым, хилым ребенком. Годам к четверем выправился, вмятина на темени стала незаметной под волосами. Но мать все равно не любила его, и он не ощущал никогда ее ласки. Мать одевала его, кормила, следила, чтобы мальчик был чистеньким и сытым. Но все это делалось без внутреннего тепла, без вдохновения, без доброты. Боль, пронизавшая ее существо в тот вечер в парке, осталась в ней, с ней, около нее. Чтобы хоть как-нибудь отомстить дирижеру за эту боль, она подала в суд на алименты. И однажды удивленный дирижер, к тому времени уже имевший некоторую известность, получил исполнительный лист. Он чертыхнулся, изругал себя последними словами, но платить стал исправно. Ей этого показалось мало, она захотела приехать к нему с сыном, написала письмо, в котором между строк ярким факелом пылала ненависть и к дирижеру, и к сыну, и ко всему миру. Но письмо почему-то осталось неотправленным и попало на глаза сыну, которому было уже четырнадцать лет. И все, что неосознанно улавливалось чуткой детской душой, все вдруг открылось, приобрело определенные очертания и беспощадную ясность. В нем стала закипать ненависть к матери, к ее пустому взгляду, ровному, бесстрастному голосу, к ее поучениям и советам.

Он стал хуже учиться, хотя и был способным мальчишкой.

В наследство от дирижера он получил руки и сметливую голову. Починить часы, выточить какую-нибудь хитроумную штучку для него не составляло труда. Однажды он собрал радиоприемник из деталей, которые сделал сам. Покупать пришлось только лампы. Мальчишки со всей округи обращались к нему за помощью, когда им требовалась техника вроде самострелов и поджигалок. Но сверстники не восхищались его умением, они принимали это как должное, как нечто само собой разумеющееся. Мальчишеская компания жила по своим детским законам, которые не давали права на преимущество талантливым рукам и уму. В этом мире ценились рост, сила и ловкость, а Витька Назаров был слабоват. Его поколачивали, несмотря на технические заслуги, его забывали иногда пригласить в лес, на реку. До истории с письмом он не усматривал в этом трагедии. Теперь же эта история сыграла роль кривого зеркала, в котором он вдруг увидел себя со стороны. И мутная волна ненависти к сверстникам захлестнула его, потащила, ударила...

Петька Рыжков, конопатый коренастый здоровяк и забияка, был признанным вожаком во дворе. Он был единственным обладателем велосипеда, на котором изредка великодушно разрешал покататься избранным счастливым. Однажды Витька Назаров нижайше попросил у него высочайшей милости. Петька равнодушно отказал. Витька разозлился. Через неделю Петька наехал на камень и сделал на переднем колесе восьмерку. Он приволок велосипед и предложил Витьке исправить повреждение. Витька сочинил такое же равнодушное лицо, какое было у Петьки когда-то, и отказался. Петька, недолго думая, расквасил Витьке нос. Размазывая кровь по лицу и всхлипывая от бессилия, Витька взялся за починку. Мечты о мести навели его на мысль поднести Петьке некий сюрприз. Восьмерку Витька исправил, но кое-какие детали от велосипеда оставил у себя в кармане. Счастливый Петька выехал со двора, благополучно добрался до дому и поставил велосипед в сарай. На другой день он поехал в город и чрезвычайно удивился, когда увидел, что переднее колесо вдруг оторвалось от машины и понеслось по дороге вполне самостоятельно. Впрочем, долго ему удивляться не пришлось, ибо нос Петьки уже вспахивал асфальт.

Туповатый Петька не сумел связать происшествие с тем, что произошло накануне. На нос ему наложили в клинике скобки, а велосипед опять чинил Витька. Завинчивая гайки, он втайне злорадствовал.

Тик-так... Истекла четвертая минута. Его не мучили угрызания совести после истории с велосипедом. Изуродованный Петькин нос напоминал ему только о том, что и он, Витька, может иногда оказаться победителем, оставить за собой право на последнее слово. Он не задумывался над тем, что уж очень поганым было это право. Поганым и стыдным. Ему важно было, что оно снимало с него ощущение беспомощности, создавало иллюзию превосходства над другими.

Больше всего он любил досаждать матери. Прятал куда-нибудь ключи от квартиры и с наслаждением наблюдал, как мать, торопясь на работу, бежит по дому с растерянным ли-

цом, заглядывает в ящики, в кастрюли, шарит даже в помойном ведре. В зимние вечера он незадолго до ее прихода вкладывал в электрические патроны мокрые бумажки. Лампочки гасли одна за другой, как только бумажки подсыхали. Витька заявлял, что они перегорели, и отказывался готовить уроки при свете керосиновой лампы. Мать кидалась в поисках выхода к соседям, а он ложился в кровать и принимался придумывать новые пакости, одну изощренней другой.

У мальчишек, пользовавшихся изделиями Витькиных рук, вдруг стали взрываться поджигалки. Это были уже опасные штучки, но он не прекращал ими заниматься, пока не произошло несчастье. Один из пацанов лишился глаз. Витька перепугался, нервное потрясение оказалось настолько сильным, что он заболел и два месяца провалялся в постели.

Он ушел из восьмого класса, не закончив школы. Год жил на иждивении матери, потом поступил на курсы электромонтеров.

Назаров взглянул на будильник. Это был старый механизм со звонком наверху. По циферблату бежала секундная стрелка. Тик-так, тик-так, тик-так. На кровати, разметавшись во сне, лежала Лиза. Ей было жарко, на верхней губе выступили бисеринки пота, одеяло одним углом сползло на пол. Назаров отвернулся к окну, переступил с ноги на ногу, стараясь не шуметь. Ему вдруг захотелось спать. Спать, чтобы не думать ни о чем, не вспоминать, не беречь душу. Сейчас он разбудит Лизу, она уйдет, и он ляжет, зароется лицом в подушку... Хотя нет, спать нельзя. Нельзя потому, что его ждет еще дело, которое он должен сделать сегодня, до того, как припрется старик Комаров. Не сможет Назаров спать в это утро, некогда ему спать. Тик-так... Тик-так... Три часа пять минут.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Фото Назарова тебе не попадалось? — спросил Шухов.

Кожохин вынул из-под бумаг дешевую базарную проволочную рамку со стеклом. Шухов с минуту рассматривал портрет, затем аккуратно положил на стол. Вдохнул. Был человек, и нет его. Убили человека.

— Два окурка свежих мы тут обнаружили, — Кожохин кивнул на раковину. — Его сигареты, обломки спичек в кончики воткнуты. Была, говорят, у него такая привычка.

— А ты что же, хотел чужие окурки найти?

— Да нет. Просто факт констатирую. Курил человек ночью.

— Будто сам не куришь.

— Бывает, — сказал Кожохин. — Когда не спится.

— Ну вот и ему не спалось. А почему не спалось? Где та веревочка, Иван Петрович, за которую дергать надо?

— Поищем, — откликнулся Кожохин. — Вы что сегодня делать хотели?

— С книжками возился.

— Да, — задумчиво произнес Кожохин. — Билеты вот еще смущают. На один поезд у Моковой и Назарова были взяты билеты. На одно число и в разные вагоны. Странно?

— Ты не торопись, — сказал Шухов. — Ты о главном думай.

— Не пойму я, где оно, это главное. Все утро думаю. Аква-риум вот расколотили. Зачем?

— Старика Комарова хорошо прощупал?

— Скользящий он.

Шухов взглянул на часы.

— Мокееву-то к тебе доставят? — спросил он.

Кожохин кивнул.

— Так, может, пока суть да дело, мы навестим старичка? Тут ведь уже ничего все равно не высидишь. А с Комаровым по-беседовать необходимо. Как-никак лицо заинтересованное.

Старичок пугалом торчал на пчельнике среди голубеньких ульев. Заметив гостей, он двинулся им навстречу, размахивая руками и бормоча что-то под нос.

— Видик у него любопытный, — усмехнулся Шухов.

Они подождали старика у крыльца. Комаров с ходу затянул слышанную уже Шуховым песню про горелый дом и убытки от пожара, которые, по его мнению, обязано покрыть государство. Кожохин нетерпеливо прервал его излияния, и старик перестал причитать. Глазки-льдинки вопросительно уставились на Шухова.

— Веди в горницу, дед, — сказал Кожохин. — Разговор к тебе есть.

Шаркая ногами по ступенькам, Комаров поднялся на крыльцо. В сенцах долго вытирал башмаки о половик. Шухов и Кожохин последовали его примеру. В обширной кухне у недавно выбеленной русской печи гремела ведрами крупнотелая старуха, жена Комарова. Комаров повесил свою широкополую зеленую шляпу на гвоздь. Шухов с нетерпением стал рассматривать печку, заглянул на полати, с которых гирляндами свисали связки лука. Потом взял в руки ухват на длинной палке. Комаров с женой следили за его действиями, не скрывая любопытства. Кожохин понимающе улыбнулся: не часто сейчас попадают на глаза эти ставшие уже музейными штуки.

— Редкая вещь, — сказал Шухов, повертев ухват. — Люське бы его показать. Никогда ведь не видела.

— А и покажи, — откликнулась старуха. Она громыхнула за-слонкой, взяла ухват, сунула его в раскрытый зев печи и легко вытащила оттуда ведерный чугунок с каким-то варевом.

— Н-да, — крикнул Шухов. Старик и Кожохин уже прошли в горницу, он двинулся за ними.

В просторной комнате с темными иконами в углу главное место занимала высокая железная кровать со взбитыми подушками. Напротив диван. Посредине комнаты круглый стол, накрытый ковровой скатертью, стулья с гнутыми спинками расставлены возле свободных стен. Над кроватью фотографии под стеклом. Комаров, молодой, усатый, сидит. Рядом, положив ему руку на плечо, стоит жена. Голый мальчик, задрав одну ножку, лежит на животе. Снова Комаров и жена. Мальчику уже лет пять. Он сидит на коленях у матери в матросском костюмчике. Еще какие-то лица. «Живут, как в тридцатые годы», — подумал Шухов, усаживаясь и еще раз обегая взглядом комнату, лакированный красный платяной шкаф, стенные



часы с медным маятником, витую этажерку с безделушками на полках, сундук, окованный блестящими железными полосами. Задрипанный вид хозяина всей этой благодати давно канувших в Лету времен плохо гармонировал с обстановкой квартиры. Шухов подумал, что старику больше подошла бы приказчиья поддевка и мягкие сапоги гармошкой. Может, и есть они у него, хранятся где-нибудь в нафталиновых глубинах сундука, пересыпанные для верности еще и махоркой. Может, надевает их старик в бессонные ночи и бродит призраком по дому, вспоминая то, что было и былем поросло. Впрочем, чушь все это. Давно приспособился старик к современности. Медом торгует. Деньги на сберкнижке держит. Телевизора, правда, в квартире нет. Но и до этого дойдет. Сына вот женить надумал. А что за человек сын его? Где он, кстати?

Комаров поправил фитиль в лампадке, перекрестился истово и уселся на кончик стула, ожидая вопросов. Кожохин переглянулся с Шуховым.

— Говорите вы, Павел Михайлович, — сказал он. — Я еще утром набеседовался.

Шухов провел ладонью по узорчатой скатерти, разглаживая невидимые складки, прикинул, с чего лучше начать разговор, и спросил, как бы между прочим:

— Назарова давно знаете?

— А зачем мне его знать? Жил себе и жил... Ты мне скажи: за горелое кто платить будет? Аль самому мне прикажешь? Тут рублей на пятьсот ремонту будет.

— Насчет оплаты я вам ничего не скажу, — заметил Шухов. — Это не наша компетенция. Мы с вами говорим как со свидетелем по делу...

— Это как? — визгливо перебил его старик. — Какой я вам свидетель? Вы меня сюда не втравкивайте.

Разговора не получалось. Комаров увиливал от прямо поставленных вопросов, божился, кричал, требовал деньги на ремонт купленного дома, ругал милицию, недвусмысленно давая понять Шухову, что им с Кожохиным пора бы убраться из его апартаментов. И все-таки чувствовал Шухов, что не зря пришли они сюда, в эту горницу, пропахшую лампадным маслом. Старик Комаров знал о Назарове больше, чем говорил. Шухов встал, подошел к кровати, ткнул пальцем в фотографию мальчика в матросском костюмчике.

— Сын?

— Ну? — спросил старик, щурясь на следователя. — И что теперича?

— Где он?

— Нету, аль не видишь?

— Так куда он делся? Ведь он с вами живет. Ночевал где?

— Дома ночевал, — спокойно ответил старик. — А куда утром ушел, не ведаю.

На кухне вдруг что-то загремело, и в дверях возникло разгневанное лицо старухи.

— Да что же ты брешешь, старый греховодник? — запримечала она. — Напраслину на нас возводишь. В лес ушел Митька, по грибы. Еще до свету ушел.

Старик подпрыгнул на стуле, откуда только прыть взялась, закричал, забрызгал слюной, пошел на жену, размахивая руками. Она выдержала натиск, продолжая стоять в дверях несокрушимой крепостью. Шухов понял, что скандалы здесь — дело привычное, ждал терпеливо, не вмешиваясь. Кожохин смотрел на эту сцену с каменным лицом, слушал. И по мере того как услышанное усваивалось, лицо его делалось все сердитее. Когда супруги выдохлись, Кожохин открыл свой чемоданчик, достал бумагу и предложил хозяевам повторить показания.

— Говорить будете по очереди, — строго сказал он. — Сначала вы, Комаров. А вы, — Шухов обернулся к хозяйке, — подождите пока на кухне.

Да, старик купил дом для сына. Дмитрий собрался жениться поздно. Ему уже под сорок. Человек он тихий, хозяйственный, работает слесарем в горкомхозе. В четверг старик с Назаровым оформил сделку. А разговор о купле-продаже дома состоялся давно, может с месяц, может полтора. Давал ли Назаров объявление о продаже? Нет, не давал. Пришел к Комарову, спросил будто просто так: «Слыхал я, Лексеич, что ты сына женишь. А я вот уезжать надумал. Дом не купишь?» Старик посмотрел хоромину, стоговались на семи тысячах. Заплатив деньги, Комаров забеспокоился: Назаров выпросил у него три дня для сборов, а мало ли что может за три дня случиться. Вот и случилось. Каждый вечер и каждое утро Комаров навещал Назарова, приглядывал за домом. Сегодня припоздал чуть. Митька в лес собрался, будил его, уж больно сын спать горазд. Во сколько будил? Да часа в четыре, как раз перед светом. Почему сразу не рассказал об этом Кожохину? Боялся, что затаскают по милициям, поди докажи, что не верблюд. Назаров ведь деньги за дом в карман положил. Семь тыщ. Долго ли до греха.

— А может, удрал уже Митька, — предположил Кожохин, когда они садились в машину.

Шухов завозился на сиденье, устраиваясь поудобнее, и лаконично ответил:

— Поглядим. Кстати, ты заметил, что у Комарова телевизора нет?

— Какое это имеет значение?

— Вот и я думаю: какое? На всем «нарыве» антенны торчат. А у Комарова и Назарова нету.

— Сродство душ, что ли? — хмыкнул Кожохин. — Вы уж больно далеко забираетесь, Павел Михайлович.

— Черт его знает. Мало мы еще знаем пока. Ползаем в темноте. Окурки собираем.

Помолчали. Шухов вытащил сигарету, повертел ее в пальцах. Сказал:

— Комарова ты правильно определил. Скользкий он, верно. Юлит, запутывает. На Митьку тень, по-моему, он сознательно набрасывает. Знал, что старуха не выдержит, вмешается. Уверен он, что с Митькой все в порядке. Я так думаю: Митька этот ни сном ни духом не подозревает о происшествии. Он действительно ушел по грибы. А вот старик чего-то опасается, поэтому и крутит. Может, дела у него с Назаровым были

тайные. Мы ведь и о Назарове ничего не знаем. Обходчик. Вот и все.

— Да нет, — возразил Кожохин. — Знаем, что жил здесь восемь лет. Что приехал с Дальнего Востока. Несудим. Не пьет.

— Не пил, — поправил Шухов. — На кой черт нам все эти «не», когда мы не можем внятно сказать ни одного «да».

— Мокеева скажет, — проворчал Кожохин...

...И вот она сидит перед Шуховым, испуганная, ошеломленная, ничего не понимающая. В синих глазах блестят слезы. У нее привлекательная внешность, сильные маленькие руки, красивая фигура. На взгляд лет тридцать. По паспорту — тридцать пять.

— Имя, отчество, фамилия?

— Елизавета Петровна Мокеева.

— Место работы?

— Я не работаю, уволилась.

— Почему?

— Уезжаю. К сестре, в Харьков.

Железнодорожный билет лежит на столе перед Шуховым. Он куплен еще в прошлый понедельник в кассе предварительной продажи. Тут же паспорт. Трудовая книжка. Пачка банкнотов. В паспорте значится, что Елизавета Петровна Мокеева замужем за Мокеевым Эдуардом Васильевичем.

— Ваш муж живет в городе?

— Мы разошлись с ним.

— Он сейчас в городе?

— Да. Я ушла от него три месяца назад. Квартиру оставила ему.

— Когда вы познакомились с Назаровым?

— Два месяца назад.

— При каких обстоятельствах?

— Он покупал у меня газеты. Разговаривали. Потом пошли в кино.

— Ваш муж знал Назарова?

Секундное замешательство. Спокойный ответ:

— Нет, не знал.

— Вы поссорились с мужем?

— Нет, просто ушла. С ним трудно жить. Он...

— Что?

— Ну, я ему не нужна. Он увлечен какой-то ерундой. Изобретает что-то. Квартиру загадил. Магнитов натащил разных. На балконе телескоп строит...

— Как муж отнесся к вашему уходу?

— Зачем вам это нужно? Не все ли равно как. По-моему, даже не заметил, что я ушла.

— Хорошо. Вы утверждаете, что Назаров отдал вам деньги сегодня утром. Почему именно сегодня? Почему этого нельзя было сделать раньше и взять аккредитивы?

— Он... Он хотел выписать аккредитивы. Но потом...

— Не торопитесь. Расскажите подробнее.

— Ну, мы в пятницу пошли в сберкасса. Вышли к остановке. Ждем трамвая. И тут Виктор вдруг говорит: «Мне что-то нехорошо». И предложил вернуться. А в субботу днем я занима-

лась стиркой, готовилась к отъезду. Пошла к Виктору, когда сберкасса уже закрылась. Утром он отдал мне деньги.

— С какой целью Назаров это делал?

— Я должна была присмотреть дом. Виктор сказал, что придет позднее.

— Когда он собирался выехать?

— Мы вместе покупали билеты. Он взял на понедельник, на завтра. Сказал, что должен еще заехать в Курск, к родственникам. Обещал через неделю встретиться.

Шухов мысленно чертыхнулся. У Назарова в нагрудном кармане пиджака лежал билет до Сочи. Пиджак висел на спинке стула. Билет был на поезд в четыре тридцать. В воскресенье. И вчера он заказал такси на четыре утра.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Три часа пять минут. В доме сонная тишина. Только будильник тикает. Назаров не разбудил Лизу в назначенное им самим время. Решил: пусть еще поспит несколько минут, не стал ходить в спальню, пристроился в неудобной позе у стола: стул стоял неловко, а двигать его не хотел. Через открытую дверь поглядывал на Лизу, на циферблат будильника.

Бежит секундная стрелка, бежит по кругу, создавая иллюзию движения. И так же бегут мысли Назарова. Все время по кругу, все время возвращаясь к одной и той же исходной точке. И представляется Назарову, что жизнь его тоже попала в кольцо, из которого нет выхода. Уедет он, и кольцо переберется с ним вместе. Кольцо ли? Стена глухая. А ведь думал о счастье. Бежал к нему. А оно от него убегало. Всегда. Сколько помнил себя.

...Он встретил слепого в сороковом году. Того слепого мальчишку, который пронзительно кричал, когда ему выжгло глаза взрывом паршивой поджигалки. Четыре года Назаров боялся этой встречи, четыре года за версту обходил дом, где жил слепой. Думал: знает слепой, ждет своего часа только. Потом, с годами, понял, что напрасен его страх: не может слепой знать ничего. Если бы знал, так давно бы указал на Витьку. Доведись его судьба Витьке, так ни на секунду не задумался бы, отомстил бы Витька. А слепой молчал. Значит, не знал.

Поняв это, Назаров захотел посмотреть на слепого, прикинуть, как калеки устраиваются, чем живут. Любопытно это было ему. Он знал, что слепой работает в механической мастерской. Мать как-то упомянула о нем: приходил в библиотеку. И Назаров стал ходить по тем улицам, где, по его предположению, легче встретить слепого. На третий день это и произошло. Он увидел слепого издали. Тот шел, легонько постукивая палочкой по стенам домов. Темные очки закрывали изуродованные глазницы. Шел быстрой летящей походкой, помахивая палочкой. И если бы Назаров не знал его, то и не заподозрил бы, что перед ним человек с вечной ночью в глазах. «Освоился, — подумал Назаров и сглотнул слюну. — Ишь как мчитесь. И не споткнется». Он дернул слепого за рукав, остановил.

— Витька? — спросил тот удивленно. — А я думал, что ты в армии. Куда ты делись вообще?

— Работаю, — сказал Витька, отводя взгляд от черных очков. Ему вдруг показалось, что слепой и не слепой вовсе, что он притворяется, а на самом деле видит Витьку насквозь, что знает он все про поджигалку с испорченным стволом, знает и молчит, ждет до поры, чтобы выбрать момент и ударить побольнее. С трудом удержался, не сорвался с места, не побежал. — Работаю, — выговорил снова, боясь встретиться глазами с черными очками, хотя и был уверен, что слепой не может видеть его побледневшего лица. — А в армию меня не взяли. По здоровью, — добавил он, сообразив, что надо что-то говорить, не молчать только, не выдавать своего испуга.

Слепой не заметил волнения. А может, вид сделал, что не заметил. Заговорил о дружках-товарищах, о девчонках знакомых, о работе своей. Потом заторопился, сказал, что опаздывает: кружок какой-то там у них собирается, а он староста. Пригласил Витьку заходить прямо домой, адрес напомнил. Руки вот только почему-то не протянул, повернулся, пошел в сторону, помахивая палочкой да постукивая ею.

Вечером Витька валялся на кровати и все раздумывал: почему слепой не подал ему руки? Решил, что, наверное, обычай такой у них, у незрячих: неудобно невесть куда в темноту руку совать, обыкновенному человеку смешно показаться может. Решил так и успокоился: не знает ни о чем слепой, не догадывается.

Через несколько дней потянуло его снова к слепому. Пришел. Мать проводила Витьку в комнаты. Подивился на толстые огромные книги. Потом чай пили, болтали. Позднее явилась соседская девчонка, темноволосая, с красивым строгим лицом и карими добрыми глазами. Познакомились, назвалась Аней. Слепой при ней сразу как-то обмяк, застенялся. «Любит, — подумал Витька про него, безмерно удивляясь своей догадливости и поражаясь в то же время этим открытием. — Да как же это он? На что ему надеяться? Болван безглазый».

Но шли дни, и Витька убедился, что слепой пользуется взаимностью. Девчонка заканчивала техникум, слепой говорил, что она скоро станет медсестрой. Про себя он молчал, но Витька видел, что и он возится с книжками, ходит на лекции. Тянется! Живет! И чувствует себя счастливым, чего про себя Витька сказать не мог. У Витьки слепой стал вызывать злость.

У Витьки были о счастье свои понятия. Он твердо верил материнским воспоминаниям о сладком адвокатском житье в былые годы, когда она пускалась в рассказы о балах и нарядах, о гостиных, сверкающих позолотой, об обедах на серебре с осетриной от самого Елисеева, об ужинах с картами, о красивых женщинах в шуршащих шелковых платьях. Он знал, что у адвоката денежки водились. Когда ему было пятнадцать лет, Витька вбил себе в голову, что адвокат спрятал где-нибудь в доме клад. Он лазил на чердак, выстукал стены, отодрал в одной из комнат половицы, разрыл землю в подвале, однако ничего не нашел. Через год страсть кладоискательства прошла, но в мозгу прочно и тревожно осел золотой туман.

— Что бы ты сделал, — спросил он как-то слепого, — если бы клад нашел?

Слепой не понял сразу. Потом сказал задумчиво:

— Отдал бы.

— Кому? — чуть не закричал Витька.

— В мастерскую. Купили бы два новых станка.

— Почему два?

— Ну три. Это еще лучше.

Витька с сожалением посмотрел на него. Слепой не видел его взгляда.

— А я бы... — начал Витька, но задохнулся, умолк. Черные очки выжидательно уставились на него: «Стекла, — подумал Витька. — Это только стекла...»

Через месяц они уже не встречались. И виноват был опять Витька. Он так и не отвык от своей любви к мелким пако-стям. Увидев на улице Аню, увязался за ней, стал расспраши-вать про слепого, удивлялся его работоспособности и жажде жизни, заставил Аню пооткровенничать. А подойдя к калитке, повернул девушку к себе, засмеялся и в упор бросил:

— Как же это ты с ним, а? С незрячим-то? Мыкаешься ведь, а?

У Ани задрожали губы, на глаза навернулись слезы.

— Дрянь, — тихо сказала она. — Я давно поняла, что ты дрянь.

И ушла. А он стоял у калитки, глядя ей в спину, и усмехался странно. Тогда он не понимал, что это зависть. Тогда ему было только восемнадцать лет...

Он не знал, что такое любовь, ни в восемнадцать, ни в два-дцать пять, ни в сорок шесть... В юности Назаров относил это равнодушие, с которым женщины проходили мимо него, к особенностям своей внешности. Он не любил смотреть на свое отражение в зеркале, потому что зеркало показывало ему отнюдь не киногероя. Он хотел бы походить на Кторова — экранного кумира тех времен. Холодное стекло бесстрастно заявляло, что его внешность не несет в себе демонических черт. И хотя он не любил свое отражение, но любил себя. И поэтому злился на женщин, которые, как он думал, избегают его из-за того, что очень высоко себя ценят.

Назаров ошибался. С самого детства он был уверен, что жизнь с ним обошлась жестоко. А жесток был он. Как-то, когда он разговаривал со слепым о смысле жизни и о счастье, тот заметил, что все разнообразие человеческих отношений, в сущности, можно свести к несложной формуле. «Ты нужен людям, пока отдаешь, — сказал слепой. — Когда начинаешь брать, ты перестаешь быть членом общества и теряешь право на уважение». Слепой добавил, что и в любви так. А Назаров считал, что не так. Он не верил слепому. Откуда у слепого может взяться мудрость? Из толстых книг с выпуклыми буквами? Чушь. Назаров тоже читал книги. Но книжные прописи не укла-дывались в сознании, не соотносились с жизнью, которой он жил. Слепой был дураком. Он не искал кладов, не мечтал о красивых костюмах, о ресторанах, в которых официанты под-носят денежным клиентам осетрину на серебряных тарелках и, угодливо изгибая спины, ждут чаевых. Слепой, он и есть сле-пой. Правда, Назарова смущала любовь Ани к слепому. Он не понимал, за что можно любить урод. А выглядел слепой сча-стливым. И Аня тоже.

Война не опалила Назарова жгучим крылом, пронеслась мимо него. Четыре года он вертелся в тылу, в автобате, чинил машины. На фронт его не послали по той же причине, по какой в свое время не взяли в армию. Врачи находили у него туберкулез. Процесс затухал на время, потом приходили обострения. А после войны и совсем заглохла болезнь, хотя особых стараний к лечению Назаров и не прилагал.

Он не вернулся к матери. В сорок пятом автобат был переброшен на Дальний Восток. Там Назаров демобилизовался, там и остался. Хотелось подзаработать. Завербовался в леспромхоз, устроился электромонтером. Платили здесь хорошо, и он завел сберкнижку. Рассчитывал за несколько лет поднакопить денег. Мечтал по ночам о том, что через какое-то время станет богатым, считал, складывая в уме трехзначные цифры. Злился, что денег будет все-таки мало. Жил скучно, одиноко и тихо. Работал, правда, на совесть, начальство его уважало и отмечало. Но он-то знал, что дело не в совести. Просто работа давалась ему легко, без усилий. Он и на работе ухитрялся не отдавать всего себя...

Три часа десять минут. Назаров спохватился, сорвался с места и быстро прошел в спальню. Позвал тихонько:

— Лиза, пора.

— Уже? — сонно спросила женщина, сбрасывая одеяло.

— Да, пора.

Он смотрел, как она одевается, и думал о том, что опять останется в одиночестве со своими мыслями. Ему очень не хотелось, чтобы она уходила. Очень... Но ей пора домой за вещами...

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Значит, вы утверждаете, что Назаров брал билет до Курска на понедельник?

Шухов внимательно смотрит на женщину. Она выдерживает его взгляд. Она даже как будто не понимает этого вопроса. Тогда Шухов достает другой билет, тот, который лежал в кармане пиджака в назаровской квартире, но медлит, не показывает его ей. Ему приходит в голову еще вопрос.

— А вы не заметили, куда Назаров положил купленный билет? Где он был, когда вы уходили сегодня утром?

Женщина задумывается. Шухов видит, что она мучительно соображает, в чем тут дело. Она еще не примирилась с тем, что ее Виктора больше нет, что случилось нечто страшное. А ее спрашивают о каком-то билете. Ей надо ответить, где лежал этот билет. Шухов видит, что ее снова душат слезы, что она борется с ними...

— В нагрудном кармашке пиджака, — наконец вспоминает она.

Да, он лежал там, этот билет. Она видела его, когда перевешивала пиджак Виктора с одного стула на другой. Виктор, ложась спать, накинул пиджак на ее платок. Утром она сняла его, повесила на другой стул. И видела картонку, торчащую из кармашка. Конечно, это был билет.

— Кто убил Виктора? — глухо спрашивает она. Шухов не отвечает, задает свой вопрос.

— Чем вы объясните вот это? — он бросает на стол билет, который лежал в кармане убитого. — У Назарова мы нашли билет до Сочи.

— Я... Я не знаю, — теряется женщина. — Неужели он меня обманывал? Зачем же он дал мне столько денег?

«Да, — думает Шухов. — Да. Странно все это, очень странно».

— Уточните, когда вы вчера пришли к Назарову.

— По-моему, в девять вечера. Было уже темно.

А в семь Назаров заказал такси. Перед Шуховым лежит бумага, на которой записан разговор Кожохина с диспетчером автопарка.

КОЖОХИН. Припомните с самого начала вашу беседу с клиентом. Он позвонил вам в субботу вечером.

ДИСПЕТЧЕР. Да. Заказ принят в семь вечера.

КОЖОХИН. Что он говорил?

ДИСПЕТЧЕР. Назвал фамилию. Адрес. Номер телефона. Попросил прислать машину к четырем часам утра в воскресенье. Сказал, что поедет на вокзал.

КОЖОХИН. Дальше?

ДИСПЕТЧЕР. Без четверти четыре я позвонила клиенту.

КОЖОХИН. Вы сами звонили?

ДИСПЕТЧЕР. Да, я. По графику я дежурю с шести вечера субботы до шести утра воскресенья.

КОЖОХИН. Итак, вы позвонили?

ДИСПЕТЧЕР. Без четверти четыре. Он поднял трубку, сказал: «Назаров у телефона». Я сказала: «К вам вышла машина № 24-23». Он сказал: «Спасибо. Буду ждать на улице».

Еще один протокол. Показания шофера такси.

«Я, водитель такси № 24-23, Иван Тихонович Загоруйко, подал машину к дому № 18 по улице Тополевской в воскресенье в четыре часа. Клиент, уже предупрежденный диспетчером по телефону, сказал, что будет ждать такси на улице. Я прибыл на место ровно в четыре часа. Клиента не было видно, а из форточки валил дым...»

«А из форточки валил дым», — подумал Шухов. Выходит, что Назаров обманывал Мокееву в этой истории с поездками. Но зачем отдал ей семь тысяч? Или Мокеева сейчас обманывает Шухова? Но не верится этому, не может Мокеева обманывать. Весь опыт следователя протестует против такого предположения. И тут же ему приходит в голову другая мысль. Опыт. А что такое, в сущности, опыт? Каждый из нас накапливает свой личный жизненный опыт. Мы опираемся на него, действуем подобно с ним, поучаем других, исходя из собственного опыта, которым гордимся, как хорошо подогнанной одеждой. Мы несем багаж своего опыта по жизни, пополняем его. А бывает, и останавливаемся. Считаем, что хватит. И тут мы становимся нетерпимыми к чужому мнению: оно кажется нам неверным, потому что противоречит нашему. Мы перестаем мыслить, начинаем мешать окружающим, а думаем, что они мешают нам. Полезный груз опыта превращается в гири, которые только оттягивают руки. Грош цена опыту следователя, если сейчас Шухов ошибается в Мокеевой. Конечно, она не убийца. У нее есть алиби. Он даже готов поверить, что Наза-

ров сам вручил ей семь тысяч рублей. Что подтверждает ее слова? Бесспорное алиби: Кожохин выяснил, что она ушла из дома, когда Назаров был еще жив. Для того чтобы вернуться, у нее не было времени. Без четверти четыре Мокеева была у себя на квартире. Деньги были у нее.

Стоп! А если не у нее? Если ей отдал эти деньги кто-то другой? Мог убийца вручить ей деньги на вокзале? Да, это могло быть. И тогда вся история выглядит иначе.

Билета до Курска не было вообще.

Назаров продал дом, собрался ехать в Сочи. Мокеевой он никаких денег не давал. И вся игра. Мокеева — эпизод в жизни Назарова. Он ей сказал «адью». А она захотела воспользоваться деньгами. Последняя ночь. Ссора. Назаров курит, нервничает. Мокеева уходит рано. У нее уже все задумано. После ее ухода в квартиру к Назарову входит убийца. Удар ножа. Хотя нет. Без четверти четыре Назаров еще жив, укладывает чемодан, разговаривает по телефону. Значит, убийца пришел без десяти четыре, убил Назарова, забрал деньги и поджег дом. Конечно, он не знал о такси. Иначе поджог теряет смысл. Все укладывается в версию? Кажется, все, если отбросить старика Комарова... Если отбросить...

Значит, побоку психологические нюансы? А если Мокеева говорит правду? Если на самом деле был билет до Курска? Кстати, и Комарову Назаров сообщал о том, что освободит дом в понедельник. Комарову тоже верить нельзя? Но ведь не могли же сговориться Комаров с Мокеевой! Уж очень неправдоподобно выглядело такое предположение.

А в семь Назаров заказал такси. Против этого факта не попрешь. Билета в Курск могло не быть. Билет до Сочи лежал в нагрудном кармашке пиджака. Мокеева разошлась с мужем три месяца назад. Через месяц встретила Назарова. Муж Мокеевой? Еще одна фигура. Почему Мокеева смутилась, когда Шухов спросил, знал ли ее муж Назарова?

— Мы продолжим разговор попозже, — сказал он Мокеевой. И позвонил Кожохину: — Пока суд да дело, надо маленькую проверочку устроить. Тут еще одно лицо выплывает.

И Шухов рассказал Кожохину о допросе Мокеевой и о ее муже, с которым он не прочь познакомиться.

— Поедем к нему? — лаконично спросил Кожохин.

— Да, поглядим, что это за изобретатель...

Есть лица, которые, доживая до преклонного возраста, не приобретают права на уважение окружающих. Никто из соседей, например, не знает полного имени такого человека. Его до седых волос зовут уничижительно-ласково Колей или Леней, обращаются с ним подчеркнуто фамильярно, словно с несмышленишем; знакомые беззастенчиво пользуются его простодушием, за услуги, оказанные им, расплачиваются не благодарностью, а смешком. Когда такой человек попадает в веселящуюся компанию, то по молчаливому сговору присутствующих избирается мишенью для острот. Шуточки разного калибра сыплются на его голову, как из рога изобилия, а он только ухмыляется молча или хохочет вместе со всеми над своей не-

полноценностью. Его еще в детстве убедили, что у него мозги «с заскоком». А «заскоком» может быть что угодно, выходящее из привычного ряда: любовь к животным или страсть к изобретательству. Родители обычно считают его бестолковым, мальчишки, заметив изъян в его поведении, отмечают это обстоятельство метким липким прозвищем.

Эдуард Мокеев был таким человеком. Шухов понял это, как только бросил взгляд на обстановку квартиры, на лицо изобретателя. И он подумал: «Похоже, сюда мы приехали зря».

— Мокеев? Это какой Мокеев? Эдя, что ли? — спросила женщина, выносившая из подъезда ведро с мусором. — Господи, так бы и говорили. А то — Мокеев. Какой такой Мокеев? А Эдя — звон он. В третьем подъезде квартира, на втором этаже.

Рядовая однокомнатная квартира выглядела странновато даже для привычных ко всему, казалось бы, следователей. На том месте потолка, где полагалось быть люстре, висела огромная железная гребенка. В углу — гора журналов и книг. Шухов сразу вспомнил свою неприбранную библиотеку. Над кроватью, прямо над изголовьем, торчал рогатый, со стальной просинью магнит. На письменном столе в беспорядке громоздились разного калибра линзы, обрезки медных трубок, аккумуляторы и еще какие-то приборы. Тут же стояло несколько граненых стаканов, опоясанных железными кольцами. Сбоку от кровати — небольшой верстачок с тисками, инструментами, мотками проволоки.

Хозяин, бритоголовый, не старый еще человек, в роговых очках, одетый в вылинявшую гимнастерку, заправленную в брюки, вопросительно оглядел гостей и скороговоркой произнес: — Если вы насчет электроэнергии, то пришли напрасно. Да. Я плачу исправно. В этом отношении у меня все в ажуре. Напрасно, напрасно.

— Мы из милиции, — перебил его Кожохин.

— Не понимаю, — человек смешно вздернул плечи. — Я для милиции не представляю интереса. Так что это напрасно. Вот разве паспорт, — вдруг спохватился он, кинулся к столу, захлопал ящиками, нашел темную книжечку, близоруко заглянул в нее, торжествуя произнес: — Нет, не просрочен, — и вновь принялся повторять полюбившееся, видно, словечко «напрасно».

— Чем вы тут занимаетесь? — с любопытством спросил Шухов, рассматривая странную окраску стен. Одна из них была как будто покрыта пылью. Две другие пестрели обычными цветочками наката. Зато четвертую словно покрыли сажей. Он подошел к черной стене, потом поглядел на гребенку под потолком и сообразил, что квартира превращена в гигантский работающий конденсатор или что-то в этом роде (Шухов не силен был в электротехнике). Пыль электризовалась и оседала на одной из стен. «Ничего себе пылесосик», — усмехнулся Шухов.

А продолжавший недоумевать Эдя разяснял тем временем, что его занятия непредвзятые, опасности для окружающих не представляют и он просто не может понять, чем обязан визиту товарищей из милиции.

«Глупости какие-то, — подумал Шухов, — Эдя этот». И бросил взгляд на Кожохина. Тот едва заметно качнул головой, словно соглашаясь. Но уходить они не торопились. Хоть и чудной парень Эдя, но нужно было и порасспросить его кое о чем.

— Что вы делали сегодня утром? — спросил Шухов.

— Утром? Когда утром?

— Ну так часа в четыре?

— А что, — забеспокоился Эдя, — соседи жаловались? В четыре часа я обычно подвергаю свой организм воздействию магнитного поля. Популярно? Включаю рассеиватель, — он указал на гребенку, — и ложусь в кровать. У них, видите ли, иногда слышится шум. Стенки тонкие, дом панельный.

«Чушь какая, — мелькнуло в голове у Шухова. — Подумать, что этот человек — убийца? Нет, надо закружиться».

— А он здорово шумит, рассеиватель ваш?

Эдя щелкнул выключателем. Раздался тонкий свист, постепенное перешедший в ровный гул. В стенку, ту, которая была по чернее, застучали. Эдя смутился. Шухов улыбнулся.

— Мешает им, понимаете, — сказал Эдя. — Когда они транзистор крутят, я не стучу.

Шухов резонно заметил, что эксперименты с электричеством в квартирах не разрешаются. Эдя разразился длинной тирадой, из которой явствовало, что расход электроэнергии не превышает обычной нормы, положенной для бытовых приборов, а лаборатории в его распоряжении нет, так что вот... приходится. Затем он перешел к существу дела, рассказал, что его работы имеют важное значение, что он на грани открытия, которое перевернет все представления о магнетизме. Он предложил Шухову выпить стакан намагниченной воды. Тот покачал головой. «Напрасно, — сказал Эдя. — Ваши сосуды очистились бы от холестерина». — «А зачем вам телескоп?» — спросил Шухов. «Это хобби, — сказал Эдя. — Может ведь быть у человека хобби». Из дальнейшего разговора выяснилось, что Эдя работает счетоводом на хлебозаводе, что жена от него ушла, потому что не хотела спать под магнитом. «А Назарова вы, случайно, не знаете?» — спросил Шухов. Эдя ответил, что не знает, но если он писал что-нибудь о магнетизме, то Эдя хотел бы об этом услышать. Шухов ответил, что, насколько ему известно, Назаров этими вопросами вряд ли интересовался. Кожохин во время этого содержательного разговора молча сидел на табуретке, играя скулами. А когда они распрощались с изобретателем и вышли на площадку, сказал:

— Не удивительно, что его жена бросила. Он же определенно чокнутый...

— Одержимый, — поправил Шухов. — Я встречал таких людей. Обычно они изобретают велосипеды. Но... всякое бывает.

— А вы уверены, что в четыре часа он был дома?

— Проверь, — лаконично предложил Шухов. — Позвони к соседям.

И стал спускаться по лестнице, решив окончательно выкинуть Эдю из головы.

Кожохин все-таки позвонил. Брякнула цепочка, дверь приоткрылась. Кожохин произнес несколько слов. Дверь открылась

пошире, слышался чей-то возмущенный тенорок. Через минуту Кожохин нагнал Шухова и молча пошел рядом.

— Убедился? — спросил Шухов.

Они свернули на бульвар. Под деревьями дымились кучи опавших листьев. Город чистился, готовясь к зиме. Дворники жгли листья, чтобы они не гнили где попало, не загрязняли асфальт. Шухов слышал, что это вредит деревьям. Может быть, это было и так. А может, и не вредит. Он хотел подумать о листьях, чтобы отвлечься от мыслей о странном деле. Но эти мысли не уходили.

— Что ж, — сказал он Кожохину. — Я не против что-нибудь съесть. Но сначала забегу в прокуратуру. Мокееву надо отпустить домой. Говорить с ней сейчас не о чем.

Лиза Мокеева за эти часы успела как-то странно измениться. Лицо осунулось. В глазах появился сухой блеск. Она поднялась навстречу Шухову и тихо сказала:

— Я должна признаться, что обманывала вас.

Шухов удивленно поднял брови. Только этого еще не хватало. Если она сейчас признается в убийстве, то что же это значит?

— Да, — звонко произнесла женщина. — Я не все сказала. Он следил за мной.

— Кто? — вырвалось у Шухова.

— Муж. Последние дни он каждое утро крадучись провожал меня до самой квартиры. Я ведь уходила от Виктора рано, затемно.



Киоск открывать надо было в шесть часов. И каждый день я видела мужа, следовавшего за мной по пятам.

«Вот так так!» — подумал Шухов и мысленно чертыхнулся, вспоминая роговые очки Эди, стакан с намагниченной водой и железную гребенку под потолком.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Три часа двадцать минут. Один. Лиза ушла. Единственная женщина, к которой Назаров относился не так, как к другим. Ушла... Стук ее каблучков еще отзывался в ушах. Стук каблучков и щелчок английского замка на входной двери. Лиза ушла, и снова дремотная утренняя тишина стала окутывать его теплым невесомым одеялом.

— Значит, договорились, — сказал Назаров.

— Конечно, Витя.

Она причесалась, смотрясь в оконное стекло. Зеркало уже было продано.

— Поешь что-нибудь. Там на кухне есть колбаса.

— Ладно, обойдусь. Я и так, кажется, толстею.

— Ну пока, — сказал Назаров, притягивая ее к себе.

Она на секунду прижалась к нему, торопливо поцеловала. Щелкнул замок. Простучали каблучки за окном. Тишина. Три часа двадцать минут... Единственная женщина, которую он, кажется, полюбил. За что? Почему? Может, пришло время и ему полюбить. Как поздно и как несправедливо!..

И опять длинной вереницей потянулись назойливые ненужные воспоминания. В них не было места тому основному, что составляет обычное содержание жизни человека. И он ведь, как и все люди, трудился, делал что-то, возможно, даже полезное. Но он никогда не задумывался об этой стороне жизни. Его хвалили, ему поручали сложные работы. И он выполнял их и получал благодарности. Однако точно так же можно было благодарить робота, бесчувственный механизм, которому недоступны радости творческого труда. Назаров, в сущности, и действовал как робот. И в его воспоминаниях не откладывалось то, что относилось к работе. Зато мелочи, какие-то совершенно ненужные мелочи прочно оседали в голове. Однажды он на охоте промазал по зайцу. Услужливая память до сих пор донесла разочарование, которое он испытал в тот момент. Руки помнили, как дернулось ружье после выстрела, глаза видели удирающего зверя, который, как показалось тогда Назарову, и удирал-то с каким-то торжеством, словно зная, что у охотника нет во втором стволе патрона...

Годы в леспромхозе летели, как курьерские поезда. Ни станций, ни полустанков. За окном его квартиры билась большая жизнь, а он не видел ее, не ощущал, не хотел принимать. Раз в полмесяца он приходил в сберкасса, выписывал приходный ордер, а вечером складывал в уме трехзначные цифры и шептал: «Мало». Он даже не знал толком, зачем ему нужно много денег. Назаров мог хорошо одеваться, накопленной суммы хватило бы, чтобы съездить на курорт. Но это было не то. А «то» он представлял в тумане. «То» оборачивалось иногда давно виденной картинкой из иностранного иллюстри-

рованного журнала. Красивая женщина стояла возле длинного лимузина, бесстыдно задрав ногу на крыло. «То» приходило иногда в сонном мареве, когда и понять и запомнить, что же оно такое, не представлялось возможным. Оставалось только приятное ощущение и знание, что давалось оно, это ощущение, ему за деньги. А денег было мало. Их не хватило бы Назарову, чтобы начать счастливую жизнь.

В тридцать пять у него случился роман. Как-то вечером к нему забежала соседка по бараку. «Нет ли спичек?» И остановилась в дверях, разглядывая его, затараторила о чепухе. «И что же вы все один да один?» Он знал ее, встречал каждый день в столовой, слышал, что бабенка легкая, доступная. Дома увидел впервые. В шелковом халатике, с голыми руками, она показалась ему привлекательной. Назаров ощутил вдруг, как побежал холодок по спине. «А что, если она неспроста пришла? И не за спичками?» Пригласил присесть. Согласилась, села на стул, заговорила. «В кино бы сходили». — «Что-то нет настроения». «Обнять бы ее», — подумал Назаров. Но побоялся: а вдруг ошибается он, и женщина не затем пришла. Противно будет, если оттолкнет. А она поднялась со стула, подошла поближе, спросила: «Что это у вас в углу, шкура, что ли, медвежья?» — «Шкура», — сказал он и затаил дыхание, чувствуя, как она прижалась грудью к спине. Не выдержал, обернулся, притянул податливое тело.

Они стали встречаться. Однажды он сказал:

— Что ты во мне нашла? Полюбила, что ли?

— Да нет, — хихикнула она. — Любопытен ты мне. Живешь как-то не так. Не пьешь.

— Замуж захотела? — он постарался вложить в эти слова побольше сарказма.

— Ну-у! — недоуменно протянула она. — Какой из тебя муж?

— А что?

— Да так. Ненастоящий ты.

Он задумался над ее словами. Хотел понять. Допытывался. Она смеялась, объяснять не хотела, легко уходила от ответов. Это сердило его.

— Мало тебе, что ли? — спрашивала. — Хожу ведь к тебе. Чего еще надо?

А через месяц сказала:

— Нет, не соображу никак.

— Что?

— Да вот почему ненастоящий ты. Может, ты вор?

— Дура!

— Нет, правда. Есть что-то за тобой.

Она подумала, потрепала его по волосам. Медленно произнесла:

— Или убил кого? А? Ты скажи. Доносить не пойду. Заинтересовал ты меня.

— Почему ты так подумала? — спросил Назаров тихо.

— Не знаю, — просто сказала она. — Вот смотрю на тебя и думаю, что ты прячешь что-то в себе, таишься. Зверь вроде в тебе сидит. И молчит, ждет чего-то. Может, часа своего ждешь? А? Не пьешь вот ты. Почему все мужики пьют, а ты нет? Больной, что ли?

— Дура ты, — сказал он уже спокойно. — Воображаешь невесть что. Много сладкого жрешь. Вредно это для бабы. Поняла?

Больше она не пришла. Он подождал, подождал, да и плюнул. Стороной услышал, что нашла себе другого мужика. Однако странные ее слова запомнил. Имя забыл. Слова помнил: чудными уж больно они ему показались тогда, эти ее глупые слова, задели что-то в душе, разбредили, потревожили.

Тогда!.. Верно, видно, говорят, что у баб второе зрение имеется. Выходит, и Лиза такая же. Да нет, Лиза никогда не задавала ему глупых вопросов. Поглядывать только стала внимательно. И старик Комаров тоже. Сволочь старик. Кулак бывший, поди. Нет, шалишь, старый жлоб. Бери дом, пользуйся. Сели в него своего Митьку с молодой женой. Не добраться тебе до Назарова, уедет Назаров, только его и видели. Со страхом уедет. Два года еще как-нибудь отмучается. А потом?

Будет ему потом пятьдесят. И ничего ему уже тогда не понадобится. Пролетела жизнь, как самолет над лесом, и сгорела без дыма, без пламени. «Ненасущный». Баба та как в воду смотрела. Дрянная бабенка, а вот увидела, раскусила, своим бабьим умом дошла. Предугадала. А до нее кто был? Слепой? Нет, слепой — болтун. Ничего он не знал, не ведал. Аня? Ушла в калитку, ссугулилась. «Дрянь». Прилипают вот такое на годы. И не отмоешь, не вытравишь никакой кислотой. Кажется, видимость, пустяки, слова. А живут эти слова в нем...

«К черту!» — Назаров резко поднялся со стула, заходил по комнате. Три часа двадцать пять минут. Как медленно идет время! И делать ничего не хочется, хотя сделать надо много. Пска Комаров не явился.

А чего он, собственно, так заботится о Комарове? Не убьет ведь его Комаров, если и допрет до дела. Или убьет? Старик хлипкий. Не справится. Митьку напустит? Ерунда. Поймают враз Комарова, не сумеет покрыть преступление, обелить себя. А убить Комаров, пожалуй, может. Митька — нет. Митька мужик тихий, обстоятельный. Работяга. Не в отца пошел.

Год назад Назаров видел старика на базаре, когда ходил аквариум покупать. Побродил по птичьему рынку, где топтались торговцы, поставляющие любителям рыбок, корм, птиц и клетки. Послушал писк канареек, воркотню голубей, посмотрел на ежа, которого продавал какой-то мальчишка. Ручной совсем был еж, к любому на руки лез. Но Назарову еж был ни к чему. Договорился он насчет аквариума и всех приспособлений. Купил, сложил все в мешок и недолго побродил по мясным рядам. Заглянул и в угол, где за столами возвышались продавцы меда в белых халатах. Комарова увидел: торчал старик с краю, шевелил ленточкой в ведре, деловито прятал зелененькие бумажки куда-то в глубину своего одеяния, чуть ли не на пузе под штаны.

«Убьет запросто», — подумал Назаров, вспомнив эту сцену, а потом сберкасса, когда ему пришлось чуть не силком вырывать из рук старика пачку сотенных — плату за дом. Тянул и чувствовал, как тот напрягается, не хочет отдавать, словно отрывают от его тела куски живого мяса.

Бегут секунды, ползут минуты. В ушах звучит назойливый

шепот. Несется над лесом самолет. Стучат Лизины каблучки под окном. Сладко жмурится где-то поблизости старик Комаров. А откуда-то изнутри, из глубины сознания поднимается горячий шепот: «Убил, да?»

Тикает старый будильник на столе. Бежит по кругу секундная стрелка. Не выскочить ей из круга никогда. И так же по кругу бегут мысли Назарова, торопятся, спешат. Но заколдован круг утренней тишиной. Только один голос и слышится в ней: «Убил, да?»

Три часа тридцать минут...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В понедельник Шухов послал весь свой опыт к чертям. Опыт — отличная штука до тех пор, пока не превратится в шоры на глазах. Когда опыт начнет руководить поступками и мыслями человека, заставит этого человека верить только своим ощущениям и убеждениям, тогда этому опыту надо сказать «прости». Опыт не приемлет неожиданных поворотов.

Деньги, семь тысяч рублей... В арсенале шуховского опыта накоплено было немало похожих случаев, когда деньги играли главную роль. И сейчас он не мог сбросить со счетов психологию корысти, которая часто толкает людей на преступления. Но эти семь тысяч никак не хотели вписываться ни в одну из версий, сколько он их ни придумывал. Была жертва — Назаров. Был мотив — семь тысяч рублей. Очень основательный мотив. Очень убедительный. Были подозреваемые — Мокеева, Комаров, сын Комарова и с некоторых пор муж Мокеевой — чудаковатый Эдя. Последний, правда, ни в какие ворота не хотел лезть. Шухов немедленно раздражался, как только мысль об Эде приходила в голову.

Экспертиза не внесла в дело ничего нового: «Назаров убит между тремя и пятью часами утра». Орудие убийства не найдено, значит, убийца унес нож с собой. Предположение о том, что обходчик решил кончить жизнь самоубийством, не годилось. Это глупое предположение возникло на секунду у Шухова, и он тут же отругал себя. «От безнадежности, что ли?» — мелькнула мысль.

Про будильник эксперт сообщил, что это старый механизм, но с удивительно точным ходом. На будильнике обнаружили отпечатки пальцев Назарова. Больше ничего. Были изучены осколки аквариума. На них никаких отпечатков не оказалось. Полусожженные книги Шухов попросил доставить к нему в кабинет, полистал еще раз, пожал плечами. От книг несло керосином. Вот и все. Следы на полу в квартире интереса не представляли, ибо не было их, этих следов: пожарные потрудились на славу.

О Назарове в характеристике с места работы отзывались весьма положительно. Трудовая книжка в порядке. В ней записано несколько благодарностей. Уволился Назаров по собственному желанию. Говорили о нем, правда, как-то общо: «Монтер хороший»; «Золотые руки — починит что хочешь»; «Как человек? Да кто его знает? Неплохой вроде человек, замкнутый немного, но уважительный»; «Он как-то больше сам

по себе»; «Непьющий, поэтому и не водился ни с кем»; «Поговорите с Петровым».

Петров, громоздкий мужчина с обветренным лицом:

— О Назарове? Что сказать? Заходил он ко мне. Коробку как-то мастерил, железо просил. Когда? Да с год уж будет. Еще чего? Право, не знаю. Курили мы с ним иногда, беседовали. О чем? Да о пустяках. О погоде, о болезнях. Он мне еще рецепт дальневосточный дал от ревматизма. «Иголки, — говорит, — в уксусе раствори и мажься».

— Мазались?

— Пробовал.

— Ну и как, помогло?

— Да кто его знает. Может, и помогло.

— Странностей за ним не водилось?

— За Назаровым-то? Нет, не замечал. Тихий человек был. И врагов-то у него не должно бы быть. А поди вот. Убили. За что человека убили? Ума не приложу...

Но семь тысяч рублей были в руках у Мокиевой. Семь тысяч — не букет цветов.

— Вы утверждаете, что ваш муж следил за вами. На чем основываете вы свои подозрения?

— Кто же еще?

Вот именно. Кто же еще будет по темноте бродить за любовницей обходчика, как не ревнивый муж? А он не показался Шухову ревнивым. Ему вообще наплевать, этому Эде, на жену и ее дела. Или не наплевать? Тогда Шухова надо гнать с работы. Не разобрался он в Мокиеве. Да и с Назаровым нет ясности. Восемь лет в городе жил тихий человек — обходчик Назаров. На девятый собрался куда-то ехать. Продав дом — и привет.

Продав дом... Продав дом... Зачем ему понадобилось продавать дом? Мокиева на этот счет толком ничего не смогла объяснить. Надоело ему, видите ли, в нашем городе жить. Скучно стало. В конце концов, может, и нет в этом поступке ничего особенного. Прискучило человеку на одном месте жить, захотел сменить обстановку...

Размышления Шухова прервал телефонный звонок. В трубке зарокотал голос Кожохина:

— Поговорить надо, Павел Михайлович.

— Что-нибудь новое?

— Да как сказать. Оно вроде старое, но на новый мотив.

Кожохин зашел минут через десять. Сел, не снимая пальто, вытаскил сигарету.

— Комаров номера откалывает, — сказал он, выпуская струйку дыма через нос и следя за облачком. — Всю ночь около милиционера просидел.

— Что, что? — не понял Шухов.

— Да около же назаровского дома. Явился с вечера, уселся на крылечко, заявил постовому, что дом теперь ему принадлежит и он его вроде сам охранять должен. Не доверяет милиции и все такое...

— Ну?

— Ну и просидел. Байки рассказывал. Со светом спать ушел.

— Н-да, — протянул Шухов. — Историйка. Между прочим, Мокееву я отпустил.

— А деньги?

— Деньги? Деньги в сейфе лежат.

— Да не о том я.

— И я не о том, Иван Петрович. Назаров действительно брал билет до Курска. Кассирша опознала Мокеева. Сказала, что вместе с ней был Назаров, описала его. Ошибки быть не может, потому что внешность у убитого уж очень характерная, запоминающаяся.

— Но мы-то нашли билет до Сочи. Он что, второй раз в кассу приходил?

— Тут я не помощник. В Сочи сейчас едут сотни людей. Может, он и приходил второй раз в кассу.

— Что же кассирша Назарова во второй раз не заметила?

— Во-первых, она там не одна. Во-вторых, этот вопрос открыт.

— Дела... — Кожохин раздавил сигарету в пепельнице, вздохнул.

— Надо думать, что дальше предпринимать будем, — сказал Шухов. — Главное, по-моему, — Назаров. Не знаем мы ничего о Назарове. Получается так: жил человек, работал, а чем дышал, о чем мечтал — неизвестно. Я вот почитал показания и увидел пустоту, общее место. Чувствуется, что, пока мы эту пустоту не заполним, толку не будет. Запросами, сам понимаешь, тут не отделаешься. Видимо, надо съездить кое-куда.

— С начальством надо беседовать.

— Говорил. Начальство согласно. Командировку хоть сейчас выпишут...

Шухов проводил Кожохина до аэродрома. Остаток дня просидел над бумагами, которых уже накопилось порядочно. Во вторник ему доложили, что старик Комаров опять сидел возле дома, калякал с милиционером, подсчитывал убытки от потерь.

— Ну что ж, — сказал Шухов. — Поглядим, что из этого выйдет.

Подумал: все ли сделано? Мокеева, изобретатель Эдя, старик Комаров — на виду. Сын Комарова — Дмитрий? Произвел на Шухова хорошее впечатление. Явно не понимал в воскресенье, зачем он потребовался милиции, когда его нашли в лесу. Собирал грибы. И набрал уже полную корзинку к тому часу, когда его увидели. Человек, совершивший убийство, вряд ли способен с таким усердием искать грибы. На отца Дмитрий похож только внешне. Характер, видимо, мягкий, покладистый. Манера держаться приятная. Говорит неторопливо, толково, спокойно. «В мать удался», — подумал Шухов, вспоминая дебилую старуху с ухватом.

— Назарова хорошо знаете?

— Да нет. Батя с ним больше беседовал. У меня другая компания.

— Заходил к вам Назаров?

— Редко. Батя сам к нему путешествовал. Почти соседи ведь.

— Чего так поздно жениться надумали?

— Пришлось так, выходит.

Еще вопросы. Еще. И еще. Вопросы, имеющие отношение к делу и не имеющие к нему никакого отношения. Спокойные ответы, прямые, без уверток. Никаких нюансов. Однако алиби у Дмитрия нет. Алиби есть у Мокеевой. У ее мужа алиби непрочное. Да и Мокеева утверждает, что Эдя следил за ней. Только в утро убийства Мокеева мужа не видела. В утро убийства, сказала Мокеева, никто за ней не шел. А соседи Эди говорят, что в четыре часа эта штука на потолке Эдиной квартиры гудела во всю ивановскую. Однако соседи говорят, что эта штука гудит ежедневно, регулярно в одно и то же время. Мог Эдя включать ее и уходить? Мог, конечно. За Эдей ведь никто не следил.

Шухов задумчиво полистал дело, порядочно распухшее ко вторнику. Взгляд упал на фамилию Загоруйко. «А что это еще за личность?» Вспомнил: шофер такси, первый свидетель по делу, случайный человек. Впрочем, так ли уж случайный?

В парке пассажирского автохозяйства Шухову показали старичка вахтера, дежурившего в ночь с субботы на воскресенье. Старичок носил благообразную бородку клинышком, часто поглаживал ее во время разговора. Рассказать про ночь? Нет, он не спал, как можно спать? Загоруйко, тот спал. Да, вот тут на диванчике.

Вечером шофер попросил разбудить его без двадцати четырех. Старичок аккуратно выполнил просьбу. Загоруйко, как поднялся, позвонил диспетчеру. Вахтер помнил этот разговор. О чем говорили? «Привет, Галочка, как живется?.. А мы уже готовы. Звони клиенту... Выезжаем». Вот и весь разговор. Во сколько вышла машина из гаража? Да, может, минут через пять после этого. Четырех еще не было, во всяком случае.

Девушка-диспетчер подтвердила слова старичка. «Правильно, Загоруйко позвонил без двадцати четырех». Она тут же набрала номер клиента, сообщила ему номер машины, включила рацию, связалась с шофером. Они еще поболтали немного по радио. А через несколько минут Загоруйко встревоженно произнес: «Слушай, Галя, в доме-то что-то горит. И клиента не видно. Звони скорей пожарным».

— Это было в четыре часа? — спросил Шухов.

— Да. Раньше он и не мог подъехать к дому.

Без пятнадцати четыре Назаров был жив. В четыре — мертв. Загоруйко подогнал машину к дому около четырех. Может, он что-нибудь видел? Теперь, когда следствие располагает более обширными данными, есть смысл еще раз потолковать с этим таксистом. А вдруг?

Загоруйко явился точно в назначенное Шуховым время.

— Садитесь, Иван Тихонович, — пригласил его Шухов, незаметно разглядывая шофера и пытаясь определить, что же представляет собой этот человек. На вид лет сорок, но хочет казаться моложе. Одет аккуратно, спортивно. Черные усики, пуговатые наглые серые глаза. «Фат, — подумал Шухов. — Наверное, любит красиво выражаться». И не ошибся. Загоруйко о себе говорил только во множественном числе: «мы». «Мы подали машину...» «Смотрим: огонь в окнах. Галочке — по рации».



— Постарайтесь вспомнить что-нибудь еще, — попросил Шухов. — Не видели ли людей на улице?
— Людей не видели, — готовно откликнулся Загоруйко.
— Давно работаете в автохозяйстве?
— С полгода. Как приехали в город.
— Женаты?
— Нет, мы не женаты. По пословице.
— То есть как это по пословице?
— Женатый живет, как собака, умирает человеком. Холостой наоборот. Ну и мы наоборот.

В отделе кадров автохозяйства Шухов просмотрел анкету Загоруйко. Для себя объяснил: «На всякий случай». Алиби таксиста выглядело бесспорным. И вопросы ему Шухов задавал больше для проформы. Хотелось также убедиться в том, что Загоруйко и Назаров понятия не имели друг о друге. Анкета таксиста оказалась безукоризненной. Все в ней было ясно. Правда, Загоруйко произвел на Шухова неприятное впечатление. Но ведь не в любви им объясняться. Биографию же Загоруйко Шухов сравнил с назаровской. Скрупулезно проверил: не пересекались ли в каких-нибудь пунктах жизненные пути Назарова и Загоруйко. И, проверив, убедился: нет, нигде не пересекались их тропинки. На Дальнем Востоке Загоруйко не был. Службу проходил на Севере. Работал потом в Брянске, Орле и Могилеве. Назаров в этих городах не жил никогда. Могли, конечно, быть случайные встречи. Но верилось в это с трудом, а точнее, и вовсе не верилось.

В четверг Шухов получил телеграмму из волжского городка, родины Назарова. Кожохин писал: «Кое-что прояснилось. Вылетаю в леспромхоз».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Три часа тридцать минут... В ушах звучит вопрос... Колотится, звенит: «Убил, да?»

Да, убил! Убил себя, убил свою жизнь. Не выскочил из заколдованного круга. Пробежало счастье мимо, подавился Назаров своим счастьем. Не отхаркнуть теперь его, не выплюнуть...

Летом в тайге раздолье. Брал летом отпуск — и в лес. По тайге бродил, счастливый корень женьшень искал. Большие деньги, слышал, за корешок этот можно получить. Летом люди на курорты ездили, путевки доставали, а он — на подножный корм. С ружьишком наострился управляться. По буреломам бродил, глазами по сторонам ворочал: не сверкнут ли где острые листочки зонтиком. По вечерам у костра валялся, с комарами, с мошкой воевал, думал: вот бы над лесом этим хозяином быть. Раз повезло: калужину на мелководье застрелил. Отвез икру в город, продал. Торговал и опасался: засекут, посадят. Однако сошло. Прибавилось чуток капиталов на книжке. Медведя как-то случайно порешил. Мясом две недели питался. Остатки выбросил, а шкуру сохранил. Завидовал соболятникам: много денег зашибают. Но зимой охотиться не мог: зимнего леса боялся, морозов боялся, да и на зимнюю снасть денег жалко было.

— Жадный ты, — говорила та бабенка в леспромхозе.

— Бедно живешь, — сказала Лиза, когда в первый раз вошла к нему в дом.

— Откуда богатству-то быть? — развел он руками.

— А я слышала, кто с Дальнего Востока приезжает, у того денег куры не клюют.

— Может, у кого и не клюют. А я вот только домишко сумел купить.

— Что же так?

— Да вот как. Остальное проел за восемь лет. А ты как, бедного не полюбишь?

Засмеялась, прижалась крутым боком.

— Полюблю, наверное. Погляжу вот на тебя получше. Я ведь всю жизнь бедных да некрасивых голубила.

— От мужа-то чего ушла?

— Умным он хочет быть не по разуму. Не смогла. Тепла в нем нет, одни рассуждения. А как жить с рассуждением-то? Маета одна. Ты к нему с лаской, а он телескоп строит.

— У меня тоже тепла немного осталось, — сказал Назаров и подумал, что врет, что у него никогда и не было тепла. Только злость да зависть. Но Лиза словно и не заметила лжи. Да и он за восемь лет одиночества в этом городе истосковался по женской ласке. Устал от мыслей своих, от снов, мечтаний бесплодных.

Ничего не заметила в нем Лиза. Ничего не поняла. Правда, в последние дни поглядывать странно стала. Неужели это заметно? Почему же другие не видят? Почему никто не кричит: «Вот он, голубчик, ату его!»

«Или ты вор? Или убил кого?»

Комаров! Вот кто чует Назарова. Ходит вокруг да около, как волк возле теплого хлева. Но руки короткие у Комарова. Не дотянуться Комарову до Назарова, не ухватить.

С Лизой легко и трудно. Вся она на виду, кажется, что насквозь светится. Хитрости никакой. Назарову иногда хочется быть откровенным с Лизой, но что-то не пускает, прилипает язык, когда доходит дело до щекотливой темы. О себе он ей рассказывал мало. Больше отмалчивался. Зато про мать не стеснялся. Про взгляд матери, пугающий, ненавидящий. Как просыпался ребенком и жмурил глаза испуганно. Про письмо ее к дирижеру рассказал, как нашел его, как понял, откуда что идет.

— Бедный, — говорила Лиза. — Страшно-то как, поди, было.

— Через всю жизнь пронес, — вздохнул Назаров.

— Но ведь и ее понять можно, — говорила Лиза. — Женщины пострадала из-за негодяя.

— А я виноват?

— Не пишешь ей? Хочешь, я напишу?

— Ты? Зачем?

— Помирю вас. Объясню. Женщины это умеют между собой.

— Сгорело все, Лиза. Не стоит.

— Или съездим к тебе на родину. На Волгу страсть хочется поглядеть.

Молчал Назаров. Ни «да», ни «нет» не говорил. А хотелось и ему на Волгу посмотреть. Жив там слепой или нет? Про слепого Лизе тоже рассказал. Кроме главного. Получилось так, что слепой сам был виноват. Пожалела Лиза слепого. Спросила:

— Дружил с ним?

— Дружил, — соврал Назаров.

Он чувствовал, что ему все труднее лгать Лизе, прикидываться. Какие-то изменения происходили в нем. В ее обществе он обмякал, становился разговорчивее, податливее. Думал, что годы виноваты, от старости это, наверное. Раньше он злился на всех людей, тайно ненавидел всех, тайно радовался чужой беде. Теперь это стало проходить. Он даже посочувствовал в душе Эде Мокееву, брошенному мужу. Потянуло его взглянуть на Эдю. И, повинувшись безотчетному любопытству, выбрал время, когда Лиза работала, пошел к дому, сел на лавочке напротив дожидаться, когда Эдя с работы пойдет. Дождался. Эдя торопливо прошел мимо. Назаров поглядел ему вслед. Хотелось окликнуть, но удержался. Что он Эде скажет? С Лизой поделился, не смог от нее утаить.

— Не утерпел, — сказала она. — Ну и что теперь?

— Да ничего. Человек как человек. Очки носит.

— Машина, а не человек, — сказала Лиза сердито. — И не ходи ты больше туда.

— Ладно. Нужен он мне...

Заметил, что старик Комаров приглядывается к Лизе. Как-то остановил тот ее, забормотал что-то, руками замахал.

— О чем беседовали? — спросил Назаров настороженно.

— Смешной старикан, — сказала Лиза. — Меду предлагал. А ты чего взъерошился? Или не в ладах?

— В ладах. Только ты плюнь на него. Сволочь он.

Предложил Лизе уйти с частной квартиры, к нему перейти. Пообещала, но не торопилась. Присматривалась. Теперь вот уехать надумали. Он, Назаров, сам предложил.

— А куда торопиться, Виктор? Чем тут плохо?..

Когда на поезд билеты покупать собрались, Лиза удивилась: — Почему не вместе?

— В Курск надо съездить, — сказал Назаров. — Родичи там у меня, давно не видел.

— Ну как хочешь, — обронила Лиза. Обиделась, наверно.

Наврал ей опять. Никаких родичей в Курске не имелось. Нельзя им вместе ехать. Не должна еще Лиза знать его тайну. Рано. А почему рано? До каких пор он будет врать ей? Всю жизнь. «Ненастоящий». Восемь лет он ненастоящий? Или всегда был таким.

Хитрил. В детстве это чаще удавалось: хитрить и подличать. У мальчишек была игра — под плот нырять. Кто дольше просидит. Он был слабее всех, высиживал секунд десять. Страшно было держаться за ослизлые зеленоватые бревна, пулей вылетал из воды под ребячий гогот: «Слабак!» Как-то ему повезло: уцепился за бревна с выщербинами, голова в щели поместилась, рот наружу вылез. Дышать стало можно, а сверху незаметно. Обрадовался, просидел целую минуту. Вынырнул героем, а тот парнишка, что до этого случая рекорды ставил, рассердился, полез в воду, да и чуть не захлебнулся. Потом этот пацан Витькину дыру нашел. Били его всей компанией. Тогда и стал он поджигалки портить, стволы у них наскать изнутри, чтобы наверняка взрывались опасные игрушки.

Лизе врал. Рассказывая о детских годах своих, выставлял себя на первый план. До того завирался, что сам себе верить начинал: казалось, так оно и было. А было-то совсем не так. Плохо было, подло, скверно, как в воде под плотом, обросшим мхом, под тяжелым черным плотом, закрывающим воздух и солнечный свет.

Женьшеня он так и не нашел. Десять лет каждый отпуск проводил в лесу. Но не мелькнул корень жизни зеленым зонтиком, не показался. Кто-то говорил, что только хорошему человеку дается в руки этот корень. Не верил Назаров, посмеивался. А вот и не дался. Другое далось. Летел над тайгой самолет, ревели моторы предсмертным воем, жирный дым стлался над деревьями, лопались взрывы, трещало пламя над болотом. Да на берегу быстрой светлой речки бился, хлестал хвостом по траве толстолоб, выловленный Назаровым, забытый наконец, оставленный на крючке. Потому что коснулся руки Назарова легкий красный листочек, принесенный ветром с болота. Потому что повернулись мысли Назарова круто в сторону от вытаращенных рыбьих глаз. Ахнул Назаров, закричал дико и кинулся к горящему самолету, полез по кочкам навстречу мерт-





вой летчиковой голове, которая теперь усмехается ему в страшных липких снах.

Не понял он тогда этой усмешки, не догадался, восемь лет понадобилось, чтобы осознать: зеркалом была мертвая голова. А еще раньше таким же зеркалом были черные очки слепого.

Не идет время, стоит на месте, хоть и бежит секундная стрелка по циферблату. По кругу, по кольцу, оборот за оборотом делает стрелка на часах. Кольцами сигаретного дыма скользит жизнь, тает в воздухе. Одно кольцо. Другое. Третье. Черные очки слепого — кольцами. Мертвые глаза летчика — кольцами. И большим последним кольцом — Лизино лицо в окружающем красном мохеровом платке.

...Минуты бегут, догоняя одна другую, стрелки все вперед ползут. И не стоит время, тоже идет вперед... Три часа тридцать четыре минуты...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вслед за телеграммой пришло письмо от Кожохина. Прочитав его два раза, Шухов решил, что Кожохин настроен излишне оптимистично. Прояснилось немного: биография Назарова, вернее, та ее часть, которая относилась к детству, обрела рельефные черты. Кожохин постарался: письмо изобиловало подробностями, иногда довольно любопытными. Особенно выделил он свою встречу со слепым лектором, бывшим однокашником Назарова. Часть разговора Кожохин приводил дословно:

— Вы уверены, что он это сделал нарочно?

— Конечно. Взорвавшуюся поджигалку я сохранил. Понять, что Назаров над ней потрудился, не составляло труда. Но я видел, что он сильно переживает этот случай. И молчал. Витька ведь

долго в больнице провалялся. Потом мне показалось, что он изменился к лучшему. Мы с ним иногда встречались, разговаривали. А когда я сообразил, что Назаров остался прежним, он из города уехал. Вскоре началась война.

— Почему он это делал? Ведь поджигалки взрывались не только у вас.

— Сейчас я, пожалуй, могу объяснить. Он завидовал.

Слово «завидовал» Кожохин подчеркнул.

«Думаю, что в этом суть, — писал он дальше. — Назаров ощущал себя не таким, как все. Мне тут насказали разного. Писать долго. Полагаю, однако, что ключ к его характеру я ухватил правильно. Странной была встреча с его матерью. Создалось впечатление, что ей совершенно неинтересна судьба сына. Двадцать лет, а может и больше, они не переписывались. Она даже не знает, где он жил. Но об этом расскажу на словах. Потом. Главное же вот в чем: она показала мне чудное письмо, которое получила семь лет назад. Пересылаю его. Боюсь, что мы не там искали убийцу Назарова. Привет. Кожохин».

Письмо, названное Кожохиным «чудным», гласило:

«Уважаемая мама Виктора Назарова, Дарья Федоровна! Не будете ли Вы столь любезны сообщить адрес Вашего сына Виктора, с которым мы разминулись случайно на дорогах, по которым все ходим. Если это нетрудно, черкните пару слов с адресом Виктора Иванову Сергею Ильичу в Курск на главпочтамт до востребования. Очень хочется повидать его».

Слово «Курск» Кожохин тоже подчеркнул, намекая этим. на билет, который Назаров покупал вместе с Мокеевой. «Сколько в Курске Ивановых? — подумал Шухов. — Сто? Тысяча? А с этими инициалами? Сколько их было семь лет назад? Нет, не та ниточка, хотя попробовать дернуть и можно».

Следствие все равно уныло топталось на месте. Новых фактов не прибавлялось. Шухов оперировал со старыми, строил версии, отбрасывал их, выворачивал наизнанку. Иной раз у него получались стройные, логические цепочки, но обязательно какое-то звено немедленно отклеивалось, не хотело становиться в ряд. Старик Комаров по-прежнему дежурил около дома. Остальные заподозренные ничем особенным себя не проявляли. Шухов ежедневно разговаривал с кем-нибудь из них, скрупулезно выискивал противоречия в показаниях, но не находил и поэтому злился.

Письмо Кожохина дало пищу для размышлений и повод для действий. Конечно, вся эта затея с розыском Иванова могла кончиться ничем. Но лучше заниматься делом, чем гадать на кофейной гуще. Шухова утешало еще и то обстоятельство, что этот Иванов должен быть реальным человеком: получить письмо «до востребования» без документа, удостоверяющего личность, нельзя. Но как найти Иванова среди тысяч других?

Назаров стал виднее, осязаемее. Рос подлецом и вырос-таки им, наверное. Сподличал, возможно, с этим Ивановым и получил по заслугам. И может, прав Кожохин: не там ищем убийцу. Но где его искать? В Курске? Пока мы тут возились с Мокеевой, он благополучно отбыл восвояси. Он даже мог бы, пожалуй, успеть на поезд. Без четверти четыре Назаров был жив.

В четыре — мертв. У убийцы оставался резерв — тридцать минут. Вполне возможно добежать до вокзала. А если и невозможно, так ему незачем было торопиться. Поезда ходят три раза в сутки. Поезжай в любое время. И деньги ему назаровские ни к чему.

«А что, если принять во внимание этого фантастического Иванова? — подумал Шухов. — Тогда картина ведь резко изменится!» Он достал лист бумаги, на котором было записано:

«1. Мокеева. Ушла от Назарова в три часа пятнадцать минут. Алиби подтверждено квартирной хозяйкой. Сговор с мужем не исключен. Деньги (семь тысяч рублей) обнаружены у Мокеевой.

2. Мокеев Эдуард. Утверждает, что с Назаровым незнаком. Проверить его слова не представляется возможным. Говорит, что в утро убийства был дома. Алиби сомнительное: шум машинки, который слышали соседи. Жена уверяет, что Мокеев несколько дней подряд следил за ней по утрам. В воскресенье она его не видела. Мотивы? Возможны два: сговор с женой или тщательно скрываемая ревность. В последнем случае показания Мокеевой о слежке приобретают смысл.

3. Старик Комаров. Алиби отсутствует. Возможный мотив? Полная неясность. Ведет себя подозрительно (ночные бдения у дома), но все это легко можно объяснить старческими причудами. Жаден. Биография далеко не безупречная, но в последние годы ни в чем предосудительном не замечен. Утверждает, что с Назаровым никаких дел, кроме купли дома, не имел. Однако что-то Комаров от следствия утаивает.

4. Дмитрий Комаров. Алиби отсутствует. Мотивов явных нет. Производит впечатление порядочного человека. С Назаровым, по показаниям соседей, не был связан ничем.

5. Иван Тихонович Загоруйко, шофер такси. Алиби подтверждено вахтером гаража, диспетчером таксопарка. Сговор с Мокеевой, а также с диспетчером и вахтером абсолютно исключается. Впечатление производит неприятное. Видимых мотивов и поводов для убийства нет. С Назаровым в прошлом не связан.

Неясные обстоятельства: билет до Сочи, найденный в кармане у Назарова. Пожар. Разбитый аквариум».

Прочитав записи, Шухов добавил к ним следующее:

«6. Иванов. Мотив — месть. Улика — письмо. Алиби — не выяснено».

Да, картина менялась. Теперь, если зачеркнуть все первые пять пунктов, оставалось только одно противоречие. Муж Мокеевой следил за ней. Впрочем, и этому Шухов находил объяснение. Мокеева в темноте свободно могла ошибиться и принять за мужа другого человека, того же самого Иванова...

«Не там ищем», — написал Кожохин. Ищем, ищем... А следил Иванов-икс. Мы ищем, он следит... Что-то в этом есть. Мы ищем — он следит... Он ищет — мы следим... Да, в этом что-то есть. Он ищет. Семь лет назад он искал Назарова. Допустим, что он искал его на протяжении всех семи лет. А если он это делал? Да и делал ли? Что-то больно фантастичная картина рисуется.

Обедал Шухов без аппетита. Жевал вроде и не котлеты, а назойливую мысль об этом Иванове-иксе, который ищет Наза-

рова в течение семи лет и настигает в момент, когда тот продает дом, чтобы удрать из города. И тут Шухова стали одолевать сомнения. Хорошо, допустим, что Назаров собрался удирать. Но был ли смысл обманывать Лизу Мокееву? Не было. А он отдает ей семь тысяч рублей и покупает билет в Сочи. На кой черт все это делается? Лизе он говорит, что едет в Курск, а сам собирается в Сочи. Нет, в этой путанице с билетом решительно невозможно разобраться. Да и на какие средства Назаров собрался ехать в Сочи? Выходит, у него имелись еще деньги. Куда же они девались? Хотя это просто. Деньги мог сцапать этот Иванов-икс. А как же он все-таки искал Назарова? Семь лет назад написал его матери. Ответа не последовало. Тогда? Что он предпринял тогда?

И тут вдруг мысль пришла. Мысль простейшая. Шухов обругал себя за недогадливость. Жена едва сумела уговорить его допить компот. Он даже не стал звонить в адресное бюро, пошел туда сам.

— Вот что, девушки, — с порога начал он. — Я ищу Назарова Виктора Васильевича, 1922 года рождения.

— Пожалуйста, Павел Михайлович, — улыбнулась старшая. Покрутила барабан, заглянула в книжку. — Вам на бумажке адрес написать?

— Не стоит, — сказал Шухов. — Но, предположим, вы написали мне этот адрес на бумажке. Что дальше?

Девушка удивилась.

— Как что дальше? Идите и беседуйте с адресатом.

Шухов уточнил вопрос:

— А у вас не остается никаких следов о спрашивающем?

— Нет. Хотя... В тех случаях, когда поступают иногородние запросы, могут сохраниться письма.

— Вот, вот, — Шухов, помрачневший было, стал оттаивать. — Давайте поглядим, не сохранилось ли каких писем насчет этого самого Назарова.

— Это не просто, — сказала старшая.

— Важно это, — подчеркнул Шухов.

— Я позвоню вам. Но за результат не ручаюсь. Далеко не все сохраняется.

Она позвонила на следующий день.

— Вы везучий, Павел Михайлович. Был запрос о Назарове. В феврале этого года. Интересуется Иванов Сергей Ильич из Курска. Пишет, что потерял старого фронтового товарища.

— Адрес — «до востребования»? — осведомился Шухов.

— Нет, есть и улица, и дом, и квартира. Все как положено.

— Цветы за мной, — пообещал Шухов. — Продиктуйте-ка мне адресок этого Сергея Ильича.

Вечером он звонил в Курск. Утром пришел ответ: «Сергей Ильич Иванов умер в апреле текущего года». Шухов даже застонал от огорчения. Здание версии, которое он начал было сооружать, развалилось, не поднявшись от фундамента. Иванова не стало. Возник «икс». Поразмыслив, Шухов тем не менее решил не снимать с повестки дня вопрос об этом Иванове. Как бы там ни обстояли дела, Иванов все-таки при жизни настойчиво интересовался Назаровым. За семь лет он наверняка сделал не один запрос. Теперь требовалось выяснить, какую цель при

этом Иванов преследовал. Надо было съездить в Курск и на месте разобраться в сложившейся ситуации. Он отдавал себе, правда, отчет в том, что вся эта история с Ивановым может не стоить выведенного яйца. Но чем черт не шутит! Пока же Шухов ограничился немногим: до принятия окончательного решения о поездке он запросил из Курска анкетные данные Иванова.

«Странное дело, — размышлял он, возвращаясь домой. — На первый взгляд — тривиальное убийство из корыстных побуждений. Копнули поглубже — жертва преступления далеко не невинная овечка, а полноценный подлец. Неизвестно, что еще привезет Кожохин, но уже и того, чем мы располагаем достаточно, чтобы задуматься. «Не там ищем». Может, и не там. В самом деле, почему Мокеева оказалась в поле зрения следствия? Потому что у нее обнаружили семь тысяч рублей. Деньги большие. Но это еще ни о чем не говорит. А старик Комаров? Подозрительно ведет себя? Чуть какая-то. Эдуард Мокеев? Да он просто чудак. Следил за женой? Померещилось ей, и вся недолга. Комаров Дмитрий? В лес ходил утром? Разве это повод для подозрений. А Загоруйко? Мне не понравился».

Он долго не мог уснуть. Ворочался, выходил курить, смотрел в темное окно, думал. Но в голову лезло все не то. Подумал о книгах, которые читал Назаров. Надо их повнимательней полистать. Аквариум? Главная загвоздка. Почему он оказался разбитым? Стоял в стороне, на подоконнике. Назарова же зарезали в сенцах. Без борьбы, одним ударом ножа. Похоже, что убитый знал, кому открывает дверь. Этот «икс» был ему знаком. И ножа не нашли. Второпях, может, убийца кокнул аквариум? Да нет, непохоже. Керосин он лил на кровать не торопясь. Тоже какая-то ерунда. Почему именно на кровать? И зачем вообще этот пожар был нужен? Допустим, убийца — Комаров-старший. С какой стати ему дом жечь? Купил для сына, свадьбу играть собирался. Да вся психика старика дыбом встала бы. Жечь дом! Разве для того, чтобы скрыть следы убийства? Но в таком случае надо было и труп на кровать тащить. В первую очередь. А он что сделал? Аквариум разбил, керосин на кровать вылил, предварительно туда еще книжки с полки побросал. И времени на все: десять-пятнадцать минут. Кожохин молодец. В первый же час на эту несусаицу обратил внимание. Но толку что? Нелепые действия убийцы так и не находили объяснения.

Шухов не однажды пытался представить, как действовал убийца. Вот он подходит к дому. Стучится в дверь. Назаров окликает человека, убеждается, что это не посторонний, и открывает ему дверь, не опасаясь, не ожидая беды. Убийца взмахивает рукой. Назаров падает. Убийца проходит мимо трупа, находит канистру с керосином. Впрочем, искать не нужно, она стоит тут же, в сенцах. Затем этот человек начинает совершать алогичные поступки: сваливает книги на кровать, обливает их керосином, поджигает, разбивает аквариум в соседней комнате — и исчезает.

Над этой бессмыслицей они с Кожохиным думали не раз. И всегда попадали в тупик, из которого не находилось выхода. Сначала они предположили, что расчет убийцы был простым и ясным. Он хотел пожаром скрыть следы преступления, услышал

шум машины и удрал. Но идиотская организация поджога, разбитый аквариум сводили их предположения к нулю.

— Может, аффект? — говорил Кожохин.

— Исключается, — отрицал Шухов. — Даже заведомо сумашедший этого не станет делать.

— Ну а если? — осторожно настаивал Кожохин.

— Мы бы тогда не ковырялись в этой абракадабре, — парировал Шухов. — И вообще я терпеть не могу сослагательного наклонения. Если бы да кабы... Во всей этой бессмыслице должна быть и есть мысль. Я уверен: убийца знал, что делал. Мы же что-то недодумываем. Не хватает у нас ума.

Потом Кожохин уехал. Шухов в который уже раз перебирал в уме гирлянду фактов, версий и догадок, пока одна мысль не приковала его внимания.

Позавтракав, он решил сходить на Тополевскую, чтобы на месте проверить то, что пришло в голову ночью. На крылечке горелого дома сидел милиционер и кормил булкой лопухого, похожего на медвежонка щенка. В соседних домах шла обычная жизнь. Ребятишки стайкой бродили по грядкам, с которых убирали капусту, находили крупные кочерыжки, смачно хрупали, изредка бросая любопытные взгляды на страшный дом. Шухов поздоровался с милиционером, щенок в момент обнюхивал ему брюки и замахал коротеньким хвостиком в ожидании награды. Не получив ничего, он отбежал к милиционеру. Шухов открыл дверь. Запах гари еще не выветрился из комнат. Лужи высохли. Осколки аквариума все так же блестящие на полу. Шухов наклонился, собрал их в кучку и, достав из кармана рулетку, принялся обмерять каждый в отдельности. При этом он придерживался определенной системы. Обмер занял с полчаса, Шухов устал сидеть на корточках. Результаты вычислений он записал в блокнот. Потом отдохнул на стуле в кухне, выкурил сигарету и двинулся на колхозный рынок. Там походил среди продавцов разной живности, поговорил с некоторыми и только тогда отправился на службу. Минут через сорок раздался телефонный звонок. Шухов поднял трубку.

— Павел Михайлович, — дежурный тихо посмеивался. — Тут к вам пришли. С аквариумом. Рыбками решили побаловаться. Пропустить?

— Пропустить, — без улыбки сказал Шухов. И пробормотал, кладя трубку: — Теперь надо попросить сюда Лизочку Мокееву. Что-то она мне скажет?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Три часа тридцать четыре минуты... Красный листочек прикоснулся к руке. Обомлел Назаров, обмер на секунду, не понимая, что творится. Новенькая, хрустящая, казалось, вся прозрачная, лежала на его ладони десятка, упавшая с неба. Ойкнул Назаров, вскочил на ноги, глянул вокруг. Со всех сторон ветер мел к его ногам ассигнации. Неслись, как в сказочном сне, зелененькие, синенькие, красненькие, летели над землей, планировали на воду и плыли корабликами. Закричал Назаров, рыбину на крючке оставил. Кинулся Назаров собирать их, комками в карманы запихивать. И вспомнил: самолет. Оттуда ведь прилетел денежный

дождь, туда бежать надо, пока не сгорело свалившееся богатство.

Побежал. Бросил все свое имущество на берегу. Двух бумажек не стоило его добро вместе с толстолобом, бьющимся на траве. До болота добрался, запрыгал по кочкам, как по подушкам, летел как на крыльях, не чуя ног, не замечая вокруг ничего, пока не обдало лицо жаром, пока не услышал треск пламени. Запомнил только: тикало там что-то. Остальное некогда было разглядывать. Стащил рубашку с потного тела, швырял в нее пачки сотенных, как карточные колоды. Накидал пятьдесят штук, опомнился, перевел дух. Огляделся вокруг с опаской, а вдруг видит кто? Но кто там мог увидеть Назарова, разве зверь какой. Да и звери, наверное, разбежались от взрывов.

Остальное все, что там было, в огонь покидал. Понимал: замести следы надо. Придут скоро люди сюда, комиссии разные работать начнут, изучать причины катастрофы, считать остатки, соображать, а не унесли ли отсюда толику? Обратно к берегу бежал, оглядывался: не прилетел ли уж кто? Но тихо было в лесу. Всхлипывали только болотные кочки под ногами у Назарова, тонули, потом выпрямлялись, становились на прежнее место, смытые водицей, свеженькие, будто нетронутые. Скрыло болото следы Назарова. А огонь покрыл недостачу. Распрямилась трава на лугу, осталась на ней, правда, темная полоска, но и та с первой росой пропала.

Собрал Назаров свои пожитки на берегу, в лодку покидал. Толстолоба в реку бросил. Потом жалел: пригодилась бы рыбина, все-таки еда. Но не до рыбы было тогда Назарову. Торопился, следы свои заметал, хотелось, чтобы все чисто было. Знал, есть опытные следопыты: по головешке от костра догадаются, кто тут ночевал. Осмотрелся: ничего не осталось на берегу. Краснела лишь десятка, случайно прилипшая к кусту. «Пусть ее», — подумал. Оттолкнулся, уплыл, растворился в наступившей ночи.

К утру отмахал километров пятьдесят вниз по течению. Нагрузил лодку камнями, затопил в глубоком месте. Затемно дошагал до райцентра, постучался к знакомому охотнику. Соврал, где был. Но тот и внимания не обратил. Пожил у охотника дней пять, потом на попутной машине вернулся в леспромхоз. Слухи о пропавшем самолете доехали туда вместе с ним. Далеко стоял леспромхоз от места гибели самолета.

Страх стал наползать исподволь, незаметно. О самолете в леспромхозе поговорили недолго: поохали бабы, потрепались мужики, может, день, может, два. И жизнь пошла своим чередом. А Назаров все прислушивался: не сболтнет ли кто о работе комиссии, не удастся ли узнать ему, чем дело кончилось. Сам разговоры заводить боялся: а ну как-нибудь ненароком кто-нибудь поинтересуется, где был Назаров да что делал в те дни, когда самолет разбился. Опасался также, что выдаст его выражение лица. Томился неизвестностью этой, беспокоился.

Нервничать стал. Стука в дверь ждать. Показалось как-то, что участковый в его сторону косо поглядывает, следит вроде. Обходить его стал стороной. Однажды ночью он увидел: падает самолет, дым за ним, и деньги летят. Проснулся: рубашка мокрая, в ушах голос пронзительный звенит.

«Или ты вор?»

Вор! всю жизнь к этому шел. Наматывался клубок, да и наматался. Случай? Нет, все законно. Не мог Назаров иначе поступить. Случай случаем, но, доведись Назарову что-нибудь другое в таком же роде, мимо не прошел бы. Готов был к этому. «За что боролись?» Когда рубашку с тела рвал, пачки в нее пихал, о чем думал? О счастье? О том, что повезло? В бредовом полусне что виделось? Осетрина на серебряном блюде? Дом над морем? Много виделось. Тени во фраках, бальные платья, свечи, лакеи из материнских рассказов. Бред, мираж. А в жизни — восьмилетка незаконченная, какие-то дурацкие курсы, черные очки слепого. И работа без вдохновения. Туман. В тумане лицо школьного учителя математики: «Дети, теоремой мы называем такие рассуждения... Если в теореме заключение сделать условием, а условие заключением, то первая будет прямой, а вторая обратной... Дети, если верна прямая теорема, то это еще не значит, что верна и обратная ей...» Если ты всю жизнь считаешь, что в деньгах счастье... Если ты, наконец, крадя их, добываешь... «Дети, если верна прямая теорема», если в деньгах счастье... Нет, это уже говорит не школьный учитель. А кто? Слепой? Слепой никогда не увлеклся математикой, он был слабаком. У Витьки же были способности. Витька щелкал задачки, как белка орешки. Только он никому не давал списывать. Он хотел, чтобы из всего класса у него одного было записано в тетрадке правильное решение. «Дети, если верна прямая теорема...»

Прямая, может быть, верна. С обратной вышел конфуз. Краденые деньги не дали Назарову счастья. А ведь ему всегда хорошо давалась математика...

Восемь лет потребовалось на то, чтобы это осознать. Школьные прописи часто доходят до сознания с большим опозданием. Опыт поколений, зафиксированный в школьных истинах, выглядит скучно, невыразительно. Его надо прочувствовать на своей шкуре, перевести в собственный опыт, тогда он станет осязаемым, зримым, весомым. Но сплошь и рядом это приходит поздно, как к Назарову. Он всю жизнь хотел стать лучше других, а стал хуже. «Дети, если верна прямая...»

Он старался не раздумывать особенно, на что истратит деньги, когда придет время. С самого начала Назаров определил точный срок, когда он сможет разменять первую сотенную из полумиллиона. Ждать надо было десять лет и еще один день. Он должен был сжаться на десять лет, спрятаться поглубже от посторонних глаз, от чутких ушей. Он слышал, что есть так называемый срок давности, после которого поиски украденного прекращаются. Уточнить, так ли это, он боялся. Уточнить можно будет, когда истекет десять лет, когда никто уже не будет заглядывать в списки с номерами пропавших ассигнаций. Он выкинул эти десять лет из жизни. А потом...

Однако тут воображение отказывало. Оно помогало ему в детстве изобретать подлые шутки, гадить. В юности — ненавидеть. В зрелости — ждать. Ему казалось, что у него богатое воображение. Он ошибался. Он мог хорошо соображать, и только. Поэтому он так легко и решился на десять лет добровольного несения тяжкого креста. Постепенно он понял, насколько тяжким был этот крест. А когда к этой ноше присовокупилась другая,

не менее тяжелая, Назаров почувствовал себя совсем уже плохо. В его жизнь вошел человек, который узнал про деньги...

...Сибирь. Вьется асфальтированная лента, бежит под колеса. Шофер, грузный парень в синем комбинезоне, помалкивает, ждет первых слов случайного пассажира. Назарову не хочется говорить. Три дня назад он наконец уволился из леспромхоза. Целый год терпел, потом решился. Упрятал свои пожитки в чемоданчик, снял с книжки сбережения — девять тысяч накопилось за пятнадцать лет. Усмехнулся: чуть не забыл про сберкнижку эту. Сверток с сотенными и дорожный мешок сунул, на станцию пешком пришел. Купил билет, в купе зашел, все как положено. Четвертая полка ночью свободной была. А утром проснулся и обмер: сидит напротив милицейский лейтенант, с попутчиками беседует. Глянул на него мельком, отвел глаза. Присидел Назаров, как каменный, полдня на полке, ждал — встанет, руку на плечо положит... Но обошлось только испугом. Три станции мелькнули за окнами: не встал милиционер, болтал с каким-то командированным. На четвертой поднялся Назаров с полки своей нижней, подхватил мешок с чемоданом и ринулся прочь из вагона. Опомнился, когда километров двенадцать от станции по шоссе протопал. Сел у дороги, вытер потный лоб рукавом: никто за ним не гнался. Машины шли мимо, не задерживались. Один грузовик скрипнул тормозами.

— Так куда тебя грузить, мужичок? — осведомился шофер после пятиминутного молчания.

— Да на первой станции.

— Чего пешком пошел, денег нет, что ли?

— Есть деньги. Так уж вышло. К брату надо было сходить.

— А, вон оно что.

Разговор не вязался. На станции Назаров поблагодарил водителя, вскинул мешочек свой на плечо, пошел бродить по городу. Пообедал в чайной, на вокзал полпелся. До вечера толкался в очереди за билетом. Купил, задумался, что дальше делать. Сосед по очереди, чернявый остролицый тип, выбился из толпы, подобрался к Назарову, стукнул по мешку ладонью, спросил негромко:

— До Москвы?

— Ага, — откликнулся Назаров, отворачивая мешок подальше от незнакомца.

— Ночевать-то есть где?

— А тут, наверное, — махнул рукой Назаров, указывая на лавки вокзальные.

— Попутчики ведь мы, — сказал остролицый. — Может, до гостиницы дотапаем? Все веселее вместе ночь коротать.

А когда Назаров засомневался, есть ли в гостинице номера свободные, успокоил, сказал, что для него это не проблема.

По дороге спросил:

— С Оки, что ли? Окаешь здорово.

— С Волги, — машинально сказал Назаров и назвал городок, в котором родился. Ох, как жалел потом об этом!

В гостинице болтливый человек этот сказал Назарову:

— Давай ксиву твою. Сейчас мы это дело провернем.

Отдал паспорт Назаров. Вторую глупость совершил. Чернявый взглянул в документ:

— Назаров, значит? Ну а я Иванов. Сергеем звать. Считай, знакомы. — Понес документы к окошечку, поболтал с девчонкой, запросто оформил номер на двоих.

Поужинали в ресторане. Иванов четыреста граммов водки заказал, селедку, салат какой-то.

— Я не пью, — сказал Назаров.

— Чего так? — удивился Иванов.

— Болен. Туберкулез у меня, — соврал Назаров, вспомнив про свои давние недомогания.

Поговорили. Иванов всю водку один вылакал. Спать пошли. Назаров мешок свой под голову уместил. Иванов не сказал ничего, но удивился вроде, хмыкнул пьяно, разделся, под одеяло залез.

Утром на поезд сели. Как сейчас помнит Назаров... Ровно в три часа тридцать семь минут...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Кожохин возвратился из командировки посвежевший, но не веселый. В ответ на молчаливый взгляд Шухова развел руками.

— Пустой номер, — сказал только, подсел к столу, вытащил из кармана пачку сигарет и принялся ее распечатывать.

— А конкретнее? — спросил Шухов.

— Текучесть кадров, — сказал Кожохин, закуривая. — За восемь лет там все переменялось. Покопался я в делах архивных, со старожилами потолковал. Не помнят в леспромхозе Назарова. Кое у кого, правда, фамилия на слуху. Но интересного мне почти не сообщили. Черт его знает: работал человек пятнадцать лет, а памяти никакой по себе не оставил.

— Значит, ничего?

— В документах — да. Показали мне там женщину одну. Любовь у нее вроде с Назаровым была. Побеседовал я с ней. Занятная была в молодости баба, заводная. Сейчас постарела, остепенилась. Замужем. Говорила сперва, что о Назарове ничего не знает. Это когда я к ней на квартиру пришел. А на другой день явилась в гостиницу — глаза любопытные, чувствую, мнется, спросить что-то хочет.

— Ну?

— Спросила: «Или убил кого Назаров?» Я вижу — разговор налаживается. «Да нет, — говорю, — его убили». Усмехнулась, покачала головой: «Добился, значит, Витя, заработал». Я ей: «Извините, уважаемая, загадочки для мужа оставьте, а тут дело серьезное». Потолковали мы таким манером минут пять...

— Не тяни, — нетерпеливо бросил Шухов.

— Да что тянуть-то, — сказал Кожохин. — Она в чем-то подзревала Назарова. А в чем — сама не понимала. Ненасытым он ей показался. Так и сказала: «Ненасытный». Вот и разбирайся теперь. Поди гадай. Глаза, говорит, у него странные были. Жил не так. Не пил. Чудным ей, понимаешь, казалось, что он непьющий. Одним словом, таинственная женская логика. Пьет мужик — плохо. Не пьет — тоже нехорошо.

— Н-да. Про Иванова я тебя не спрашиваю.

— Не было там такого, — сказал Кожохин.

— Вот его анкета. Полюбуйся, — Шухов протянул листок через стол.

Кожохин прочитал, хмыкнул:

— Личности!

— Да. Заметь: из тюрьмы он вышел восемь лет назад. Разда четыре за свою жизнь привлекался за аферы. Сообразительная сволочь была. Последняя его проделка одна чего стоит.

— Это какая?

— Да вот. Писал письма родственникам умерших людей, требовал с них долги, которые будто бы покойники наделали. Суммы небольшие, а если все сложить, нахапал порядочно.

— Вот гад!

— После отсидки вернулся в Курск и восемь лет честно работал. Так, во всяком случае, считают. А на самом деле, как я выяснил, все эти годы искал Назарова. Нашел. Но добратсьа до него не сумел, смерть помешала.

— И кто-то другой прикончил Назарова, — сказал Кожохин.

— Можно предположить связь: Назаров — Иванов — икс-убийца, — продолжил свою мысль Шухов. — Я было подумал, что мстью дело пахнет. А потом эту версию отбросил, занялся загадкой с разбитым аквариумом. Ты вовремя явился. Сегодня посмотрим, что из этого выйдет. Я жду Мокееву.

— Все-таки аквариум. Я, между прочим, тоже о нем думал. Да только без толку...

На окне стоял аквариум. Копия того, разбитого. Сквозь стекло были видны черно-красные рыбешки, сновавшие взад и вперед. Шухов остановился посреди комнаты рядом с Лизой Мокеевой. Кожохин наблюдал за ними от двери. Женщина неохотно переступила порог этого дома. Она похудела, осунулась за эти дни, выглядела усталой. Когда Шухов вызвал ее, Лиза Мокеева спросила:

— Вы еще не арестовали Эдика?

— Нет, — сказал Шухов.

Женщина в упор взглянула на него. В ее глазах читалось недоумение.

— Значит, не он? — с трудом выговорила она.

Шухов переложил папку с протоколами с правой половины стола на левую и встал.

— Мне уже надоело задавать вам один и тот же вопрос, — сказал он. — Но я его все-таки задаем еще раз. Почему вы вбили в голову, что муж следил за вами? Ведь вы не видели этого человека вблизи. Как вы могли узнать его в темноте? В три часа с минутами на указанном вами расстоянии даже хорошо знакомые люди не могут распознать друг друга. У вас особенное зрение, да?

— Он был моим мужем.

— Резонно, ничего не скажешь, — Шухов сунул в рот сигарету, зажег, ткнул спичку в пепельницу. — Да ведь на таком расстоянии видно только темное пятно. Смутное, расплывчатое пятно. Понимаете? Абсолютно никаких деталей. Столб это или человек, различить невозможно.

— Вам лучше знать.

— Хорошо. Покончим пока с этим. Мы пригласили вас сегодня еще раз для того, чтобы вы помогли решить один вопрос. Вы помните аквариум, который стоял на окне у Назарова? Узнаете его, если увидите?

— Да. Я часто кормила рыбок. Помню.

И вот они перед аквариумом — точной копией аквариума Назарова. Шухов спрашивает:

— Похож?

— Нет, это не тот.

— Тот был разбит. Но мы постарались сделать точную копию.

— Этот непохож, — Мокеева смотрит внимательно, качает головой. — Не пойму, но тут что-то не так. Тот был другой. Камни вроде не так лежали...

— Камни на дне те же, — говорит Шухов.

— Камни? — задумчиво повторяет Мокеева. — Камни? А, поняла, — оживилась она. — Здесь очень мало песка на дне. Раньше было больше.

— Мы собрали весь песок с пола.

— Нет, его было больше. Много больше.

— Так? — Шухов проводит пальцем черту на стекле.

— Нет, повыше. Еще выше.

Палец поднимается на двенадцать сантиметров от дна.

— Теперь, кажется, так, — говорит женщина.

Мокеева уходит. Шухов провожает ее до двери, возвращается, останавливается перед Кожохиным. На лице улыбка и вопрос: «Ну как? Что ты мне скажешь?»

— Конечно, — говорит Кожохин. — Гениальное всегда просто. Учтите, однако, что глазам Мокеевой доверять нельзя. С мужем она что-то путает.

— В этом случае можно. Меня книги Назарова навели на верную мысль.

— Книги?

— Эти книги мне все время не давали покоя. А вчера я искал тенденцию. Назаров в последнее время покупал и читал только такие произведения, в которых рассказывается о людях, получивших неожиданно крупные суммы нечестным путем. Его увлекала, видимо, психология их поведения. Он строил аналогии.

— Сравнивал, — подхватил Кожохин.

— Тоже гениальная мысль, — засмеялся Шухов. — И вообще, мы умные ребята.

— Но если у него были другие деньги, и он прятал их в какой-нибудь коробке на дне аквариума, где они теперь?

— Во-первых, неизвестно, деньги ли. Во-вторых, мне кажется, что они где-то совсем рядом.

— Не улавливаю, — сказал Кожохин.

— Это, конечно, пока домыслы чистой воды. Но, думается, обоснованные. Как ведет себя старик Комаров? Жадный старик, упрямый. Сидит каждую ночь на крылечке около милиционера. Только что зарплату не просит. Предлог, так сказать, официальный у него имеется: дом стережет, не доверяет. Мало ли что? А вдруг опять пожар? Однако, если разобраться, предлог этот липовый. Комаров ведет себя глупо, даже с точки зрения самого Комарова. А он ведь неглуп. В чем же дело? Вот давай и вообразим, что старик Комаров видел, как убийца вышел из дома. Что в руках у этого «икса»? Та самая коробка, которую он вытащил из аквариума. В коробке ценности или деньги. Старик Комаров — тип хитрый. Он не хуже

той женщины из леспромхоза давно раскусил Назарова. А может, и подследить сумел когда-то. Короче говоря, «икс» деньги или ценности прячет в районе дома. Комаров это дело засекает. У него появляется мыслишка попользоваться. Но намерение свое ему не удается выполнить. К дому подкатывает такси. Шофер поднимает тревогу.

— Смело, — сказал Кожохин. — Логика много только. И излишки перетягивают.

— Не понимаю.

— Какой смысл старику сидеть возле милиционера? Он же знает, что преступник не придет, пока дом охраняется.

— А вдруг? Учти, что старик предпочитает доверять своим глазам. Может, он выжидает момента, когда милиционер отлучится.

— Пойдем дальше, — сказал Кожохин. — Рассуждать так рассуждать. Почему «икс» не унес коробку? Зачем поджиг дом?

— Этого я не знаю, — Шухов погрузился. — Это самое слабое место в моей гипотезе. Но проверить ее нужно. Обязательно нужно.

— Как?

— Надо подумать. До сих пор мы считали: сыр-бор горит из-за семи тысяч, в доме нечего искать. Поэтому и топтались на одном месте.

...Когда они пришли в дом Назарова, Шухов обвел взглядом комнату, пошел к двери. На крыльце задержался, оглядел двор.

— Ты меня извини, — сказал он Кожохину. — На крышу ведь не заглядывали?

— Пожарные там работали, — сухо ответил Кожохин. — И я слазил. Поинтересовался.

— Ну не сердись. Не время сейчас. — Взгляд Шухова рассеянно скользил по двору, на котором росло два чахлах дерева да стояла покосившаяся уборная, прислоненная к глухому забору; на мгновение остановился на пустой собачьей будке, потом на бочке для воды, на аккуратно сложенной поленнице. Не на чем было задержаться взгляду, ничто не останавливало внимания: ну где тут можно что-нибудь спрятать? В землю закопать? Некогда было убийце в земле ковыряться.

За спиной слышалось ровное дыхание Кожохина. Он тоже смотрел во двор. Потом сказал:

— Обыск назначим?

— Ни в коем случае, — откликнулся Шухов. — Меня не оставляет ощущение, что этот «икс» наблюдает за происходящим, ждет своего часа.

— В телескоп, — усмехнулся Кожохин.

Шухов недовольно отмахнулся. Саркастически заметил:

— Это ты оставь на будущее. Когда задумаешь писать детективный роман, можешь использовать для сюжета.

— Нет, кроме шуток. Взгляните на город. Видите?

— Вижу. Интересно, сколько отсюда по прямой до Эдиного дома? Километра два?

— Может, и два. В телескоп — метров тридцать. Во всяком случае, он, наверное, хорошо различает наши вдохновенные лица. Вы над такого рода гипотезой не задумывались?

— Ерунда, — уверенно сказал Шухов.

— Послушайте, Павел Михайлович. А что, если эта коробка давно зарыта у старика Комарова в подполье? Дом он поджег для отвода глаз. Вы руки его видели? Такие у него, понимаете, самостоятельные руки. Крепкие, жилистые.

— Ты забыл об Иванове? — буркнул Шухов. — В эту версию он не укладывается.

— Ему в нее и не надо укладываться, — сказал Кожохин. — Одного Комарова хватит за глаза. Представьте, что они оба подбирались к Назарову, только с разных сторон. Иванов не успел, помер. А старику удалось.

— Да, — вздохнул Шухов. — Вполне возможно. Но мне моя версия нравится.

— Каждый кулик... — ехидно сказал Кожохин.

Они продолжали стоять на крыльце, перебрасываясь фразами, глядели на двор, на соседние дома, прикидывали, где можно спрятать гипотетическую коробку так, чтобы она была под руками в любой момент.

— Эта баночка, — заметил Кожохин, — довольно размерная.

— Да. Аквариум у него был просторный. И высокий. Соображал Назаров, ничего не скажешь.

Кожохин заглянул в бочку для воды. Шухов укоризненно заметил:

— Не торопись. Ну тебя к дьяволу! Испортить все легко можно.

— Ладно, не буду, — виновато улыбнулся Кожохин. — Но что делать?

— Придем вечером, когда стемнеет. Старика Комарова надо на это время убрать. Вызовем его в отделение на предмет уточнения кое-каких деталей.

И коробка нашлась. Шухов мог торжествовать: его версия подтвердилась. Железная коробка мирно покоилась на крыше уборной, прикрытая грязной тряпкой. Со двора эту вещь увидеть было нельзя, ибо покатая крыша мешала обзору. Кожохин тихо выругался, снимая коробку. Уж очень просто все оказалось. Шухов взвесил коробку на ладони.

— Я же говорил, что мы гениальные ребята, — сказал он.

— Рановато радоваться, — хмуро заметил Кожохин, когда в отделении милиции в присутствии комиссии, созванной по этому случаю, коробка была вскрыта и глазам собравшихся предстали пятьдесят свеженьких пачек, в каждой из которых насчитывалось по десять тысяч рублей. — Банк он ограбил? Вроде такого у нас не водится. Задача!

— Эта задача для ученика седьмого класса, — сказал на другое утро Шухов. — Нам надо свою решать. Смотаюсь-ка я в Курск. Самое время сейчас.

Вернулся он через день. Зашел к Кожохину.

— Ну как? — спросил тот. — Подтвердилось с Ивановым? Или опять дырка от булика?

Шухов положил на стол фотографию.

— Узнаешь?

— Что за черт? — воскликнул Кожохин, вскакивая со стула. — Этого не может быть.

Он перевернул фото: «На память о Ялте». Ругнулся, снова перевернул, рассматривая лица на карточке.

— Нет, вы все-таки объясните.

— А чего объяснять? — спросил, в свою очередь, Шухов. — По-моему, и так яснее ясного.

Кожохин бросил фото на стол. Поднял. Поднес к глазам. На него по-прежнему смотрели два улыбающихся лица.

— Нет, это никуда не годится, — только и произнес он.

— Еще как годится, — сказал Шухов, пряча фотографию. — Эта карточка и мне по мозгам ударила. У Иванова папаша живой оказался. Глухой как пень. И кажется, немножко того, заговаривается. Я уж было совсем отчаялся. Папаша мне про сына толкует, а я слушаю да семейный альбом машинально перелистываю. Ну и вдруг наткнулся на эту фотографию. Смотрю и глазам не верю. На обратном пути в самолете сидел и все думал: в чем же тут фокус? В общих чертах уяснил, как развивались события. Кстати, коробку сохранили?

— Должно быть. А что?

— Как что? Это сейчас единственная вещь, которая поможет уличить убийцу. Его только с поличным можно брать. Улик-то у нас фактически нет. Да, чуть не забыл. Охрана дома ведется. Не сняли?

— Нет.

— Отлично.

— Но как? — простонал Кожохин. — Не могу я сообразить ничего. Когда же был убит Назаров? Ведь без четверти четыре он был жив...

— Растолкую, — пообещал Шухов. — А может, ты сам догадешься, а?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Три часа тридцать семь минут.

Поезд мягко тронулся с места. Глухо стукнули буфера. Иванов повертелся в купе, сбежал к проводнице, пожаловался на усталость, попросил поскорее принести постель. Назаров как сел, положил руку на мешок, так и не двинулся никуда. У него болела голова. Ночью спал плохо, все поглядывал на соседа по номеру, встал рано. Иванов же суетился, как стрекоза, заговаривал, смеялся беспричинно. Наконец уселся, раскрыл свой чемоданчик, вытащил колбасу, сыр, бутылку водки, водрузил все это на столик, предварительно сбросив с него лампу, позвал:

— Давай, Витя, подкрепимся малость.

Он уже звал его Витей. Назаров обращался подчеркнуто вежливо: «вы». По имени не называл, приглядывался, пытался сообразить, что за попутчик ему достался. Гадал: не то свой в доску, не то себе на уме. Похож вроде на уголовника. А в общем, черт его знает. От сыра не отказался. Покопавшись в своем чемодане, вытащил банку консервов, вяленую рыбку. Положил на стол:

— Закусочка вот.

Иванов налил полстакана, поднял, повертел перед носом, губами почмокал:

— Твое здоровье, Витя.

Выпил одним глотком, понюхал корочку, принялся рыбку раздирать. Назаров сосал сухой сыр. Сидел, привалившись к мешку спиной, глядел на летящие кусты за окном. Лениво подумал: «Плохо, что вдвоем в купе. Выйти куда понадобится, как быть? Мешок с собой тащить? Глупо, на подозрения наведет. В гостинице уже раз сглупил: догадался, дурак, под голову сунуть». Думать думал, а знал твердо: не расстанется с мешком, не оставит его. Пусть что угодно воображает попутчик. Пусть хоть за ненормального считает. Не бросит Назаров то, что досталось ему, что с неба свалилось, на горящих белых крыльях прилетело.

Дернулась, стукнула дверь, отъезжая в сторону. Проводница белье внесла. Брала рубли, головой качала, на водку поглядывая. Иванов ухмылялся, балабонил что-то. К пяти часам утихомирился. Пиджачок сбросил, на крючок повесил. Ботинки под лавку затолкал. Завалился в брюках под простыню, захрапел. Назаров подождал минут десять, поднялся, бочком пробрался к двери. Мешок нес с собой. Нажал на ручку, отодвинул дверь тихонько, выглянул в коридор. Быстро в туалет сбегал, вернулся, улегся. Иванов забормотал во сне, отвернулся лицом к стенке, задышал ровно.

В девять проводница принесла чай. В вагоне началось движение. К окнам прилепились пассажиры, курили, брились. Двери то и дело открывались. Иванов ушел в соседнее купе, там сели играть в карты, зашумели, устраиваясь, потом затихли.

В обед Иванов забежал на минуту, обшарил глазами купе, водку оставшуюся сцапал и опять к соседям надолго подался. Назарову сказал только:

— Ты не заболел, Витя?

— Да нет, — ответил Назаров и отвернулся к окну.

— Ну и ладно.

Ложась спать, Иванов внимательно оглядел попутчика и сказал, будто продолжая обеденный разговор:

— Чего грустить-то? Домой ведь едешь. Не в тюрьму...

Три часа тридцать восемь минут... Не в тюрьму! В тюрьме, наверное, легче. Думать не надо, бояться ничего не надо. Дыши себе в окошечко зарешеченное, на уголок неба голубого поглядывай.

Не сидел в тюрьме Назаров, не знает он о тюрьме ничего. А вот сумел сам себе тюрьму устроить. В собственном доме с голубыми ставенками. Чем не тюрьма, только что без решеток. Лизу вот еще встретил. Не то полюбил, не то так просто, скуку мужскую отводит. Аквариум завел. Не для рыбок, для денег. Лежат они на дне, песочком присыпаны. Над ними рыбки плавают, хвостами шевелят. К стенкам подплывают, глаза пучат, носами стекло пробуют. Прозрачные стенки, да твердые, не выскочить рыбкам на волю. Чем не тюрьма? Свету много, вода есть, корму Назаров дает им навалом. И богатство тут же на дне лежит. Полмиллиона. А жизнь к пятидесяти подкатывает. «Дети, если верна прямая теорема, это еще не значит, что верна и обратная ей». Как решить эту теорему? Как Лизе сказать? «Куда ты торопишься, Виктор?»

К самолету разбитому он торопился. Отделаться от Иванова торопился. А сейчас куда спешит? Страшно стало. Старика Комарова бояться начал: подозревает что-то хрыч. Лизы боится: не проболтаться бы. Людей сторонится. Много их ходит мимо. А что за люди, неизвестно. Не у всех ведь черные очки, как у слепого.

Домой, сказал тогда Иванов. Подумалось: нет у него дома и не было никогда. Иванов все допытывался, куда Назаров подаваться решил. Соврал, сказал, что на Волгу, к матери едет. И правильно сделал: вон ведь как с Ивановым этим проклятым дело повернулось. А тут с Комаровым что-то неладно выходит. Заявится сегодня вдруг старик Комаров, да и скажет: «А ну-ка, парень, подвинься». Что делать останется Назарову?

«Или убил кого?»

Нет, не убил он никого. А мог бы, пожалуй. Давно уже ту черту перешел, что людей от убийц отделяет. Не знал только, где она пролегла, та черта, не ведал, когда переходил. Женщина лес-проххозовская когда еще свой вопрос задавала. На лице, значит, это написано. В глазах, наверное, стоит. А с Лизой загадка. Два месяца живет с ним — и ничего, молчит, глупых вопросов не задает. Неужто не поняла? Или таится? Вдруг и она знает про деньги? Да нет, собирается сейчас Лиза в Харьков, как договорились. И забот у нее почти никаких нету. Дал ей Назаров пачку — на дом, сказал. Семь тысяч. Что это за деньги — кот заплакал. Пятьсот тысяч ей бы показать. Распаять коробку, сорвать обертки да кинуть по квартире. «Видишь, какой к тебе муж идет!» И в глаза заглянуть при этом: что там? Мелькнет ли то, что у Назарова мелькало, когда в зеркало смотрелся? Пустое, холодное, блестящее. И жаркое, как огонь в камельке. Это потом он привык, притерпелся, равнодушно пачки сотенных перебирал, когда перепрыгивать приходилось.

А часто перепрыгивал, пока не догадался аквариум соорудить. Сначала в печке держал, потом к первой здешней зиме под пол уложил. Да все казалось: бросается в глаза половица покалеченная. И боялся: как придет кто в дом, так Назаров на то место поглядывает, где деньги лежат, не может взора оторвать. Теперь хорошо устроился. На аквариум поглядывать при ком угодно можно. Как там рыбки живут? Не пора ли подкормить? И никому невдомек, что не нужны рыбки Назарову, что на деньги он взгляды бросает, справиться с собой не может.

Год пролежали тысячи в подводном царстве. Нынче срок при-спел: вынимать их надо. Опять будет мучиться, от чужого глаза прятать, дрожать. Как от Иванова прятал тогда. Да не уберег, уследил Иванов воровским глазом своим. На четвертый день поймал он Назарова, когда тот сверток из мешка вынул, пачки потуже перевязывал: растрепалась упаковка в дороге.

— Ты, Витя, инкассатор, что ли?

Оглянулся, диким криком захлебнулся, деньги к груди прижал. Уследил Иванов все-таки, сумел незаметно в купе забраться. Стоит ухмыляется, руку протягивает.

— Да ты не пугайся, — сказал будто ласково, а сам смотрит нехорошо: к деньгам как к магниту тянется. Отпрыгнул Назаров, мешок за спину спрятал, а сказать ничего не может: в горле комок какой-то застрял, никак не проглотит.

— Сколько увел? — деловым тоном спросил Иванов. — Да ты что, очумел совсем от радости?

— Уйди, — прохрипел наконец Назаров. — Уйди, а то зашибу ненароком.

— Ну это еще мы будем поглядеть, — сказал Иванов спокойно. — Давно я заметил, что не в себе ты, Витя. И мешочек бережешь, как здоровье свое драгоценное. Думал, гостинцы какие везешь. И смотри-ка, угадал почти. Ну так как, говорить будешь? — закончил он жестко, будто приказал.

— Не обязан, — выдавил Назаров.

— Да ведь это как сказать. Мне, может, и не обязан. А вдоль этой линии милицмейских отделений, как сельдей в бочке, понапи-хано. Там что скажешь? Дипкурьером представишься? Рожа у тебя не дипломатическая, не поверят. И мешочек не такой, в каком меморандумы доставляют.

Поезд стал замедлять ход. Замелькали пристанционные постройки. «Уйду сейчас, — подумал Назаров. — Остановится поезд, и уйду».

Но не ушел. Иванов спиной к двери встал, ножичек вынул, поигрывает. И вдруг ручка у двери дергаться стала. Иванов ножик в карман, отодвинулся. В купе новый пассажир ввалился. Иванов засуетился, затормошил Назарова. «Пойдем, Витя, на вокзал сбегаем, коржиков купим, яиц». Потащил Назарова из вагона. «А мешочек-то оставь, товарищ за ним поглядит. Вы уж, пожалуйста, мы в момент обернемся». И понял Назаров, что сила на него наехала, не вырваться теперь, не отбояриться. Пошел за Ивановым, как телок на веревке. Тот в самом деле к ларьку повел, коржиков купил, бутылку пива. В вагон вместе вошли, а в тамбуре остановился Иванов и попридержал Назарова за локоток.

— Поговорим.

— Не о чем, — отрубил Назаров. Однако чувствовал: что скажет ему Иванов, то и будет. Понял, что настигла его, видно, судьба и не отпустит, как ни просись.

— Откуда деньги?

Рассказал Назаров про самолет. «Подкрепление в банк везли, значит, — сообразил Иванов. — Послереформенные денежки». И деловито осведомился:

— Сколько загреб?

— Пятьсот тысяч.

— Ого, — удивился Иванов. — Везет мне. Недаром еще на вокзале потянуло меня к тебе, Витя. Будто знал. Значит, так: тридцать пачек я себе заберу, тебе двадцати за глаза довольно. Поделим сейчас же, в уборной.

— А пассажир?

— Что пассажир? Хотя, действительно. Неудобно таскать это хозяйство по вагону. В глаза может броситься. Ладно. До Москвы вопрос останется открытым.

И до самой Москвы не отпускал Иванов Назарова от себя ни на шаг. В карты играть больше не ходил, водки не покупал, за Назаровым, как за любимой женой, ухаживал. А Назаров пообвыкся, первый страх сбросил, соображать принялся, что можно в этом случае предпринять. Жалко ему было тридцать пачек ни за что отдавать. Планы разные строить начал. Думал: заснет



Иванов, а ему исчезнуть незаметно удастся. Не вышло: стерег тот Назарова, как кошка мышкину норку, при каждом слабом ночном шорохе голову вскидывал. Много способов избавиться от Иванова перебрал Назаров, а подходящего все не находилось. Положился на случай. И случай этот представился.

На перрон они вышли вместе. Иванов Назарова чуть не под руку держал. Балагурил, торопил. Назаров резонно возражал: — Народу много. Ну где тут мешок открывать. Враз засекут, и попадемся мы как миленькие.

— В скверике сядем, — тащил его Иванов в сторону от площади.

Назаров упирался.

— Поедем-ка подальше от центра, — сказал он.

Покрутились они на площади, в метро вошли. Тут Назаров и выказал еще раз свою сообразительность. Разменяли в кассе гривенник, по пятаку в руки взяли. К турникетам подошли, когда хлынула в вестибюль толпа с очередной электрички. Иванов о подвохе не подумал, сунул монету в щель. Шагнул Иванов вперед, а Назаров замешкался с пятаком у соседнего автомата и вдруг круто повернул назад, зацепил мешком какого-то человека, ругательство в спину заработал, но не оглянулся даже, рванул через вестибюль к выходу. Слышал только, кричал Иванов, пытаюсь пробиться сквозь узкий проход, уже загороженный какой-то бабкой с чемоданом. Толпа напирала на него. Дежурная у автоматов за руку схватила, застрял в этой пробке Иванов, завяз как таракан в тесте. «Догоню! — орал. — Из-под земли выну гада!»

Не вынул. Растворился Назаров в московском многолюдстве. На другом вокзале билет купил в первый же поезд, а утром вылез в незнакомом городе. На работу оформился, дом купил, стал свой срок доживать. Жалел об одном: брякнул тогда Иванову о родине своей, волжском городке и отрезал этим себя уже навсегда от матери, от старого дома, от детства. Догадывался, искать будет его Иванов, не захочет запросто от даровых монет отказаться. Боялся: вдруг найдет. Так под двойным страхом и жил все эти годы, глядел на белый свет из окошечка с голубой ставенкой, как рыбка из аквариума, думы тяжелые думал, к старику Комарову приглядывался с опаской, сон свой золотой по ночам смотрел, а потом мокрую рубашку ощупывал, курил, перед стеклянной посудиною стоя. И бежали мысли по кругу, по кольцу, из которого не предвиделось выхода.

Давно отстучали Лизины каблучки под окном. Кажется, вечность прошла, а секундная стрелка на будильнике все по тому же месту скачет, торопится. Скоро уже и ночь начнет отползать, а Назаров все в той же позе сидит, на стрелки будильника смотрит.

Три часа сорок минут...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Парадоксальные вещи иногда лезут в голову, — сказал Шухов.

Кожохин поднял глаза от бумаги, которую изучал, и усмехнулся, заметив, что это еще ничего, что бывает гораздо хуже,

например, он плохо представляет себе, как Шухов намерен организовать поимку убийцы.

— Подожди, — сказал Шухов. — Дай человеку возможность высказаться. Я подумал об Эдике Мокееве.

— Я тоже о нем думал.

— Не в той плоскости.

— Откуда вы знаете, в какой плоскости я думаю?

— Не будем пререкаться, — миролюбиво произнес Шухов. — Парадокс в том, что Назаров и Мокеев вроде разные, далекие люди, на самом деле имеют, несут в себе, что ли, много общих, роднящих их черт.

— Та-та-та, — пропел Кожохин. — В такой плоскости я действительно не думал. Но для чего, скажите, пожалуйста, я должен об этом думать?

— Для усвоения кое-каких психологических деталей. В будущем может пригодиться.

— Ну что ж. Хотя я уже, кажется, догадываюсь. Они оба оказались в силу каких-то причин отъединенными от общества... Ну и, как говорится, и т. д. Мысль не столько парадоксальная...

— Сколько примитивная, — быстро произнес Шухов. — Ты это хочешь сказать?

— Не только. Я понимаю, что оба они в той или иной степени жертвы обстоятельств...

— Ну и ерунда, — сказал Шухов. — Не жертвы, а творцы обстоятельств. Это во-первых. Во-вторых, оба одержимы. На столько, что эта одержимость ослепила их. Мир для них перестал существовать. В-третьих...

— Оба сошли с ума, — перебил Кожохин.

— Нет, застыли, окружили себя паутиной. Как куколки в коконах. И ослепли.

— Отсюда мораль: одержимый — потенциальный преступник. Так? Это второй парадокс?

— Чушь, — засмеялся Шухов. — Хотя слепая одержимость — вещь страшная.

— Не новость, — заметил Кожохин. — Первобытные мыслители, по-моему, это тоже соображали. И отделяли своих шаманов, ставили им шалаши в сторонке от общих пещер.

— Не загибай, — хмыкнул Шухов. — Согласись, что все-таки жалко смотреть на человека, потерянного для общества.

— Вы об Эдике?

— Да.

— Ну он-то как раз этого не считает. Он, как шаман, воображает, что пользу принесит. А нам вот не след забивать голову ерундой. До сих пор план не готов.

— Комарова, конечно, отвадить надо, — задумчиво произнес Шухов. — Неизвестно, сколько времени пройдет, пока этот тип за коробкой соберется. С другой стороны, как мы ему понять дадим? Я имею в виду типа этого.

— С ним просто, — сказал Кожохин. — Охрану снимем — и все. Только вот Комарова как отвадить? Может, не трогать его вовсе?

— Нескладно у нас больно с этим стариком получается, — Шухов зажег сигарету, затянулся, сказал сердито: — Мне вовсе не хочется оказаться в положении той бабы.

— Какой бабы?

— Помнишь, у Зощенко рассказ есть. «На живца», кажется, называется. Про бабу, которая в трамвае на лавке сверток забывала, ждала: не клюнет ли кто? Чтоб, значит, схватить жулика с поличным. Так вот и с Комаровым выходит. Если, конечно, не отвести его от греха. Разница между той бабой и нами только в том, что она не знала, кого вытащит, а мы знаем.

— Жалко вам этого паршивца? Он же нас с самого начала за нос водит.

— Не те слова, — сказал Шухов. — Мне лично старик не импонирует. Но зачем впутывать в довольно противное дело еще одного человека. Пусть скверного, пусть потенциально подготовленного к тому, чтобы украсть эти проклятые деньги. Комарова полутал бес жадности, как говорят. Не дать ему возможности совершить задуманное — значит сохранить его для семьи.

— Да за одни лживые свидетельские показания его под суд отдать надо.

— Ну это ты извини, не в ту сторону едешь. Переложил руль, не то в берег врежешься.

— Почему? — вскинул брови Кожохин.

— Потому что против него даже косвенных обвинений не выдвинешь. Это мы с тобой такие умники — догадываемся, что к чему. А факты где? Сидит у дома по ночам? Так он это объясняет вполне убедительно. Остаются в итоге одни психологические нюансы.

— Ладно, убедили.

— Вот и хорошо. Теперь следи дальше. У нас в наличии есть один-разъединственный способ уличить преступника: взять его с поличным. Другого я не придумал, к сожалению. Наши домыслы и косвенные улики — тьфу. Дунул — и нет их. Фото? Да тебя судья на сто метров не допустит с этим фото. Письмо Иванова матери Назарова? Справка из адресного стола? Какие из этих фактов выводы можно сделать? Да никаких. Ну искал Иванов Назарова. Ну и что? Тысячи людей ищут друг друга. Фото курортное? Просто случайная встреча этого типа с Ивановым. Понимаешь, что рисковать нам нельзя? Да старик еще путается под ногами. Старик нам, кроме прочего, легко может карты смешать. Явится одновременно с главным виновником — и весь наш план в трубу вылетит.

— Точно, — сказал Кожохин. — Значит, первое дело — старика отодвинуть.

— Да, — кивнул Шухов. — Намекнем ему недвусмысленно на кое-какие обстоятельства. Полагаю, этого урока ему до конца жизни хватит.

— Думаете, поймет?

— Больше чем уверен. Ну а с Мокоевой что? — спросил Шухов.

— Пока статус-кво. Работает в киоске, живет на прежней квартире.

— А этот тип крутится возле киоска?

— Как заведенный. По два раза в день мимо проходит. Иногда даже нахально газетки покупает.

— Ждет.

— Да, — Кожохин кивнул. — И удивляется, наверное, нашей медлительности.

— Глуп он все-таки, — сказал Шухов. — Не находишь?

— Как сказать. Когда дело начинали, не находили. Кроссворд знатный он нам поднес.

— И тем не менее он глуп, — упрямо произнес Шухов. — Значит, так. Комарова предупреждаем. Мокеева должна исчезнуть из киоска на время. Это будет сигналом для убийцы. Откроем ему дорогу, так сказать. Теперь давай план засады разработаем.

С планом они кончили быстро. Члены оперативной группы получили задания. Охрана дома снята. Пустую коробку Шухов водворил на прежнее место в первую же ночь. Кожохин инсценировал арест Мокеевой, он же беседовал со стариком Комаровым. Хитрый старикан, как и предполагал Шухов, крепко струхнул, когда ему намекнули, что «было бы неплохо, если бы он поменьше шарил глазами по крышам дворовых построек».

— А чего? — начал было он. — Дом-от мой аль нет?

— Дом-от твой, — передразнил его Кожохин. — Вот и возись с ним, ремонтируй. А по двору по ночам не шлейся. Поял? Уборной пока тоже не пользуйся.

— А чего?

Кожохин строго посмотрел на старика. Тусклые ледяшки Комарова, казалось, не выражали ничего. Но Кожохин все-таки понял, знает хрыч, видел он утром убийцу. Но не скажет об этом никому и никогда. Подумал: «И такую сволочь спасаем».

— Ну как? — спросил его Шухов. — Уяснил старичок ситуацию?

— Уяснил, — буркнул Кожохин.

— Все идет как задумано. Одно смущает: три дня прошло, а толку нет.

— Не вытерпит. В доме ремонт идет. Он же это видит. Мало ли что может случиться? Надумает Комаров уборную рушить — и пропали денежки. Он это понимает. Мираж золотой ему покоя не дает. Придет, не волнуясь.

Прошло пять дней, а он не появился. Теперь и Шухова стали одолевать сомнения. Все ли сделано правильно? Кожохин, встречаясь с ним, обменивался пустопорожними фразами. Оба, словно сговорившись, молчали о главном, которое волновало все больше. Первым не выдержал Кожохин:

— Арестуем его. Фото покажем. Убедим, одним словом.

— Улик нет, — вздохнул Шухов. — Отопрется.

— Билет в Сочи, — напомнил Кожохин.

— Это не то, — отмахнулся Шухов.

— Алиби разрушим.

— Чушь. Без его признания ничего не докажешь. Не подкопаясь.

— Неужто так прочно?

— А ты как думаешь?

— Сделаем еще попытку? Вдруг что-нибудь прояснится.

— Испортим только все. Надо ждать.

— Штучка, — сказал Кожохин. — В жизни бы никогда не подумал, что может такое дело достаться.

— В жизни еще и не такое бывает. Я, между прочим, все время думаю: не допустили ли мы где ошибки?

— И что же?

— Вроде все чисто. Я думаю, что он просто трус. Жадная трусливая дрянь. Он и деньги сразу не унес, потому что струсил в последний момент.

— Нож тем не менее не бросил.

— С ножом проще. Он, когда обратно уходил, мог нож в землю воткнуть.

И еще одна ночь миновала, не принеся никаких новостей. А потом прошло еще несколько дней в томительном ожидании.

Убийца появился на десятые сутки, перед рассветом. Он медленно прошел по спящей Тополевской улице, прошел не оглядываясь, не торопясь. Постоял у назаровского дома, опершись рукой о штакетник, как будто к чему-то прислушиваясь. Потом оторвался от изгороди, двинулся дальше по улице. Тявкнула собака в соседнем дворе. Он ускорил шаг. Серая тень надолго скрылась в овраге. Кожохин уже стал думать, что убийца больше сегодня не появится. Но темная фигура вынырнула вновь. На этот раз человек шел быстро. У дома он уже не остановился, растворился в темноте. Кто-то из сидевших в засаде вздохнул. Послышался шепот: «Неужели не придет?» Кожохин тихо шикнул: «Молчи».

Минут через пять человек вернулся. Скрипнула решетчатая калитка, он скользнул во двор, решительным шагом направился к уборной, снял с крыши коробку...

Два ярких луча вонзились ему в лицо. Клацнул затвор фотоаппарата. Строгий голос сказал из темноты:

— Стоять на месте!

Но человек не захотел стоять. Он вскрикнул, выронил коробку, рванулся в сторону... И забился в сильных руках.

Кожохин поднял коробку и через огороды двинулся к машине, стоявшей на соседней улице. Убийцу, обмякшего, растерянного, подвели к другой. Двое сели рядом с ним. Третий сел к Кожохину. Хлопнули дверцы, взвыли моторы.

— Свяжитесь с дежурным, — сказал Кожохин шоферу. — Пусть позвонит Шухову.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Три часа сорок минут... Бежит секундная стрелка по белому кругу, отщелкивает время. Сидит Назаров, думает свою тягучую думу... Мчится по городу машина, останавливается на углу. До назаровского дома отсюда минута ходьбы. Вылезает из машины человек, делает первый шаг... Три часа сорок одна минута. Стук в дверь. Знает человек, ждущий за дверью, что не спит Назаров. Знает он, как ответить на вопрос: «Кто там?» Все у этого человека продумано, все рассчитано до секунды. А может, не все? Бежит стрелка. Назаров слышит стук, идет открывать. В голове ворочается недовольная мысль: «Рано при-

перся, старый черт». Человек стоит за дверью, ждет вопроса: «Кто там?» — «Телеграмма», — скажет он и назовет фамилию матери Назарова. Чтобы не испугать, чтобы все задуманное сошло гладко.

Но дверь открывается без вопроса. «Все равно», — мелькает мысль у того, кто за ней... Короткий взмах рукой. Недоуменный, полный боли взгляд Назарова, стук тела, падающего на пол.

Нож — в чехольчик, припасенный заранее. Руки должны быть чистыми. Взгляд на тело. Не шевелится Назаров. Кончились его размышления, кончилась никому не нужная жизнь, которую он истратил вхолостую, гоняясь за золотым миражем. А теперь вот над его телом стоит второй, которому тоже видится золотой мираж.

Три часа сорск одна минута... Убийца перешагивает через не-



подвижное тело, надевает перчатки, подходит к телефону, набирает номер. В трубке слышится мелодичный женский голосок.

— Привет, Галочка, как живется? — бодро говорит убийца. — А мы уже готовы. Звони клиенту... Выезжаем...

Он кладет трубку на рычаг. Ждет. Бежит секундная стрелка по циферблату, нервы напряжены до предела. Звонок. Убийца засовывает в рот вынутый из кармана кусок хлебного мякиша, глухо говорит в трубку:

— Назаров у телефона... Спасибо, буду ждать на улице.

Вчера вечером он тем же голосом заказал от имени Назарова такси.

Три часа сорок пять минут... Птицей летает убийца по комнатам. Аквариум вдребезги. «Только бы не забрызгаться». Коробку — аккуратно к выходу. Пусть постоит рядом с трупом. Книги с полки — на кровать. «Лучше гореть будет». Из платяного шкафа извлекается чемоданчик, небрежно ставится на стол. «Чего в него покидать? Ага, рубашку, еще что?» Взгляд на пиджак: «Не забыть про билет. Где он его держит? Здесь? Ага. На-ка тебе до Сочи. А этого куда? В Курск? На кой черт он собрался в Курск? Так куда же его деть? Да пусть горит... Теперь канистру». Жирной струей льется керосин на кровать, на книги, на пол. Чиркает спичка. Дверь на замок, коробку с деньгами — на крышу уборной. Никто не допрет. Возьмем потом».

Три часа сорок девять минут... Теперь скорей к машине. Нож? А, хоть так? Удар каблуком, орудие убийства исчезает в земле. Пустынна Тополевская, спит улица. Только старик Комаров, прижавшись к забору, плят свои изумленные стекляшки на человека, спрятавшего что-то на крыше уборной. Он еще думает, что это Назаров прячет: трудно в предрассветной тьме различить человека. Он еще думает, не двигаясь с места, а к дому уже подъезжает такси. Шофер, девять минут назад включивший радио, болтает с диспетчером.

Четыре часа... «Слушай, Галя, дом-то горит»... Четыре часа... Инсценировка инсценировки окончена...

— Так, — говорит Шухов. — Вы предупредили вахтера гаража, чтобы он разбудил вас без двадцати четыре. С вечера подвели часы. И фактически встали в три часа тридцать минут. Как вам удалось обмануть вахтера?

— А у него не было часов. Он по моим будил.

— Затем вы сделали вид, что звоните диспетчеру. На самом же деле позвонили только из квартиры убитого. Точно без двадцати четыре?

— Может, с минуту разница была.

— Признаете ли вы, Загоруйко, что, готовя преступление, вы рассчитывали свалить вину за убийство на Мокееву?

— Не все ли равно? — глухо отвечает Загоруйко. — Мне алиби было нужно.

— Вы следили за Мокеевой? За Назаровым?

— Да. Знал, что они уезжать собираются.

На стол ложится фотография. Два улыбающихся лица. «На память о Ялте».

— Когда познакомились с Ивановым?

— В конце февраля. В Ялте. Он узнал, что я собираюсь работать в этом городе, и стал меня уговаривать.

— Вы знали, что за птица Иванов?

Знал ли он? Догадывался сперва. Но он и сам готов был стать такой же птицей. Он очень хотел красиво пожить. «Надоело крутить баранку», — пожаловался как-то Иванову. Тот пьяно вытаращил глаза: «А хочешь, помогу...» — «Как?» — «Добрый я теперь стал, — сказал Иванов. — Постарел, подобрел, руки слабнут. Иначе я бы тебе показал кукиш в кармане». Он захотал. Потом резко оборвал смех. «Вот так. Я тебе подскажу, как золотую рыбку поймать». На другой день, уже трезвый, Иванов продолжил разговор. «Куманька одного знаю... Знаю за ним кое-что... Подсмотрел, как он аквариум чистит... Адресок его долго доставал. Сотню писем, наверное, по стране пустил, фронтовым дружком прикидывался. В печенках он у меня сидит. Съездил недавно туда, посмотрел: живет куманек. Собрался было уже навестить его, побеседовать, да несчастье со мной вышло: сердечный приступ получился. В больницу лег. А выпотрошить его раз плюнуть. Вдвоем придем, а то одного меня он и придушить может». — «Опасно», — сказал Загоруйко. «Брось. Я тебе подскажу, как оформить. Мозги у меня, слава богу, работают. Только не вздумай отрываться от меня. Влипнешь».

В марте этот разговор был. А в апреле умер Иванов. Инфаркт. И слова его оказались пророческими. Влип Загоруйко. Соблазнил его легкий куш, заморозила золотая мечта, затуманила. На «мокрое» дело пошел.

Шухов ведет допрос. Первый допрос убийцы. Будут еще. Но главное уже ясно. За окном встает осенний неяркий рассвет. Подступает усталость. Надо кончать. Кожохин собирает бумаги. Говорит задумчиво:

— Одного мы так и не узнаем.

— Чего же? — лениво откликается Шухов.

— Да вот: зачем Назаров в Курск собирался?

— А к чему нам это?

— Для полноты картины.

— Ну она и так ясна. Просто Назарову надо было на время оторваться от Лизы, чтобы деньги вынуть из аквариума. Он и надумал в Курск поехать. Не к Иванову же в гости собирался?

— А может, и он Иванова искал?

— Ну, это уж слишком. А я спать хочу. Хватит умствовать. Пошли, что ли?

— Пошли, — сказал Кожохин. — Я тоже не прочь вздремнуть часиков двенадцать.





Александр КАЗАНЦЕВ

Ф А Э Т Ы

Научно-фантастический роман в трех частях

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

БРАТЬЯ

Глава первая. СЛЕДЫ

РАСКОПКИ

Галактион Александрович Петров, доктор исторических наук, видный археолог, руководил раскопками сибирских курганов еще до того, как они были залиты Енисейским морем. Строители Енисейской плотины спешили, и археологам приходилось соревноваться с ними, чтобы не потерять тайны древних сибирских народов. А тайны были важными.

Петров прославился работами, которые показали, что в древности бассейн Енисея был заселен статными голубоглазыми бородачами с высокими лбами и русыми волосами.

Галактион Александрович был самозабвенно предан науке и спешки в научных выводах не терпел, потому каждое его слово ценилось. Сам он внешне был под стать древним жителям Сибири, ростом велик, правда чуть грузен, волосами рус, как новгородцы или суздальцы, однако бороды не носил, как его европейские предки или их енисейские родичи, жившие здесь тысячи лет назад.

Поскольку времени для раскопки курганов становилось все меньше, экспедиции Петрова был придан в помощь студенческий «строительный отряд». В него вошли младший брат Галактиона Александровича, учившийся в Томском политехническом институте, и студентка Томского университета Эльга Веденец, мечтавшая стать археологом. И еще из того же Томска приехали школьники, а среди них младшая сестренка Эльги Тая, «цыпленок цапли», как говорил о ней Далька.

Петров-младший во всем уступал брату: и в росте, и в солидности, и в авторитете. Даль был без ума от Эльги, да и она втайне отвечала ему взаимностью. Девушку с ее чудесными волосами, уложенными в тяжелый пучок на затылке, даже не портили неуклюжий комбинезон и тяжелые кирзовые сапоги. Она умела выглядеть привлекательной в самой неподходящей обстановке, даже в дождь среди раскисшей глины раскопок. А когда она гарцевала на коне, Дальке казалось, что такие всадницы и скакали здесь когда-то по степи.

Даль Александрович Петров, будущий инженер, интересовался не только местной археологией. Он был осведомлен о многих удивительных находках по всему миру и имел по этому поводу собственное мнение, но из-за невозможности лично участвовать в исследовании памятников древних майя, загадочных исту-

Первые две части романа Александра Қазанцева «Фазы» опубликованы в приложении «Искатель» № 3, 4 за 1971 год и № 4, 5 за 1972 год.

канов острова Пасхи или древнейших фресок Сахары, деятельно помогал брату в родной Сибири.

Подвижный, острый, живой, как капелька ртути, он с детства любил песенку со словами «кто ищет, тот всегда найдет!». И уверен был, как истый романтик, что непременно найдет то, о чем мечтал. И случилось так, что слова песенки оказались пророческими.

В этот сухой, по-степному жаркий день находка взволновала всех, прежде всего Эльгу. Девушка аккуратно счищала кисточкой остатки земли с древней глиняной статуэтки и не давала ни Тане, ни Дальке подойти близко, пока Галактион Александрович сам не рассмотрит сокровище, которому наверняка несколько тысяч лет.

Странная статуэтка, по-видимому, изображала женщину, но была стилизована, а главное, покрыта сетью линий и знаков неведомой письменности. Но Далька усмотрел в ней иное!

«Щелевидные очки! — завопил он. — Это же ведь как в японских «догу»!

Эльга только покачала своей великолепной головкой. Таня застыла с открытым ртом, а Галактион Александрович взял в руки статуэтку и задумался. Она походила на слегка изогнутый широкий нож с рукояткой в виде человеческой головы в огромных очках с горизонтальными полосками.

Далька, захлебываясь от волнения, убеждал:

— Повторение японской загадки! На острове Хонсю найдены статуэтки «догу», которым пять тысяч лет. Их делали из обожженной глины предшественники японцев. Догу на древнем языке означает «одеяние, закрывающее с головой». По современному — скафандр.

— Уж лучше старое русское слово «балахон», — заметил Галактион Александрович, снимая с себя пыльник и вытирая лицо уже несвежим платком.

— Они жили в каменном веке, — продолжал Далька, — а статуэтки свои одевали в костюмы, напоминающие космические! Кто мог стать прототипом для этих древних скульптур? Металла древние художники не знали, но тщательно воспроизводили на статуэтках люки для осмотра механизмов, дыхательные фильтры с дырочками в герметическом шлеме, щелевидные поляризующие очки на нем!

— Если отбросить романтическую шелуху, — изрек Галактион Александрович, — то находка наша представляет интерес именно в связи со статуэтками «догу».

— Вот как? — почтительно удивилась Эльга, кокетливо щурясь то на одного, то на другого брата.

— Айны, почти исчезнувшая народность, предшественники японцев. Европейские черты лица айнов всегда были загадкой, — ровно заговорил, как читал лекции, Галактион Александрович. — Бородатые, с иконописными лицами старорусского письма, они напоминали наших мужичков времен крепостничества. Щелевидные очки, может быть изобретенные когда-то против степной пыли теми, у кого глаза от природы не были узкими, могли

быть перенесены отсюда на Японские острова. Это, пожалуй, чуть приоткрывает завесу над загадкой переселения народов. Не исключено, что именно отсюда пришли предки айнов, расселяясь и на равнины Европы, и на просторы Дальнего Востока.

— Да нет же! — запротестовал Далька. — Предки айнов на Японских островах видели пришельцев из космоса и лепили с них своих божков, поскольку считали их за богов. По времени все это совпадает. Вспомним Сахару! Там на скалах в Тассили древние художники изображали существа в скафандрах. В герметических шлемах! А рядом — непомерно вытянутое существо с растопыренными руками, рогатым шлемом и хвостом! Даль говорил и размахивал руками, даже стал в позу, изображавшую странную фигуру с фресок Тассили.

К палатке руководителя раскопок, около которой шел разговор, постепенно стали подходить студенты из «строительного отряда» и школьницы, подружки Тани. Всем было интересно увидеть находку и послушать, что о ней говорят.

— Какое это имеет отношение к нашим раскопкам? — поморщился Галактион Александрович.

— Непосредственное! — вспыхнул Далька. — Здесь мы нашли статуэтку с такими же очками, как и «догу» в Японии. И в Японии рядом с «догу» нашли скульптурное изображение сахарского «Великого бога марсиан». А вот я нашел... копию марсианского робота с фресок Тассили.

— Где нашел? — удивленно, но со скрытой радостью спросила Эльга.

— На острове Пасхи.

Всеобщий хохот был ответом. Даже Галактион Александрович улыбнулся. Но Далька ничуть не смутился:

— Совсем необязательно быть на острове Пасхи, достаточно иметь фотографии, снятые там. Вот смотрите, — и он вытащил из заветного кармана куртки бумажник, туго набитый фотографиями и вырезками. — Полюбуйтесь. Вот «Великий бог марсиан», а вот его японская скульптурная копия. А вот та же копия, но уже с проработанными деталями: герметическим шлемом, щелевидными очками и спиральным орнаментом.

— Почему спиральным? — спросила Таня.

— Очень просто, — снисходительно ответил девочке Даль. — Если искать символ, который был бы понятен всем разумным существам, где бы они ни жили во вселенной, то это спирали!

— Почему спираль? — не отступала Таня.

— Фу ты! Неужели не ясно? — потерял терпение Далька. — Да потому, что галактики спиральной формы наблюдаются всеми цивилизациями космоса.

— А остров Пасхи? — напомнила девочка.

— Пожалуйста, будьте любезны! — Далька вынул из бумажника развернутую репродукцию фрески Тассили из книги Анри Лота и положил рядом с ней вынутую из специального карманчика фотографию наскального рисунка с острова Пасхи.

— Здорово! — послышался голос.

Галактион Александрович небрежно взглянул на фотографию и пожал плечами.

Эльга с почтительным вопросом смотрела ему в лицо.



Рисунки Ю. МАКАРОВА

Таня переводила смеющийся взгляд с Дальки на рисунки и обратно.

Галактион Александрович поднял руку:

— На мой взгляд, неуместно смешивать научные исследования по строгому методу с преждевременными выводами на основе увиденных картинок.

— Почему ты считаешь более научным предположить, что предки айнов жили здесь, а потом расселились на восток и на запад, а не желаешь считаться со множеством следов, которые оставили на Земле инопланетяне в древности?

— Потому что таких следов нет.

— Как же нет? Никто еще в строго научном плане, о котором ты говорил, не рассматривал этих следов. Разве можно пренебречь сказаниями древних народов в Южной Америке, Месопотамии, Индии, Японии!.. Везде речь идет об одном и том же — дети неба спустились на Землю с другой звезды, помогли людям, научили письменности, земледелию, ремеслам. Потом улетели и обещали вернуться. В Южной Америке это даже повело к трагедии завоевания индейцев испанскими конкистадорами. Ацтеки, майя, инки приняли их за вернувшихся с неба благодетелей людей, сынов Кетсалькоатля или Кон-Тики.

— Какие сказки! Умерь свою фантазию, Даль. По моему мнению, все это чепуха.

— Ты заменяешь аргументы мнением!

— Мнение весомее любых аргументов в том случае, когда оно основано на однозначных научных выводах. Науке не нужны фантазеры.

— У меня факты, а не плоды воображения. В Южной Америке имеются не только предания, сказки, как ты говоришь. Там до сих пор сохранились древнейшие Ворота Солнца с неземным календарем, в котором двести девяносто дней в году! Нельзя забыть пирамиду храма надписей в Паленке, гробницу в ней с надгробной плитой, где высечен чертеж ракеты в разрезе. А в ней — человек.

— Ритуальное изображение кукурузы, под которой человек размышляет о бессмертии.

— Только этот человек погребен в саркофаге, почему-то сделанном в форме ракеты! А нефритовая маска его лица говорит о многом!

— О чем? — спросила Таня, переводя сияющий взгляд с одного спорщика на другого.

— У него нос начинается выше бровей. Нам неизвестна такая раса. Может быть, в крови захороненного древнего майя была инопланетная примесь.

— Поистине прав был Салтыков-Щедрин, говоря, что ничем не ограниченное воображение создает мнимую действительность.

— Какая же мнимая? Действительность заставляет нас вообразить себе инопланетян на Земле, а не наоборот.

— Никто никогда не докажет мне, что гости из космоса побывали на Земле, ибо нет возможности для смертного существа преодолеть межзвездное расстояние в сотни и тысячи световых лет. Планеты же солнечной системы по новейшим

данным, увы, не населены, — с раздражением закончил Галактион Александрович.

Но Далька не сдавался.

— Тебе мало следов, которые есть на Земле? А в космосе?

— Что-то я не слышал о следах в космосе.

— А между тем именно там гости иных миров должны были оставить нам память о себе. И может быть, оставили.

— Почему? — спросила Таня.

Эльга укоризненно взглянула на нее. Но девочка выразила общий вопрос всех собравшихся.

— Прекрасно! Отвечу! — запальчиво произнес Далька.

— Любопытно будет послушать, — иронически заметил Галактион Александрович. — Только не забудь о своем дежурстве на кухне.

Кто-то хихикнул.

— С тех пор как был запущен первый советский искусственный спутник Земли, — тряхнув лохматой головой, продолжал Даль, — появилась новая наука — слежение за спутниками. Сложный комплекс астрономических, радиоастрономических, электронно-вычислительных устройств, компьютеров. Оказалось, что множество тел бороздит ближний космос. Почти о каждом можно сказать, когда и кем оно было запущено. Но только почти... Есть такие спутники Земли, которые не запускали ни в СССР, ни в США.

— Обыкновенные спутники-шпионы, — зябко пожала плечами Эльга, ощутив степной ветерок. — Разве на Западе признаются в их запуске? Смешно!..

— Логика — оружие науки! — подхватил Галактион Александрович и одобрительно посмотрел на свою помощницу.

Та опустила глаза, смутилась. Ей ведь хотелось только подразнить Дальку.

— Да, но среди неопознанных спутников есть, по крайней мере, один, как пишет доктор наук Чикагского университета, специалист слежения за спутниками француз Жак Валле, — не отступал Далька. — Есть, по крайней мере, один, который движется в сторону, противоположную вращению Земли.

— Ну и что? — простодушно спросила Таня.

— Запустить такой спутник куда сложнее, чем обычный. Вращение Земли обычно помогает обрести первую космическую скорость. А если оно мешает, надо затратить энергии много больше.

— Ну вот что, — оборвал Галактион Александрович. — Мы нашли ценнейшие статуетки. Однако они не дают нам права размахивать руками в космосе. А «Черный Принц» — всего лишь приблудившийся метеорит.

— «Черный Принц»? — удивилась Эльга, вскинув свои тонкие брови.

— Да. Так называют этот объект на Западе, — небрежно пояснил Галактион Александрович.

— Мы привыкли, что археологи копаются в земле, — снова вступил Далька. — Это потому, что люди на поверхности своей планеты живут в пыли, пылят, вздымают пыль, — и он указал рукой в степь. Там по дороге двигался столб пыли, растягиваясь следом за грузовиком медленно оседавшим шлейфом. Но на-

станет день, и археологи станут искать уже не только в почве, но и в космосе, сделают науку археологию КОСМИЧЕСКОЙ.

— И мы полетим к «Черному Принцу»! — счастливым голосом крикнула Таня.

Все рассмеялись.

Однако космос космосом, а кухня кухней. Нужно было чистить картошку. Таня с девочками вызвались помогать Дальке.

Ловко вырезая из картофеля фигуры, приближающиеся к сферам (не считаясь с отходами!), Далька увлеченно рассказывал про загадочные каменные шары величиной с многоэтажный дом, рассыпанные по лесам и болотам Коста-Рики, как на звездной карте, оставленной пришельцами.

Варя на второе кашу, Петров-младший вспоминал о древнем аэропорте в пустыне Наска, где сохранились каменные взлетно-посадочные полосы, оставленные гостями из космоса. В подтверждение своих мыслей он бросал в котел соль горсть за горстью в знак того, что инопланетные много раз побывали на Земле.

Каша получилась отчаянно пересоленной. Есть это «космическое» варено было трудно, но весело.

Смущенный Даль вечером искал Эльгу, но напрасно, девушка так и не вышла из палатки.

В небе горели лукавые звезды. Ветер нес откуда-то пыль.

Всю ночь Дальке снился «Черный Принц»...

«ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ»

Сотни миллионов людей во всем мире собирались вместе, чтобы смотреть по Всемирному телевидению волнующие эпизоды исследования «Черного Принца».

Друзья Галактиона Александровича собрались у него на квартире. Теперь он был уже профессором, членом-корреспондентом Академии наук СССР. Его помощница Эльга Сергеевна, кандидат исторических наук, недавно вернулась из летней археологической экспедиции, уже не первый год руководя ею (к некоторому тайному раздражению профессора, который предпочел бы видеть Эльгу всегда при себе).

С помощью Тани, приехавшей перед началом занятий в Томском университете к сестре, Эльга Сергеевна ловко собирала на стол, звеня старинным столовым серебром (иной сервировки профессор не признавал).

Далька грустно поглядывал на ее великолепную головку с эллинским узлом волос на затылке. Он приехал в Академический городок после практики с крупной сибирской стройки, где он находился в связи с одним из своих бесчисленных проектов. Замыслы то оттаивания сибирской вечной мерзлоты, то сооружения всесибирского энергетического кольца ветроустановок, могущих заменить гидростанции, то еще какой-нибудь не менее грандиозный проект так и не дали ему вовремя закончить политехнический институт, что вызывало сдержанное неодобрение старшего брата.

Профессорская квартира Галактиона Александровича казалась холодной и неуютной, хотя в ней было немало редких коллек-

ций. Но черепки и кости, хоть и представляли научную ценность, все же мало украшали жилые комнаты. Однако Галактион Александрович слишком уважал археологию, чтобы отказаться от бесценных для него экспонатов, а Эльга Сергеевна сама пополняла его коллекции. Тане и Дальке такая обстановка очень нравилась.

Лучшим украшением квартиры был великолепный телевизор. На его огромном, почти киноэкране виднелось переданное прямо из космоса звездное небо.

— Не понимаю, как можно есть в такую минуту! — Таня отодвинула тарелку.

Даль покосился на нее. Как она изменилась! Куда делся цыпленок цапли? Пожалуй, на коне тоже гарцевать может, как сестра. Эльга Сергеевна по-прежнему была для него образцом совершенства.

Галактион Александрович, словно руководя тем, что появилось на экране, веско сказал:

— Внимание. Сейчас мы убедимся, что это всего лишь приплудившийся метеорит.

Голос диктора не поддержал Галактиона Александровича:

— Вы видите на своих экранах загадочный объект, получивший название «Черного Принца». К сожалению, он вращается вокруг своей горизонтальной оси, поэтому его форма как бы ускользает от ваших глаз. Предоставляем слово нашему космонавту Крутогорову, который видит сейчас объект со своего корабля. Прошу, Георгий Петрович.

— С виду напоминает диск, — послышался чуть хриловатый бас. — Конечно, можно было запустить и диск. Даю телескопический объектив для телекамеры. Как изображение?

— Теперь тело виднее. Жаль, кувyrкается.

На экране диск, серый с солнечной стороны и черный с теневой, медленно опрокидывался. Он напоминал сплюснутую лепешку.

— Это не осколочная форма! — воскликнул Даль. — Какой же это приплудившийся метеорит? В природе таких тел не бывает.

— Почему же? — возразил Галактион Александрович. — Даже идеальные сферы бывают. Планеты хотя бы.

— Они обретали форму в газообразном состоянии.

— Как знать. Единой точки зрения нет.

— Тише, сейчас скажут, — прошептала Таня.

— Мой корабль сближается с «Черным Принцем». Черный он только с теневой стороны. Поверхность его словно изъедена песчинками. Космические пылинки, что ли...

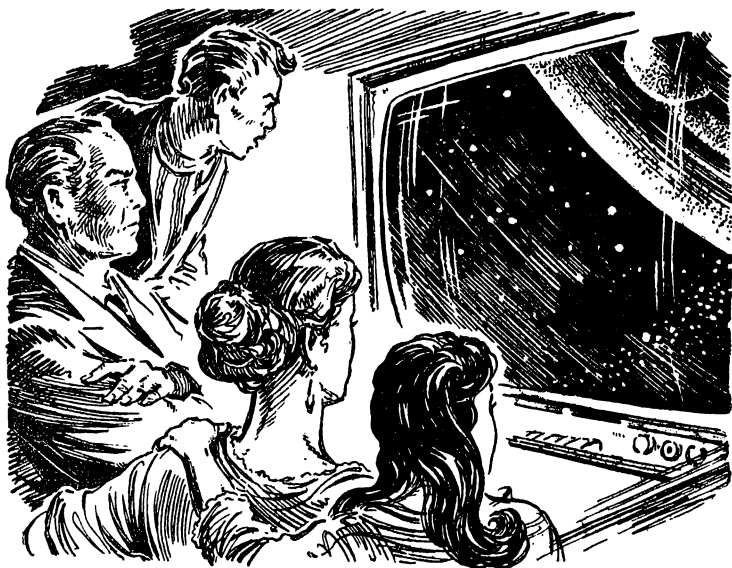
— Если это не маскировка, — вставил Галактион Александрович.

Эльга укоризненно сощурилась на него.

— Я меняю свое мнение, — заявил профессор. — Очевидно, это не естественное образование, а искусственное времен «холодной войны в космосе».

— Я всегда думала о спутнике-шпионе, — кивнула Эльга Сергеевна.

— Вполне возможно, что его намеренно запустили в сторону, обратную вращению Земли, чтобы труднее было обнаружить и обезвредить.



— Вот теперь, — слышался хриловатый бас с экрана, — и вам хорошо видно, что это металлический диск. Сейчас он находится от меня метрах в ста. Постараюсь прыгнуть к нему. Скафандр уже на мне, телекамеру беру с собой, чтобы и все зрители могли побывать со мной вместе внутри.

— Ты, Георгий Петрович, говоришь, «внутри». Думаешь, там есть люк и он для тебя открыт? — спросил диктор.

— Люк не люк, а какое-то отверстие имеется. И оно, представьте себе, как будто открыто.

— Конечно, — сказал Галактион Александрович. — Как же иначе их приборы могли наблюдать Землю? Люк должен быть открыт.

— Неужели он прыгнет? А если оторвется, улетит в бездну? — забеспокоилась Таня.

Космонавт, словно утешая ее, сказал:

— Я тут надежно закреплен канатиком, вроде бы нитью Ариадны. Прямо как в древнем мифе. Если прыгну и промахнусь, то по канатику подтянусь.

— Как бы я хотел быть там! — вздохнул Далька.

— Да, обходятся без тебя, — притворно посочувствовал Галактион Александрович.

— Внимание. Пробую прыгнуть, — предупредил космонавт.

На экране закрутились хороводом звезды, сливаясь светлыми кругами.

— Прошу простить, получил собственное вращение, — объяснил космонавт. — Неуклюжесть.

Звезды на экране сменились сначала огромным горбом, потом белесым морем, кое-где закрученным спиралями.

— Это Земля в объектив попала, — разъяснил Галактион Александрович. — Облачный покров, циклоны в нем...

Космонавт справился с собственным вращением, и в объективе опять появились звезды. Часть экрана закрыл быстро растущий в размерах диск. Диск медленно поворачивался, на мгновение показав черневший в его центре круг.

— Немного промахнулся, — сообщил космонавт. — Удерживаюсь на канатике чуть в стороне от диска. Сейчас мы к нему подплывем, подберемся... с помощью ракетницы.

На экране на секунды возник ствол ракетницы, которую космонавт показал зрителям, прежде чем ею воспользоваться. Потом диск, продолжая опрокидываться, стал приближаться.

— Готово. Сейчас дотянусь до него рукой. Хлоп! Стукнулся. Пришвартовался. Плохо видно? Слишком близко. Сейчасотрегулирую камеру. Лезу на поверхность, если это можно назвать лежанием. Вроде мухи на потолке. Боюсь оттолкнуться. Осторожно ползу. Поверхность шероховатая, будто нарочно сделанная.

— Я же говорил, — веско заметил Галактион Александрович. — Маскировка.

— А как же внутри? — спросила Таня.

— Сейчас обнаружим, что там внутри, — словно отвечая девушке, продолжал космонавт. — Ползу к люку, направляю на него объектив. Вам должно быть сейчас лучше видно, чем мне самому.

На экране трудно было что-либо разобрать, кроме освещенного серебристого края черного отверстия.

— Георгий Петрович, ты бы света дал внутрь. Не разберем, — попросил диктор.

— Есть дать свет. Жаль, солнечные лучи туда не попадают. Тут на солнце про фонарик и забыл. Интересно все же, кто эту чертовщину сюда запустил?

На экране вырисовалась внутренняя полость диска, освещенная космонавтом через люк.

— Теперь забираемся вместе с вами, дорогие товарищи зрители, внутрь «Черного Принца».

— Ох, кому-то в мире сейчас не по себе, — заметила Эльга Сергеевна. — Сейчас увидим и кинокамеры, и телевизионные установки заграничного производства.

— Странно как-то! Не знаю, как вы там, на Земле, а я ничего не вижу. Вроде пусто здесь. Зря гаечные ключи прихватил. Никакой аппаратуры. Подождите. А это вот видите? Что-то чудное парит в невесомости и ни за что не держится. Какие-то пирамиды и шарики. Вроде украшение какое-то.

— Покажи-ка нам его, Георгий Петрович, мы с тобой вместе посмотрим.

На экране виднелось странное сооружение, меньше всего похожее на аппаратуру.

— Тут две такие штуковины. Я их сейчас свяжу и отправлюсь обратно на корабль с трофеем. Пусть на Земле разберутся, что к чему.

— Что ж тут разбираться? — зевнул Галактион Александрович, с наслаждением вытягивая ноги. — Все ясно. Настоящая аппаратура после использования была выброшена в космос, а

вместо нее остались эти муляжи, которые должны убедить легковых, вроде нашего Дальки, что это и есть инопланетная аппаратура.

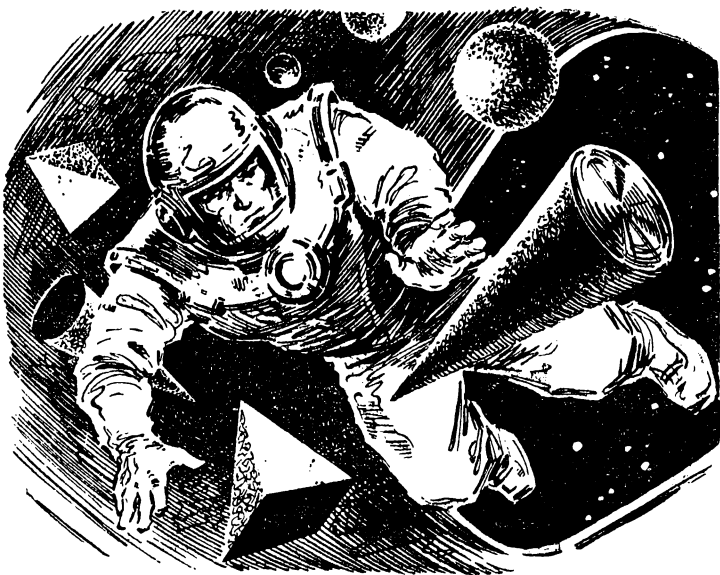
— Это очень остроумно, — заметила Эльга Сергеевна. — Но пока что не подкреплено исследованием. — Ей хотелось заступиться за Дальку.

Далька благодарно взглянул на нее. Она отвернулась. Почему он со всеми смелый, только не с ней?

На экране еще некоторое время виднелось странное сооружение, потом снова появились звезды, Земля, покрытая облаками, и на фоне ее серебристый корабль космонавта, куда он возвращался, осторожно выбирая удерживающий его тросик.

— Диск заснят со всех сторон, — заканчивал Крутогоров репортаж. — Взята проба металла, из которого он сделан.

— Итак, дорогие телезрители всего мира, мы вместе с вами участвовали в разрешении загадки нашего космического века и как бы помогали Георгию Петровичу, побывав вместе с ним внутри так называемого «Черного Принца», несомненно искусственного космического сооружения, однако скорее всего все-таки земного происхождения. Впрочем, не будем опережать событий. Ученые Земли сумеют установить, какую находку удалось нам там сделать. Поблагодарим Георгия Петровича Крутогорова за великолепно проведенную операцию в космосе и доставленное всем нам волнение и наслаждение. Будем теперь с нетерпением ждать благополучной посадки его корабля на нашу родную Землю. До свидания, дорогие телезрители. Наша передача из космоса заканчивается.



Вероятно, всюду во всем мире в этот момент люди долго не могли успокоиться уже после того, как погас экран телевизора.

— Я полечу в Москву, — заявил Даль.

— Зачем? — нахмурился Галактион.

— Принять участие в исследовании.

— Твое дело учиться. В Москве найдется, кому определить, что за «муляжи» были оставлены для легковых в спутнике-шпионе.

— Я не хотела бы, чтобы это был спутник-шпион! — воскликнула Таня.

Далька одобрительно посмотрел на нее.

Эльга Сергеевна, выполняя роль хозяйки, предложила всем поужинать.

— А какая тогда была замечательная каша! — хитро улыбнулась Таня.

— Да, каша была на редкость пересоленной, — подтвердил Галактион Александрович.

НАХОДКА

День был пасмурный, но холодный, будто осень уже кончалась. Первые ранние снежинки больно секли лицо.

Эльга и Галактион Александрович стояли на ветру перед зданием аэровокзала. Из встречающих только их двоих выпустили на поле, чтобы проследить за разгрузкой самолета.

— Эльга Сергеевна, — проникновенным голосом напутствовал ее Галактион Александрович. — Не знаю я другого такого педантичного и аккуратного человека, как вы. Полагаю, что я не совершу ошибки, вверяя вам находку. Передача ее нам на исследование после заключения военных экспертов — величайшее доверие нашему научному центру, признание его универсальности.

— И вас лично, Галактион Александрович, — добавила Эльга.

— Обо мне надо говорить в последнюю очередь, — скромно отозвался Галактион Александрович.

Самолет подруливал к аэровокзалу. Навстречу ему двигался самоходный трап. Когда он пристроился к дверце, она открылась, Эльга ловко взбежала по ступенькам. Ей навстречу торопливо спускался командир корабля.

Он повел девушку к багажному люку. Сюда уже подъехал грузовой электрокар, а следом ехал знакомый Эльге Сергеевне старенький «Москвичок» — фургон, давний ее спутник по степным экспедициям, свидетель многих радостей и неудач.

Галактион Александрович нетерпеливо стоял у багажного люка и нервничал, что долго нет Эльги. Без нее ему всегда бывало не по себе.

Она появилась вместе с командиром корабля и представила его профессору.

— Сотни тысяч тонн всякого добра перебрали, — сказал летчик, — а вот такого груза еще не было. Доставили в полной сохранности, как хрусталь в вате. Прошу подписать специальный актик. Передаю из рук в руки.

— Пожалуйста, осторожнее, — беспокоилась Эльга.

Рабочие аэропорта и так старались.

Бережно перенесли два ящика с надписями: «Осторожно» и «Верх» и аккуратно поставили их в фургончик. «Москвичок» остановился рядом с электрокаром.

— Совсем нетяжелые, — на прощание сказал усатый рабочий, которому помогал паренек в ушанке. — Может, и для отгадки они вам пухом обернутся.

— Гагачьим, — заверила Эльга Сергеевна, улыбаясь.

Она забралась вместе с ящиками в фургон, а в переднюю кабину рядом с шофером уселся Галактион Александрович.

Ящики перенесли в лабораторию профессора Петрова.

Эльга сама помогала их открывать, не переставая твердить об осторожности. Кончилось тем, что она поранила о гвоздь палец, и Таня завязала ей его бинтом.

С того вечера, когда «Черный Принц» появился на экране, прошло всего три дня, и Даль с Таней не успели уехать. Поэтому Далька использовался в лаборатории в качестве подсобной рабочей силы, а Таня была восторженной зрительницей.

Странное сооружение из конусов, кубов и сфер, на которое так недавно затаив дыхание смотрел весь мир, теперь извлекли из самых обыкновенных земных стружек. Чья-то добрая душа не поскупилась на них в Москве.

— Сколько сору! — сокрушалась Эльга Сергеевна, очищая объект от сухих стружек.

Таня вызвалась было помогать сестре, но та расставила руки, как наседка крылья, защищая свое сокровище. Тогда Таня стала подметать пол.

— Галька, позволь мне, пока я не уехал, участвовать в твоём исследовании, — попросил Далька, назвав брата детским именем; когда-то много лет назад их звали Галька и Далька.

— Нет, — отрезал Галактион Александрович. — Это не развлечение для любителей диковинного. Это серьезное научное задание, которое признано выполнимым для руководимого мной центра.

— Ну я тебя очень прошу, — настаивал Даль.

— Отстань, умоляю, — поморщился, как от зубной боли, профессор. — Эльга Сергеевна, — обратился он к помощнице, — сейчас уже поздно. Прошу вас взять ключ от лаборатории с собой. К работе приступим завтра. Как известно, утром ум мудрее.

Обиженный Даль решил принять собственные меры.

По дороге домой он уговорил Таню стащить ключ от лаборатории из сумки, которую сестра дала нести ей. Они еще сегодня вечером раньше всех рассмотрят диковинку. А профессор пусть «накапливает мудрость к утру».

Девушка сразу согласилась, немалую роль здесь играло то, что это предложение исходило от Даля.

Тане без труда удалось выполнить щекотливое поручение. Эльга Сергеевна, как вполне сложившийся ученый, была рассеянна и так и не взяла у сестры сумку с ключом.

Таня украдкой позвонила Дальке по телефону и назначила ему «свидание под часами».

Она пришла точно в условленное место, и они сразу же направились к корпусу научного центра.

Археология — наука мирная. Никакой вооруженной охраны на-

учного центра не положено. Правда, в вестибюле всегда сидела вахтерша. Сегодня дежурила старая, очень полная женщина с седеющими усиками. Она удивленно встретила молодых людей, которые совсем недавно ушли отсюда вместе с самим профессором Галактионом Александровичем и «Ольгой Сергеевной».

— Неужто уже нынче станут допытываться? — удивилась старуха.

— Где ж тут утерпеть! — многозначительно изрек Далька.

— Видать, что не терпится, что вперед старших прибежали. Пустить-то куда мне вас? Некуда. От лаборатории ключ Ольга Сергеевна с собой забрали.

— Ну бабушка, что вы! — взмолилась Таня. — На улице такой холод.

— Да, погода в аккурат по прогнозу или по стариковскому определению. У меня давеча спина показывала. Куда вас пустить-то? Да хоть в профессорский кабинет. Ключ от него за всегда на доске висит. Только зарок. Сидеть там смирно, старших поджидать.

Грузно переваливаясь с ноги на ногу, она повела их по коридору мимо заветной двери в лабораторию.

Таня и Даль переглядывались и с трудом сдерживали смех.

Свой кабинет профессор Петров называл «лавкой древностей». В другой раз Далька, может быть, и заинтересовался бы тем, что лежало под стеклом витрин, но сейчас еле сдерживал себя, прислушиваясь к удаляющимся шагам вахтерши. Потом высунул в приоткрытую дверь и сделал Тане знак.

На цыпочках они перебежали коридор.

— А вдруг я не тот ключ взяла? — прошептала Таня. — Там еще два были на колечке.

Но дверь лаборатории открылась. Все было как час назад, когда ученые вместе с Далькой и Таней уходили отсюда. И замеченная в кучу стружка осталась на том же месте, и диковинки — на столе.

Даль ринулся к ним.

— Осторожно! — голосом Эльги предупредила Таня и сощурилась совсем как старшая сестра.

Далька даже вздрогнул от неожиданности, но потом сердито отмахнулся. Он ошупывал странную аппаратуру, стараясь определить: металл это, дерево или пластмасса? И ничего не определил.

— Чудно, — заметил он и добавил: — Так и должно быть, если инопланетяне.

— Ой, как здорово! — прошептала Таня уже собственным голосом.

— Геометрия! Это факт. Все ждали от инопланетян вывод теоремы Пифагора, а тут целый выводок стереометрии. Разве это не проявление мысли? Как бы не так! Геометрические фигуры не зря были известны им.

— Кому?

— Фу ты! Инопланетянам, конечно!

— А что эти фигурки означают?

— Эксперты дали заключение, что они не имеют никакого отношения к тому, что может измерять, наблюдать, запечатлевать, излучать или передавать по радио, — словом, сочли фигу-

ры просто символами. Внутрь фигурок проникать не стали, оставили это археологам. Теперь профессор Петров будет их распиливать или не знаю еще что... Он уже все решил. Для него загадки нет.

— А для тебя?

— Тут не задачка «мат в два хода», даже не шахматный этюд. А ты чего дрожишь? Трусись?

— Нет. Холодно.

— Обычное дело. Осень. На дворе скоро снег выпадет, а срок включения отопления не настал. Инструкция!

— Какие они красивые! — восхищалась Таня, глядя руками геометрические формы. — Кто их сделал? Может, им тоже холодно? — И она попыталась ладонями согреть приглянувшийся ей куб.

— Стой! Стой! — сипло воскликнул Далька. — Или чудится мне? А ну грей его, грей!

— Я подую. Можно? — и Таня стала отогревать куб дыханием.

А Далька вперил взгляд в сторону куба, на котором словно проступили какие-то тени, только светлые, как иней на стекле в морозный день.

— Ну, Танька, держись! Кажется, мы с тобой... — он даже не мог договорить.

Они стали вдвоем греть куб, вместе дышали на него. И так увлеклись, что не заметили, как поцеловались.

Далька выскочил из лаборатории как ошпаренный и помчался по коридору.

У Тани кружилась голова. Наверное, думала она, Далька ощущает то же самое. Увы! Он, оказывается, бегал к вахтерше за спичками. Таня обиженно отвернулась к окну.

— Эй, цыпленок цапли! — позвал ее Далька. — Давай гляди на этот куб: увидишь что — крикни.

И Даль стал жечь спички одну за другой, нагревая куб, сблизивший их с Таней.

— Вижу, — перехваченным от волнения голосом вдруг выговорила Таня.

— Чего видишь?

— Человека.

— Какого там человека? Что еще выдумала! А ну, пожги спички, я сам полюбуюсь.

Девушка послушно поменялась с Далькой местами.

Потому ли, что она более аккуратно нагревала спичками куб или он успел нагреться, как того требовалось, но в лаборатории послышался тихий прерывающийся, но явственный звук.

Далька огляделся по сторонам и увидел на соседнем столе древнюю маску, какую делали когда-то сибиряки для вторичного захоронения умершего (его останки переносили из леса, где он покоем на дереве, в родовую могилу). Далю показалось, что маска что-то говорит ему...

На самом деле «заговорил» аппарат из кубов и конусов. Звук становился все отчетливее, ритмично повторяясь, а на стороне куба все отчетливее становилось изображение... человека! И тут в лабораторию, задыхаясь от гнева и бега, ворвались Галактион Александрович и Эльга Сергеевна.



— Что вы тут делаете?

— Что за безобразие!

Таня уронила спички и растерянно пролепетала:

— Что делали? Ничего... Честное слово, целовались, и только...

— А это? — крикнул Галактион Александрович, указывая на обгоревшие спички и закоптившийся куб.

— Целовались? Выбрано замечательное время и место для поцелуев! — процедила сквозь зубы Эльга, презрительно посмотрев на Дальку. (Еще осмеливался писать ей сумасшедшие письма. А она-то их хранила!)

— Прошу простить, — хриплым, сразу осевшим (и потому напминавшим космонавта Крутогорова) голосом произнес Даль. — Прошу простить. Тут дело хитрое. Посмотрите-ка сюда, на этот экранчик на кубике. Не хуже телевизионного. Дай мне свою знаменитую газовую зажигалку, Галя.

— Нечего портить объект, — отступил Галактион Александрович.

— Не портить, а исследовать. Не бойся, не пожалеешь. Это же эксперимент в твоей лаборатории. Ты ведь даже резать собирався, не только греть. Отчет напишешь. Статью в «Доклады».

Галактион Александрович возмущенно пожал плечами, вынул зажигалку, но, прежде чем отдать ее брату, раскурил свою неизменную трубку, которая, как он считал, украшала его. Он старался сдержать себя, как подобало солидному ученому, но не мог устоять на месте, расхаживал около стола с объектом и сердито извергал клубы дыма. Даль поднес вспыхнувшее пламя к заветному кубу, который они вместе с Таней отогревали.

Профессор, резко повернувшись от двери к столу, воскликнул:
— Ве-ли-ко-лепно!

Ничто не могло так поразить Эльгу Сергеевну, как это признание всегда непоколебимого шефа. Но она плохо знала его.

— Великолепное подтверждение моей правоты!

— Что ты узрел, Галя? — поинтересовался Далька.

— Ми-сти-фи-ка-цию! Заумную и неумную мистификацию, которую не поленились подготовить те, кто решил ввести в заблуждение весь мир.

— Что ж, по-твоему, «Черный Принц» не творение разума?

— Напротив. Несомненное творение разума, но только ЗЕМНОГО, что я и постараюсь доказать самым доскональным исследованием.

— Ты так уверен, что земного?

— Бесспорно, ибо у науки пока нет никаких оснований полагать, что разум существует еще где-либо, кроме Земли.

Даль, опустив руки, с немым укором смотрел на брата, самоуверенно дымившего трубкой и вещавшего непреложные истины.

Эльга Сергеевна, воспитанная в почитании авторитетов, в числе которых был и профессор Петров, преданно смотрела на него, стараясь, чтобы Далька заметил это.

Таня отвернулась. Ей вдруг стало так обидно, что она боялась расплакаться.

МИСТИФИКАЦИЯ

Когда поздно ночью братья вернулись домой, Галактион Александрович, сердито пытая трубкой, расхаживал по кабинету и отчитывал Дальку:

— Мало того, что ты легкомыслен и упрям, только этим я могу объяснить твою бездумную выходку с ключом и спичками, добавок ты еще и лишен всякой политической прозорливости. Не хочешь видеть пружин, движущих политическую жизнь на Западе.

— Какие уж там пружины, — усмехнулся Далька. — Здесь механизмы хитрее. Нашим специалистам по полупроводникам стоит разобраться.

— Прежде всего разберемся мы, археологи. Археология ныне включает в себя все науки! Ты правильно вспомнил о полупроводниках. Уже в наше время нет ничего невозможного в создании звучащего и показывающего под влиянием местного нагрева устройства. Прискорбно, что зарубежные достижения в этой области опять-таки были использованы для дезинформации.

— А тебе не кажется, Галя, что аппарат с нагреваемым кубом нечто вроде фонетического словаря? Каждому изображению должен соответствовать звук неведомого языка?

— Пока что мы слышали один прерывистый свист и видели одно изображение. Притом не какого-нибудь неведомого существа, а человека. Мистификаторов прежде всего должно упрекнуть в отсутствии фантазии. Неужели не могли нарисовать вместо банального человечка какое-нибудь чудовище?

— Я все время думаю: надо найти такое переключение, чтобы появился другой звук и другое, соответствующее ему изображение.

— Мне уже доводилось говорить тебе о воображении и мнимой действительности.

— А я все-таки... — начал было Даль, но рассерженный Галактион Александрович объявил, что настало наконец время и для сна. Не оборачиваясь, он ушел в свою комнату.

Утром Галактион Александрович был удивлен, что Далька не увязался с ним в лабораторию. Профессор зашел за Эльгой Сергеевной, жившей в соседнем доме, чтобы вместе с нею пойти в научный центр. Ключ от лаборатории был у нее.

Смущенная Таня на мгновение выскочила в переднюю, где, не раздеваясь, дожидался со шляпой в руке Галактион Александрович. Она простилась с ним, потому что сегодня уезжала в Томск, и извинилась за вчерашнее. Ей очень хотелось спросить о Дальке, но она так и не решилась.

Даль вышел из дома раньше брата и отправился прямо в Кибернетический центр к академику Леониду Сергеевичу Песцову.

Леонид Сергеевич Песцов был замечательный человек, ученый нового типа. Еще не старый, статный, высокий, спортивного склада, прекрасный теннисист и шахматист, великолепно знающий художественную литературу — так говорили о нем. Шестнадцати лет он поступил в университет, в двадцать лет стал кандидатом наук, а двадцати восьми — избран академиком. Ныне же он был удостоен множества научных премий и наград.

Академик Песцов был прост и доступен для всех. Ничего не стоило попасть к нему в кабинет. Не было ни секретаря, ни вахтера.

Он радушно встал навстречу Дальке, оказавшись едва ли не на голову выше его.

— Петров? Петровых на свете много. Уж не брат ли нашего профессора Петрова Галактиона Александровича?

— Брат, — усмехнулся Даль, — в порядке полной противоположности.

— Полной противоположности? — переспросил академик, усаживая гостя. — Это уже интересно. Тоже археолог? Историк?

— Пока все еще студент — томский политехник.

— Томский политехнический? Прекрасный вуз! Кузница выдающихся людей, в частности, в области кибернетики и математики.

— Вот насчет кибернетики я к вам и пришел.

— Будущая специальность? — испытующе посмотрел Песцов.

— Совсем нет. Сам еще не знаю, что буду сооружать. Мечтаю передельывать Землю. На слой вечной мерзлоты покушаюсь.

— Славно. В глобальном, значит, масштабе? А кибернетика тут при чем?

— Я хотел спросить, Леонид Сергеевич, можно ли создать такой кибернетический словарь, чтобы он произносил слово и воспроизводил на экране его понятие?

— Отчего же нельзя? Можно. Только зачем?

— Это другой разговор. Скажем, для того, чтобы ввести в заблуждение весь мир. Придумать неведомый язык и изобразить его слова на экране электронного словаря. Или... если такой

словарь имеется, то может ли ваша кибернетическая машина, пользуясь этим словарем, перевести на русский язык рассказ, произнесенный чужой машиной на чужом языке?

— Что-то я вас не пойму, дорогой глобальный преобразователь. Вообще машинные переводы возможны, но...

— Вы знаете, конечно, что к вам сюда прислали найденные в «Черном Принце» муляжи, оставленные там для дезинформации.

— Ну, ну, допустим.

— Мне вчера случайно удалось выяснить, что дезинформация зашла так далеко, что мистификаторы, как говорит мой брат, профессор Петров, сделали не картонные, а кибернетические муляжи, даже говорящие и показывающие.

— Любопытно. Предание свеженькое, но... с душком. Не так давно привелось мне видеть фотографии современного «неандертальца», снятого на кинолентку на севере Калифорнии, так называемого бигфута — «большегого» в русском переводе. Его след вдвое больше нормального человеческого. Восьмидесятый размер! Экспертам из Голливуда был задан вопрос: можно ли сделать комбинированные съемки, чтобы получить на кинолентке существо в два с половиной метра ростом, первобытную такую девицу в шерсти, идущую по лесу легкой походкой с раскачиванием быстрее олимпийских бегунов? Голливудские эксперты ответили, что сделать такой кинотрюк можно... за два миллиона долларов. Недурно? И что же? Американцев, в том числе и многих ученых, это вполне удовлетворило. Они рассудили, что не найдется безумца (или бизнесмена), который решился бы ухлопать такую уйму денег, чтобы сделать кинотрюк во имя легкой мистификации. Вы тоже упомянули о мистификации....

— Это не я. Это брат Галактион.

— Сомнительно, чтобы кому-то, даже генералам Пентагона, взбрело в голову пускать деньги в данном случае уже «на солнечный ветер», чтобы пощекотать любопытство тех, кто доберется в космосе до труднодостижимого аппарата.

— Я тоже так думаю. Потому и пришел к вам. Заберите, Леонид Сергеевич, космическую находку от археологов к себе. Ведь ваша кибернетика все может!

Академик улыбнулся хитровой мальчишеской улыбкой и, соединив руки, стал крутить большими пальцами.

— Кибернетика, конечно, многое может в отличие от тех, кто ею повелевает. В шахматы машина может сыграть. Руководитель машины тоже притом не лучше ее. Музыку машина может сочинять. Вам приходилось слышать?

— Не нравится. Нечто средневековое.

— Простенькое, хотите сказать. Так это от программы зависит. Что в нее заложить, то и прозвучит после чисто математического комбинирования. Вот стихи могу прочесть. Недавно «наша» сочинила (по нашей указке).

Первая зелень пробилась до сроков,
Бухли стволы, наливались соком.
В воздухе пахло промокшей корою.
Где-то весна брела стороною.

Академик встал, прошелся к окну и обратно.

— Каково? Знаю, знаю. Скажете, что здесь информации больше, чем поэтических чувств. Я согласен с вами. Думаю, что я сам, руководитель машины, стихи лучше пишу, в особенности для прекрасных дам, если снова увлекусь. Бывает. Одно такое увлечение у меня печально кончилось. Кибернетика подвела. Влюбился я на старости лет в молодую даму, сочинявшую пьесы. Чехова помните? Принесла она мне, как знатоку научных кругов, свою новую драму из научной жизни. А я возьми, да и передай эту пьесу для анализа своей электронно-вычислительной, той самой, которая расшифровала письменность майя за сорок восемь часов. И дал я ей всего-навсего только список действующих лиц. Думаю, догадается или нет, шельма (это я про машину!), каков будет сюжет, какими окажутся герои? И что бы вы думали? Точно указала, кто будет хорошим, кто плохим, когда доцент обманет студентку, когда благородный профессор вмешается и все кончится благополучно. Сами понимаете, что для меня это благополучно не кончилось. Так в холостяках и хожу. Есть случаи, когда у машин возможности больше, чем у их руководителей. Вот и теперь... Никак нельзя мне вмешиваться в археологические дела. Научная этика! Не поддается математическому анализу. А вот машина не задумалась бы...

— А если Галактион к вам обратится?

— Тогда другое дело. Так как говорите? Первому звуку соответствовало изображение человека?

— Похоже на человечка, — подтвердил Даль.

— Думаю, что это был не человек, хотя и похож. И звук означал совсем другое слово.

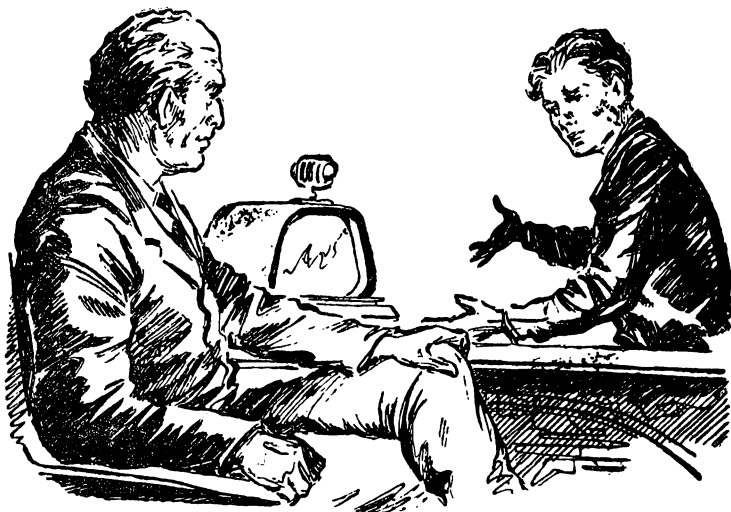
— А какое?

— Фазт.

— Фазт? — изумился Далька, подозревая очередную озорную шутку академика.

Но тот говорил вполне серьезно:

— Была, говорят, такая планета Фазтон миллион лет назад, а может, и больше. На месте ее орбиты теперь остались в виде сплошного кольца астероиды, малые космические тела осколочной формы. Некоторые считают их обломками погибшей планеты. Меня всегда занимала проблема этой катастрофы. Чтобы объяснить все ее особенности, в частности, почему осколки планеты остались на ее прежней орбите, а не разлетелись, как полагалось бы при взрыве или столкновении с посторонним телом, пришлось допустить возможность взрыва водной оболочки планеты. Кстати, есть физики, которые в отличие от других своих коллег это допускают. И допускал это даже такой корифей, как Нильс Бор. А если это могло быть так, то свести концы с концами возможно лишь при помощи вмешательства РА-ЗУМА (или безумия!). Словом, нельзя исключить развитие и гибели цивилизации на Фазтоне в ядерной катастрофе, вызванной войной. Математически, если говорить о теории вероятностей, это возможно. Очевидно, не все цивилизации вселенной способны пройти ядерный порог развития. И тогда появление около Земли искусственного спутника — аппарата фазтов, на-



званного у нас «Черным Принцем», с посланием нам, землянам, не может удивить подлинного ученого.

— Тогда как же вы можете сидеть спокойно, если аппарат фазтов, как вы сказали, находится рядом с вами?

Академик развел руками и улыбнулся.

— Слабы мы, люди, опутаны сетью условностей.

— А если брат все-таки обратится к вам? Я добьюсь этого.

— Вот тогда будет настоящее дело. Но не простое. Хватит работы и нам, кибернетикам, и лингвистам. Перевести отвлеченные понятия, неведомо как изображенные на экране вашего «кибернетического словаря», как вы себе его представили, будет труднее всего. Лингвисты, может быть, отступят, но только не мы, математики. Хотя и нам есть перед чем спастись.

— Перед чем?

— Чтобы расшифровать изображение, сопоставляя его со звуками, надо эти звуки слышать. А машины наши хоть и грамотные, зрячие, но пока еще глухие. Мы только еще начинаем учить их пользоваться слухом, принимать информацию на слух. А у вас, вернее у всех нас, как я понимаю, дело не терпит.

— Значит, нужен энтузиаст, который отдаст свой слух машине, который вместе с ней, при ее помощи, изучит чужой язык и потом прослушает и переведет для людей чужепланетное послание.

— Вот тут вы правы, Даль Александрович. Такой человек нужен. Будь я помоложе и не так загружен...

— Я моложе. И я не так загружен.

Академик внимательно посмотрел на лохматого юношу, словно приценивался.

— А как же институт?

— Я возьму академический отпуск на год, на два...

Раздался телефонный звонок.

Песцов снял трубку. Далька было вскочил, но академик движением руки усадил его на место:

— Да, Галактион Александрович, здравствуйте! Рад вас слышать, ждал вашего звонка. Почему ждал? Ну как вам сказать. Хотя возможности вашего центра огромны и всесторонни, все же всем нам не терпится прикоснуться к вашему сокровищу... Конечно, конечно, можете рассчитывать. Вся наша электроника включится. И не только техника... Хорошо, я приду к вам.

Песцов откинулся в кресле:

— Ну, дорогой мой Даль Александрович, брат ваш прежде всего ученый. А вы оформляйте свой академический отпуск. Я напишу ходатайство. Сколько вам времени для этого понадобится? Имейте в виду, что у нас, у кибернетиков, время исчисляется не неделями, не днями, а часами и минутами, а чаще секундами.

— Я только на вокзал сбегая. Девушку провожу. Она и отвезет в Томск мое заявление.

— Девушку? Это хорошо. А я пойду к археологам. Не терпится, признаться.

Узнав о том, что брат не намерен возвращаться в институт, Галактион Александрович был вне себя от возмущения.

Когда же выяснилось, что Даль решил с помощью кибернетиков «изучить язык фазтов» (какое невиданное легкомыслие, мнимость действительности!), профессор просто рассердился на брата, он интуитивно почувствовал в нем противника, решающего противостоять ему на пути «ортодоксальной науки», подменяя ее спекулятивными сенсациями!

Даль мужественно вынес разнос, но твердо остался при своем мнении. Академика Песцова и «его фазтов» он не выдал.

В сердцах брат даже отказал брату в гостеприимстве. Узнав об этом, Леонид Сергеевич, которому Далька приглянулся, предложил ему жить у себя. Однако Галактион Александрович спохватился и до такого скандала не допустил. Он слишком высоко ценил приличия.

Себя он успокоил тем, что «язык фазтов» и есть тот язык мистификаторов, которые заложили его в свое нелепое сооружение в космосе. По-своему он тоже был человеком убежденным и принципиальным.

СВАДЕБНЫЙ ПОДАРОК

— Не Обь, а сибирская Амазонка! — сказал академик Песцов, берясь за весла. — Нет в Европе таких рек, как великие сибирские! Это про них Гоголь должен был сказать: редкая птица долетит до середины, крылья устанут. А пловцу переплыть этукую ширь — подвиг зрелости!

Далька, тоже сидя на веслах, оглянулся через плечо: берег чуть ли не на самом горизонте.

— Еще чуть подальше — и была бы не река, а море, — слово угадав его мысли, сказала с кормы Таня.

Леонид Сергеевич, смеясь, назвал ее «кормщиком-надсмотрщиком», на счастье гребцам утопившим свой бич. Потом гикнул по-разбойничьи, и они вместе с Далькой налегли на весла.

Лодка ходко пошла от берега, забирая против течения. Она была украшена цветами и кедровыми ветками, которые привезли с таежной заимки родители Галактиона Александровича и Эльги Сергеевны. Они плыли во второй лодке, в «челне предков», по определению того же Песцова. Челном управляла, подгребая кормовым веслом, бабка Анисья, не признававшая руля. Она уже не работала вахтершей у профессора Петрова, ушла на пенсию, но привязанность к «Ольге Сергеевне» сохранила. Называла она себя «пельменных дел мастерицей», и в ногах у нее стоял огромный термос-камера ведра на два с замороженными пельменями, которые по ее рецепту все скопом готовили два дня.

Ее внук Ваня Крутых сидел за рулем третьей лодки, где разместились научные сотрудники археологического и кибернетического центров.

Галактион Александрович и Эльга Сергеевна, как и подобало молодоженам в такой день, сидели рядом в первой лодке на носовой скамейке, смотря на отодвигавшийся городской берег.

Чтобы «слушать реку», на этот раз отказались от моторок. Никакого шума — торжественная тишина! Доносившиеся по воде звуки и всплески весел только подчеркивали чуткую тишь.

Таня приехала на свадьбу сестры сразу после окончания университета. Она вглядывалась в напряженное лицо Дальки. Как он изменился: губы крепко сжаты, глаза какие-то пронзительные, брови чуть ли не срослись. На нее смотрит, а видит ли? Она была права. Даль смотрел на Таню, а видел Эльгу. Укоризненный взор девушки вернул его к действительности. Вот Танька молодец, успела закончить университет — молодой историк! А он так и застрял на четвертом курсе политехнического. Положим, не зря застрял... А чего это стоило?

С помощью кибернетики он стал овладевать «мертвым языком», который, что бы ни говорил Галактион, не мог быть выдуман из озорства или злобного умысла. И Эльге первой прошептал Даль выученные им еще в первые месяцы работы странные слова и показал, как звучит во втором аппарате длинное повествование на этом ярком и трудном языке. Одному Дальке его не одолеть! Вот если бы Эльга согласилась...

Бесхитростный расчет Дальки был прост. Он хотел вместе с Эльгой зубрить неведомые слова, всегда быть с ней рядом и говорить между собой на их «тайном языке».

Но Эльга не без ехидства напомнила ему про «поцелуйчики» и Таню. Это было несправедливо! Он только раз поцеловал девушку, да и то случайно! Даль вспылil, а Эльга холодно заявила, что не может служить антинаучным целям, как бы красочно они ни выглядели. У Галактиона Александровича уже сложилось определенное мнение о «муляжах» из космоса, а она выбрала себе путь в науке рядом с ним.

Оказывается, не только в науке! И даже в жизни! Значит, неверно понял Даль многоречивые взгляды ее прищуренных глаз!

Но не только Даль, никто на свете не догадывался о сокровенной тайне гордой Эльги, не знал о ее слезах и мучениях. После «измены» Дальки, который писал ей сумасшедшие письма, а сам целовался с Таней, Эльга решила жестоко отплатить

ему. Однако все выжидала. А Даль, как она решила, прикидывался, будто ничего особенного не произошло! Увлеченный языком фазтов и даже Эльгу старался склонить к его изучению. Совсем другого ждала она от него.

Так он и не раскаялся и не сказал Эльге самого главного. К подчеркнутому вниманию Эльги к своему шефу — профессору Петрову — Даль отнесся, казалось бы, совершенно равнодушно. Этого Эльга простить не могла. Скрытная и гордая, она носила все это глубоко в себе, а потом вдруг согласилась выйти замуж за Галактиона Александровича.

Ревность ослепила ее, заставила решиться на непоправимое. Не знала она жизни! Не знала, что ревность еще никогда и никому не принесла счастья.

Даль, узнав о решении Эльги, открыл себе глаза и «закрыв душу», замкнулся и целиком ушел в «мертвый язык», «квази-эсперанто» (придуманный, но не международный!), как называл его Галактион Александрович. Только академик Песцов внимательно следил за усилиями Дальки и даже знал несколько фраз фазтов. Ему прямо с голоса диковинного аппарата Даль переводил записанный для землян рассказ.

Охотник до всяких сюрпризов, Песцов согласился на озорной замысел Дальки и греб теперь вместе с ним на свадебной лодке.

Следом скользил «челн предков». На веслах в нем сидели отец Галактиона Александровича, проректор Томского политехнического института Александр Анисимович Петров, нестареющий властный крепыш с бритой головой и живыми глазами, отличавшийся негибкой волей старшего сына и энергией младшего, и отец Эльги Сергеевны — Сергей Борисович Веденец, редактор газеты «Красное знамя», по сравнению с проректором человек умеренный, но умевший видеть все с неожиданной стороны. У него была невероятно густая копна волос и кривоватый длинный нос. Их жены сидели рядом: детский врач Агния Елисеевна Петрова, статная, стареющая красавица с усталым лицом, и Ранса Афанасьевна Веденец, суетливая и заботливая полная дама, прежде работавшая у мужа в редакции, а потом воспитавшая трех дочерей и теперь мечтавшая о внуках.

Наконец добрались до низкого берега. Ближе к воде росли кусты, а дальше виднелась березовая роща. Там и должно было состояться «свадебное пиршество».

Ваня и Даль потащили за дужки термос-камеру, а бабка Анисья шла за ними, переваливаясь с ноги на ногу, и причитала:

— Пошто не в ногу шагаете? В аккурат высыплете мне пельмени!

В березняке уже горел костер, разведенный приехавшими раньше зваными гостями, почтенными учеными людьми.

Бабка Анисья забраковала костер: на нем котел не вскипятишь. А разгораться костер не хотел. Нетерпеливая молодежь предлагала плеснуть в него бензину, но катер давно ушел, и бензина, к счастью, не было. Эльга, привыкшая к полевой жизни, могла бы мигом все наладить, но ей, как невесте, не позво-

ляли ничего делать, и она болезненно морщилась. Галактион Александрович ревниво следил за выражением ее лица и был недоволен тем, что она сердится.

Наконец бабка Анисья с помощью Тани и Даля все-таки развела костер. В котле уже закипала вода.

Все расположились на траве вокруг расстеленной скатерти. Многим сидеть на земле было непривычно и неудобно, но именно они больше всего смеялись, уверяя, что устроились чудесно.

Наконец вода в котле окончательно закипела, и бабка Анисья, священнодействуя, стала опускать в него замороженные пельмени, фарш для которых приготавливался не в мясорубках, а мясо рубили сечками в корытцах. Говядины и свинины было поровну, а баранины добавлялось две трети от говядины. И еще — мускатных орехов и всяких специй по дедовским рецептам.

Пока пельмени всплывали, мужчины наполнили чарки и подняли их за счастье молодых. Первый раз закричали:

— Горько!

Эльга смотрела в землю и никак не желала подчиниться древнему обычаю. Но ей пришлось уступить.

Громче всех кричал «горько» Далька. Она это заметила. Таня тоже...

Потом Таня сбивалась с ног, обнося всех тарелками с дымящимися пельменями, которые бабка Анисья с прищипыванием вылавливала из котла шумовкой.

— Еще порцию позвольте.

— Хотите соус кетчуп? Или со сметанцей?

— Ай да бабка Анисья! Ну и мастерица! Чуть язык не проглотил!



Пельмени полагалось есть не досыта, а до отвала.

Когда стали пробовать есть, бабка Анисья сделала знак Тане, что нужно сделать перерыв.

— Пусть осядут маленько, — сказала она, имея в виду пельмени в желудках.

Тут поднялся Далька.

— Все одарили молодых кто чем мог, — начал он. — Надо и мне преподнести свадебный подарок.

— Зачем же его сюда тащить? — спросил Галактион Александрович. — Можно и дома...

— Мой подарок невесомый, хотя, может быть, и весит необычайно много.

— Загадки? — спросил Ваня Крутых.

— Дозвольте мне в подарок новобрачным, которых объединяет не только супружество, но и общая научная работа, преподнести перевод на русский язык послания инопланетян, оставленного в глубокой древности для людей в космическом аппарате «Черный Принц».

— Это уже не загадки, а шутки, — нахмурился Галактион Александрович.

— Вы послушайте, — посоветовал академик Песцов.

Гости перестали звенеть вилками и ложками, приготовились к забавному розыгрышу.

Но Даль был серьезен. Впрочем, так и требовалось при розыгрыше.

— Космический аппарат был оставлен в космосе более десяти тысяч лет назад марсианами, которые перед тем посылали на Землю Миссию Разума, — объявил он.

— Здоровье марсиан! — крикнул Ваня Крутых, поднимая чарку.

На него зашикали.

— Миссия Разума возглавлялась марсианином, носившим имя Инко Тихого. На Земле его называли Кетсалькоатлем, а потом Кон-Тики.

— Ну, знаете ли, это даже не остроумно! — задохнулся от возмущения Галактион Александрович.

Эльга шурилась на Дальку, словно изучая его или прикидывая, на что еще способна его фантазия. Таня слушала с открытым ртом. Леонид Сергеевич попросил пельменей. Остальные гости тоже начинали прислушиваться.

— Пусть то, что я сообщаю сейчас, ляжет первым камнем в фундамент новой науки «космической археологии», которая была заложена в лаборатории профессора Петрова, куда доставили найденные в «Черном Принце» аппараты!

— Кто их там оставил и для какой цели? Кон-Тики, что ли? — поинтересовался Веденец.

— Нет, очевидно, уже не Кон-Тики. «Черный Принц» был оставлен позже, для того чтобы сообщить о Миссии Разума, возглавлявшейся Кон-Тики в пору захвата Землей Луны.

— Час от часу не легче, — вздохнул Галактион Александрович. — О каких марсианах можно говорить всерьез, если все посещения Марса автоматическими станциями и космонавтами говорят о том, что на этой планете, «чахлой и скупой», нет никаких разумных существ или их следов? Там даже кислорода

нет, чтобы им дышать. И о каком захвате Луны можно говорить, если математики доказали, что она не могла быть захваченной Землей, несомненно столкнулась бы с ней.

— Столкнулась бы, не вмешайся высокий разум! На поверхности Луны марсиане взорвали ядерные устройства страшной силы. Их реактивная отдача не дала Луне упасть на Землю, заставила ее перейти на круговую орбиту.

— Так его, так его, так! — засверкал глазами старый профессор Петров. — Это как же? Ты сам выдумал или в «Черном Принце» все так записано?

— Я перескажу сейчас все, что записано в говорящем аппарате «Черного Принца», все о злоключениях Миссии Разума марсиан, о Кетсалькоатле и Кон-Тики.

— Он действительно переплыл океан на плоту? — ехидно поинтересовался кто-то из скептиков.

— Да, он закончил океанское плавание на плоту, — подтвердил Далька, — чтобы добраться до прилетевшего за ним корабля, его корабль погиб во время поднятия Анд и опускания Атлантиды.

— Какая спекуляция! — простонал Галактион Александрович. — Все же стоит дослушать свадебный подарок, — загадочно напомнил академик Песцов.

Гости притихли. Даль с воодушевлением стал рассказывать о необыкновенных приключениях на Земле мариан, как называли они сами себя.

Он закончил свое повествование на том, как Кон-Тики встретился со своей матерью на ступеньках великолепного храма и корабль мариан наконец покинул Землю.

Некоторое время все молчали. Потом Веденец по привычке журналиста стал допрашивать:

— Что ж они, и улетели, и более не возвращались?

— Из всех известных следов посещения Земли инопланетянами самое достоверное — «Черный Принц» с заключенным в нем посланием людям.

— А зачем это послание? — добивался Веденец.

— Рассказу о Миссии Разума предшествует еще одно повествование о гибели Фаэны.

— Фаэны? А это что такое?

— Я так перевел название погибшей планеты, чтобы оно созвучно было нашему привычному Фаэтону.

— Фаэтон никогда не существовал, — резко возразил Галактион Александрович.

— Как знать? — вставил академик Песцов. — Астероиды-то все осколочной формы.

— Почему же они все остались на круговой орбите, если планета взорвалась? — теряя самообладание, повысил голос Галактион Александрович. — Это исключено!

— Потому что планета не взорвалась, а разрушилась в результате взрыва ее водяной оболочки, — отпарировал Даль.

— Это противоречит воззрениям физиков! Вода не взрывается!

— Кто рискнет подписаться под таким утверждением? — спросил академик Песцов. — Во всяком случае, великий физик двадцатого столетия Нильс Бор не брался так утверждать. Известно его высказывание о возможности взрыва океанов в ре-

зультате цепной реакции, вызванной взрывом в глубине сверхмощного ядерного устройства.

— Он ссылаясь при этом, что большинство физиков иного мнения, — не сдавался Галактион Александрович.

— Правильно, ссылаясь и добавил, что если даже они правы, то все равно ядерное оружие надо запретить.

— Это что же? Речь идет о ядерной войне фаэтов, как вы их назвали? — вмешался Веденец. — Не знаю, так это или нет с точки зрения физики, которая, кстати сказать, со временем меняется, но с общечеловеческой точки зрения неизменна в веках, такую возможность людям надо учесть.

— Кто же возражает? — отозвался Галактион Александрович.

— Мне показалось, что вы возражаете. А ведь речь идет о том, чтобы бороться за запрет ядерного оружия, которое, как мы слышим сейчас, способно погубить не только цивилизацию, но и планету, на которой та развилась.

— На Западе в это никто не поверит, — сказал Галактион Александрович.

— А надо бы, — заметил Песцов, — если не поверить, то допустить подобную возможность. Ядерное оружие действительно способно было погубить и планету Фаэна, и всех, кто на ней жил.

— И все погибли? — с ужасом спросила Таня.

— Не все. Горстка уцелела. Те, кто находился в космосе: на Земле и на космических базах близ Марса.

— Так, может быть, я не от обезьяны происхожу? — вдруг обрадовалась Таня.

— Можно говорить лишь «исключено или не исключено», — осторожно прокорректировал академик Песцов. — Но даже и так это звучит серьезным предостережением людям.

— Я за такое предостережение! — заявил Веденец.

— Сказка ложь, да в ней намек, — заметил проректор Петров. Галактион Александрович схватился за голову.

— Как ты мог придумать всю эту галиматью? — набросился он на брата. — И преподнести ее в такой день?

— Я лишь пересказал суть послания «Черного Принца». Его аппараты впервые зазвучали в твоей лаборатории. Помнишь газовую зажигалку?

— Это же сказки! Отец верно сказал! Это же сказки! — закричал Галактион Александрович.

Его молодая жена молча наблюдала за ним из-под опущенных ресниц.

— Это сказки, нелепые сказки, придуманные фантазерами, не пожалевшими сил закодировать их в дурацкий язык, который можно изучать лишь глупцу, не жалеющему время! И нужны эти сказки их создателям не для предостережения человечеству, а для отвлечения его внимания. Сказки! Сказки!

— Сказки? Хорошо, пусть будут сказки. Первая из них о гибели Фаэны, вторая о Миссии Разума. Но есть еще третья сказка.

— Еще и третья? — заинтересовался Веденец.

— Да. Сказка о братьях. И не только о братьях Петровых, которые едят пельмени на берегу Оби. Но еще и о братьях по

разуму (если не по крови!), открыть которых должна космическая археология.

— Тост за новую самую универсальную науку — космическую археологию! — провозгласил академик Песцов. — Наука изучает факты. Так пусть она и разберется, где факты и где сказки!

Глава вторая. «ПОИСК»

ЗВЕЗДНАЯ МУМИЯ

Ни Таня, ни Эльга за весь долгий путь до Марса не могли привыкнуть к волнующей «серебристой тьме» за иллюминаторами «Поиска», как по предложению Даля Петрова был назван космический корабль Крутогорова.

Пассажиры научились пользоваться башмаками с магнитными подошвами, чтобы не отрываться от пола кабины и не плавать беспомощно в воздухе. Таня беспокоилась, что ее походка в башмаках, прилипающих к полу, похожа на «вышагивание цапли». Она не могла забыть обидного прозвища «цыпленок цапли», как ее когда-то называли.

Даль мало обращал внимания не только на Таню, но и на Эльгу, поглощенный предстоящей встречей с Фобосом.

Спутник Марса должен был появиться из-за огромного горба планеты, занимавшего теперь большую часть иллюминатора.

Командир корабля Крутогоров первый заметил и показал Галактиону Александровичу, руководителю экспедиции, звездочку у края диска планеты.

Диск этот еще несколько дней назад был виден целиком, с белыми шапками на полюсах, неполный, затемненный с одной стороны.

Сейчас яркая звездочка быстро всходила над неровной кромкой коричневого горба Марса.

— Какая чепуха! — поморщился профессор Петров. — Я согласился возглавить археологическую экспедицию на Марс только потому, что, как и профессор Шкловский, уверен в давнем исчезновении марсиан. Нам предстоит на Марсе датировать их исчезновение десятками или сотнями тысяч лет, если не миллионом.

— И Дальке не с кем будет разговаривать, — чуть насмешливо произнесла Таня.

— Увы! — пожал плечами Галактион Александрович. — Я вынужден был уступить его напору, хотя боюсь... что переводчик, знающий лишь мертвый язык бывших обитателей Марса, а не письменность, которая могла их пережить, не окажется в археологической экспедиции на первом месте. Время подготовки не тратили даром. Космические археологи стали самыми всесторонними специалистами: историками, врачами, техниками.

Скоро звездочка, составлявшая вместе с Фобосом двойную звезду, превратилась в ярко сверкающее колечко, чем-то напоминающее Сатурн.

А еще через некоторое время уже можно было рассмотреть, что спутник представляет собой огромное колесо с округлым ободом в виде тороида с цилиндрическими спицами, соединяю-

щими его со ступицей в центре, от которой в звездный туман и тянулась серебристая нить.

— То типичная орбитальная станция, — хрипловатым басом заметил Крутогоров. — Вдаль уходит, стало быть, оранжерея, где когда-то выращивали овощи для экипажа.

— А если и сейчас выращивают? — спросила Таня.

Крутогоров покачал головой.

— Должно, метеорит еще давно в станцию угодил. Взгляните-ка на разрушения.

Теперь и все заметили, что кольцевой обод был неполным. Часть его отсутствовала. Не было и спиц, которые должны были соединять разрушенную часть с центром.

— Так и должно было быть! — воскликнул Даль. — Ведь фазы, переселяясь на Марс, сбросили на его поверхность запасы металла, разобрав для этого часть станции.

— Даль! — вмешался Галактион Александрович. — Я попросил бы тебя помнить условие, при котором ты был включен в экспедицию, — не путать науку со сказками. Очевидно, мы имеем случай разрушения станции метеоритом, что говорит о весьма длительном ее существовании, ибо по теории вероятностей такое прямое попадание крайне редко.

— Я молчу, — сказал Далька и тихо добавил: — До поры до времени.

Эльга сощурилась на него, а Таня одобрительно кивнула.

Тут Эльга обратила внимание на крохотную странную звездочку, словно меняющую свое положение среди других звезд.

— Может быть, это ИХ корабль! — насторожилась Таня.

Крутогоров снова покачал головой. Он стоял у звездной стереотрубы и видел то, что еще неизвестно было остальным.

— Не корабль это, — почему-то вздохнул он, — а, похоже, мумия.

— Мумия? — насторожилась Эльга Сергеевна.

Крутогоров уступил место у окуляра сначала ей, а потом Галактиону Александровичу и наконец Тане.

— Трудно поверить! — воскликнула Таня. — Она как живая! Будто заметила наш корабль и летит на него, как бабочка на огонь!

Эльга зябко передернула плечами.

— В космосе не живут, — заметил космонавт.

— Почему же тогда оно летит прямо на нас? — не унималась Таня.

Далька недвижно стоял у иллюминатора, словно прекрасно ЗНАЛ, ЧТО рассматривают его спутники.

Странная звездочка оказалась телом женщины с развевающимися седыми волосами и раскинутыми, как в полете, руками.

— Она сама выбросилась в космос, — сказал Тане Далька. — Это Власта Сирус, военная преступница. Не выдержала одиночества.

— Для нас это археологическая находка, каковую надлежит исследовать, — заключил профессор Петров.

— Как исследовать? — спросила Таня.

— Этим займется Эльга Сергеевна. Вероятно, понадобится вскрытие мумии и установление различий внутренних органов инопланетного тела и человека.

Таня поморщилась. Галактион Александрович продолжал:

— Судя по всему, у обитателей космической станции была традиция захоронения умерших членов экипажа в космосе. Не исключено, что нам придется встретить еще мумии. Трупы выбрасывали в космос, и они становились там вечными спутниками спутника Фобоса, если можно так выразиться.

— Думаю, что дело было не так, — возразил Даль, но умолк, заметив протестующий жест брата.

Пилот Розмыслов осторожно подвел «Поиск» к полуразрушенной станции. Перейти в нее через шлюзы, которыми пользовались ее бывшие обитатели, было невозможно, поскольку корабль не мог стыковаться со станцией из-за несовпадения размеров стыковых устройств. Предстоял выход в открытый космос в скафандрах.

— Запустим каждого на канатиках, — успокоил всех командир корабля.

Новоявленные космонавты Галактион Александрович и Даль вместе с Крутогоровым покинули шлюз корабля. Эльга Сергеевна и Таня остались, готовясь к предстоящему исследованию мумии, которую еще надо было выловить из космоса, что было возложено на Дала и Крутогорова.

Даль с трудом справился с собственным вращением, цепляясь за канатик, потом огляделся, стараясь увидеть мумию. Но увидел звезды, которые словно приблизились к нему.

Галактион Александрович решительно направился с помощью ракетного пистолета к базе Фобоса. А Даль с Крутогоровым, паря в космосе на натянутых канатиках, стали ждать приближения мумии. Как определила электронная машина, она двигалась по вытянутому эллипсу вокруг станции. Но создавалось впечатление, что неведомая женщина, которую они только что рассматривали в звездную стереотрубу, сознательно летит к ним. Можно было понять ощущение Тани, представившей, что живая космическая женщина атакует корабль.

Даль не мог побороть неприятного ощущения, когда мумия приближалась к ним, парящим в космосе. То, что они были в скафандрах, а женщина без всякого скафандра, выглядело противоестественным. Чудовищным казалось, что женщина с раскинутыми руками летела, вращаясь вокруг собственной оси, словно танцуя среди звезд.

— Посмертный вальс, — донесся в шлемофоне Дальки хрипловатый голос Крутогорова.

Дальке не хотелось шутить, и он не ответил командиру.

Настала пора действовать. После нескольких неудачных попыток поймать мумию им наконец удалось завершить маневр.

В шлюзе бесценный груз был принят Эльгой Сергеевной и Таней — им предстояло нелегкое дело.

— Брови-то как срослись! — заметила Таня. — Интересно, кто она была?

— Резать не станем — просветим рентгеном, — решила Эльга.

Далька и Крутогоров отправились тем же путем через шлюз в космос, чтобы попасть в полуразрушенную станцию.

— Бис его знает, что ее поломало, — сказал Крутогоров, рассматривая округлый обод гигантского колеса, где не хватало



части. — Вроде бы на катастрофу не похоже. Аккуратно разобрано. Ни одного рваного листа.

— Они сами ее демонтировали, — отозвался Далька. — Так сказано в аппарате из «Черного Принца».

— Ну, ну! — промычал Крутогоров.

И неизвестно было, что он хотел сказать.

Крутогоров был старейшим из космонавтов. Он прославился еще во время Великой Отечественной войны, свершая своим истребителем невероятные подвиги. После победы он продолжал летать, испытывая новые самолеты, помогая конструкторам создавать самые смелые конструкции, которые он и перегружал выше всякого предела в воздухе. Уже будучи Героем Советского Союза, он стал космонавтом. С подкупающей простотой и юмором он признавался, что ему пришлось скинуть десять килограммов лишнего, «генеральского», веса, доведя его до восьмидесяти. (Справедливости ради надо отметить, что к профессору Петрову перед его полетом к Марсу таких требований уже не предъявлялось.) Чтобы научиться прыгать с вышки, генералу Крутогорову сначала пришлось научиться плавать. Но он преодолел все трудности и теперь великолепно ориентировался даже в открытом космосе. Галактиону Александровичу и Дальке было намного легче. Они повторяли движения Крутогорова, к тому же и «плавание в открытом космосе» ныне считалось обычным.

Однако для каждого, кто впервые выходил в пустоту меж звезд, это было ни с чем не сравнимым ощущением. Правда, когда Даль преодолел небольшое расстояние от корабля до базы Фобоса и выровнял свое движение в космосе с вращением исполинского колеса, а затем вошел внутрь его обода, то ощущение внезапно вернувшейся земной тяжести было, пожалуй, не менее сильным, чем полет в скафандре.

Крутогоров осветил фонарем коридор. Свет отражался в полированных стенах, на потолке, на полу, который словно поднимался в гору, хотя никакой подъем не ощущался. На станции были свои законы, вызванные конфигурацией обода, его вращением и центробежной силой.

Крутогоров и Далька, медленно ступая, припечатывая каждый шаг, лишь усилием воли заставляли себя двигаться. В конце коридора, словно спускаясь с горы, к ним приближался космонавт в скафандре. Это был Галактион Александрович.

— На станции нет никого: ни живого, ни мертвого, но есть немало предметов, представляющих интерес для археологов. Мы не будем сейчас что-либо трогать, вернемся на «Поиск», чтобы присутствовать при исследовании мумии.

Даль с неохотой покидал древнюю космическую станцию фазетов, представляя себе, как жили здесь когда-то герои рассказа, который он почти выучил наизусть, воспринимая его персонажи как действительно знакомых живых людей (именно людей!).

Мужчины вернулись на корабль, где их уже ждали Эльга Сергеевна с Таней и пилот Розмыслов, когда-то знаменитый футболист, а впоследствии начальник крупнейшей орбитальной станции «Гагарин».

— Это человек! — заявила Эльга Сергеевна, указывая на плававшую посередине кабины ледяную мумию.

— Человек? — переспросил Галактион Александрович. — Земная женщина?

Эльга Сергеевна кивнула.

— Я подозревал это! — высокопарно начал Галактион Александрович. — Все теперь становится на свои места! Конец сказкам! — и он обернулся к недоумевающему Дальке. — Да, да! Конец сказкам! Они уступают место новой научной гипотезе, которая не высказывалась мной, пока не стала подтвержденной теорией, — и он кивнул на мумию.

— Ничего не понимаю, — отозвался Даль.

— У меня нет оснований сомневаться в опытности Эльги Сергеевны, великолепного анатома, каким и надлежит быть настоящему археологу. И если она произнесла свой приговор «ЧЕЛОВЕК!» — значит, это действительно человек. Никакое другое разумное существо не может во всех деталях, если это слово применимо в подобном случае, быть тождественно человеку.

— Может быть, это и не вполне научно, но мне жаль эту неизвестную, — сказала Таня.

— В данном случае было бы крайне важно выяснить, когда же эта женщина, исследовательница космоса, прилетела сюда с Земли. Да, да! Вот вам доказательство существования на Земле древней цивилизации, достигавшей поразительно высокого уровня. Наши предки, оказывается, летали и над Землей, и даже сюда, в космос, где сооружали себе космические базы. Это новый взгляд на историю человеческой культуры. Она вовсе не развивалась только в одном направлении. Были спады, возврат к дикости, вызванные, по-видимому, глобальными катаклизмами. Очевидно, существовал когда-то знаменитый континент Мю в Тихом океане, на котором человечество поднялось до высших достижений культуры. Все остальные очаги цивилизации на других материках, в том числе и на Атлантиде, — это лишь колонии могучего сосредоточения разума на материке Мю. Становятся понятными такие загадки истории, как, скажем, семь городов Мохенджодаро (Холма мертвых) в Пакистане, предшествовавших на одном и том же месте один другому. В самом древнем городе казалось необъяснимым отсутствие храмов и дворцов, но в то же время в нем были прямолинейные улицы с многоэтажными домами, где каждая квартира имела водопровод и канализацию, которым больше десятка тысяч лет! И, оказывается, здесь, в космосе, находится разгадка колоний материка Мю, имевшего сообщение не только со всеми материками Земли на летающих колесницах (вимана), но и с космическими базами, созданными около других планет! Мы вернемся на Землю, чтобы сообщить об этом ученому миру!

— Не рано ли? — усомнился Даль. — Если мы нашли мумию человека в космосе, это еще не значит, что люди летали сюда в древности. Может быть, люди произошли от тех, кто летал здесь и долетел до Земли?

— Это исключено, — оборвал Галактион Александрович.

— Почему? — не унимался Далька.

— Потому что это противоречит теории Дарвина, лежащей в основе наших знаний. Человек произошел от земных приматов.

— Но почему же теорию Дарвина нельзя распространить не только на Землю, но и на всю солнечную систему хотя бы?

— Потому что это противоречит научным воззрениям и, следовательно, антинаучно.

— А твое предположение о древних, но погибших людских цивилизациях более научно?

— Да. Это новое откровение науки, и я рад, что им окупается наш опасный рейс. Космическая мумия откроет новую страницу земной археологии.

— Но нам еще предстоит спуститься на Марс, — напомнил Даль.

— Только для того, чтобы доказать, что там нет, не было и не могло быть разумной жизни, — заключил Галактион Александрович.

Космонавты с почтением смотрели на профессора и с интересом поглядывали на его младшего брата.

— Увидим, — сказал Даль.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ГРОБ

Накануне отлета «Поиска» с Фобоса на Марс Таня и Даль в скафандрах летели внутри прозрачной трубы оранжереи. Почва, на которой выращивались растения, давно окаменела, как и остатки стебельков. Таня тщательно собирала этот «мусор», не обращая внимания на беспокойного Дальку. А он все торопил девушку, сокрушаясь, что она такая же дотошная, как и ее старшая сестра. Из-за этой задержки им пришлось даже включить ракетницы для разгона. Даль первый обратил внимание, что передняя часть оранжереи выглядит как-то необычно.

Возможно, здесь когда-то был выход в космос, но сейчас его прикрывал прозрачный куб.

Даль начал торможение с помощью ракетницы. Таня последовала его примеру. Ухватившись друг за друга, кувыркаясь, задевая за стенки оранжереи, они еще некоторое время неслись вперед, цепляясь руками за окаменевшие грядки, чтобы остановиться.

Наконец они уперлись в торцовую прозрачную стенку и одновременно вскрикнули. За стеной в пустом пространстве, как в сказке, висели два саркофага. Крышки их были прозрачны, и Таня с Далькой, прижавшись шлемами к перегородке, могли рассмотреть лежащие в них мумии.

— Надо доложить Галактиону Александровичу, — прошептала Таня.

— Что вы там шепчетесь? — прозвучал в шлемофоне голос профессора. Очевидно, он внимательно следил за каждым словом путешествующих по оранжерее.

— Мы обнаружили склеп. В нем два гроба.

— опиши внешность саркофагов.

— Размерами с обыкновенный гроб, чуть толще. И лежат в них мумии как живые. Рыжебородый мужчина и...

— Красавица необыкновенная! — перебила Таня.

— Вот они, люди с материка Мю, — сказал профессор. — Ни-

чего не предпринимайте без меня. Мы с Эльгой Сергеевной и Георгием Петровичем вылетаем к вам.

— На всякий случай захватите лазер. Двери не видно. Не знаю, как они входили-выходили.

— Вы поразитесь, какая это красавица!

— А меня бородач интересует. Необыкновенное лицо! Нос у него начинается выше бровей. Невольно вспомнишь гробницу древних майя в Храме Надписей в Паленке. Нефритовая маска и две скульптурные головы носолобых...

— Мы летим к вам. Ждите.

— Чудно. Как там носолобые? — поинтересовался Крутогоров.

— Сами увидите.

— Мне как-то не по себе, — призналась Таня.

— Не бойся, — отозвался Даль. — Постой-ка, что это? А ведь в кубе воздух!

— Как это ты определил? — спросил издалека Галактион Александрович.

— По преломлению света. Если смотреть под определенным углом, звезды смещаются.

— Значит, гробница посещалась, — заключил Галактион Александрович. — Их было трое. Они ждали смены с материка Мю. Двое умерли и были похоронены третьей. Вероятно, она посещала их. Потом узнала о гибели материка Мю, поняла, что никогда не вернется на Землю, потеряла рассудок...

Скоро Таня и Даль увидели в сужающейся вдаль оранжеере три движущиеся точки. Их прикрывало облачко дыма от ракетниц. Фигуры в скафандрах вынырнули из него уже совсем близко и подлетели к торцовой стене оранжерей.

— Так вот оно где кладбище людей Мю, — сказал профессор. — Отнесли в самое отдаленное место. Мумии превосходны! Они украсят земные музеи.

— Ты не замечаешь ничего знакомого? — спросил Даль.

— Оставь ты свои нефритовые маски. Впрочем, в гробнице древних майя тоже мог быть захоронен потомок людей Мю.

— Нет, я не о том. Видишь, около гробов какие-то штуковины с конусами и пирамидами. Не аппараты ли?

— Что ж тут особенного? Если люди Мю оставили на околоземной орбите «Черного Принца», начиненного сказаниями, то почему бы им не оставить рассказывающий аппарат и здесь? Твое знание мертвого языка людей Мю пригодится.

— Это другие аппараты.

— Ну как? Начнем взрывать? — спросил Крутогоров, направляя на прозрачную стену принесенный аппарат.

— Подождите! — запротестовал Далька. — Вижу спираль!

— И что же? — холодно осведомился Галактион Александрович.

— У фазтов спираль была замочной скважиной для взгляда, который включал автоматы.

— Какие там еще автоматы у гробницы!

— Подождите! Я только попробую. У фазтов надо было посмотреть в центр спирали, сосредоточить всю силу желания. Не знаю только, чего пожелать, чтобы автомат сработал.

— Не теряй времени, Даль, — сказала Эльга Сергеевна. — Надо успеть до отлета исследовать новые мумии.

— Нет, пусть он попробует, — заступилась Таня.

Даль рассматривал спиральный орнамент. Да, такой же, как на «космических костюмах» древних японских статуэток «догу», которыми он увлекался. Чего же пожелать? Самого невероятного? Чтобы ожили эти с виду совсем живые мумии?

И Даль, сам не отдавая себе отчета в бессмысленности передаваемого взглядом приказа, впился глазами в спираль.

И вдруг вопреки всякой логике неведомый механизм сработал, вызвав в хрустальном кубе чудо.

Крышка гроба рыжебородого вздрогнула и приподнялась.

Таня вскрикнула, Крутогоров крикнул.

— Режьте, — скомандовал Галактион Александрович.

— Не смейте! — закричал Далька. — Это не гроб, а биованна для анабиоза. Они живые!

— С ума сошел, — отмахнулся Галактион Александрович. — Подумай сам. Зачем же погружать себя в анабиоз у Фобоса? Поднятие крышки — это еще не оживление, скорее ритуал свидания с умершим во время посещения склепа.

— Посмотри, — прошептала Эльга Сергеевна, схватив мужа за руку.

Когда крышка гроба, или биованны, совсем открылась, в камере все помутнело, словно она наполнилась паром или дымом.

— Будешь резать? — ехидно спросил Даль.

— Уместны ли шутки? — возмутился Галактион Александрович. — Ты сам сказал об анабиозе. Одно лишь подозрение, что мумии могут ожить должно повергнуть истинного ученого в трепет. Сейчас надо наблюдать затаив дыхание, фиксировать каждую подробность. Подумайте, какое великое открытие выпадает на нашу долю!

— Боюсь, открытия придется ждать долго.

— Да, терпение понадобится. Любому экспериментатору это понятно.

— Эх, пообедать не успели, — вздохнул Крутогоров.

Но не только об обеде пришлось забыть людям с «Поиска», не только об ужине, но даже и о сне.

Долгие часы тянулись в неизвестности, и никто не знал, что откроется за все еще матовой стенкой склепа. Никто не покинул своего наблюдательного поста, и каждый мысленно видел свое, отличное от других.

Эльга Сергеевна взялась следить с помощью захваченного с собой прибора за изменением температуры в камере. Галактион Александрович тревожился, что автоматы могли нарушить герметичность склепа и туда попал межзвездный холод, вызвавший помутнение прозрачной стенки. Даль, выяснив у Эльги, что температура неуклонно поднимается, ждал пробуждения к жизни незнакомцев, и ему уже чудились тени, перемещавшиеся за перегородкой.

Скрытый источник энергии действовал. Замороженные тела оттаивали, а может быть, уже поднялись из своих биованн.

Во время бесконечного ожидания переговорили о многом, но никто не спорил. Спорить казалось кощунственным в ожидании чуда. Люди Мю или фаэты? Гипотеза профессора Петрова или сказки «Черного Принца»? Таня была за «Черного Принца», она



уверяла, что замороженные — это легендарные Аве и Мада, хотя и не могла объяснить, как они сюда попали.

Даль, чтобы не спорить с братом, сосредоточенно молчал.

Один Крутогоров был невозмутим и беспокоился лишь о состоянии своих пассажиров. Однако уговорить их вернуться на «Поиск» было бесполезной попыткой. Да он и сам не смог бы сдвинуться с места.

Вдруг стенки куба начали постепенно светлеть. За ними уже можно было различить могучего рыжебородого атлета в облегающем костюме. Когда видимость улучшилась, все увидели, что его переносица выше бровей. Это делало его лицо странным. В позе отчаяния он стоял над вторым хрустальным гробом, пристально всматриваясь в недвижимое прекрасное лицо молодой женщины.

Рыжий великан обернулся, увидел людей в скафандрах и, ничуть не удивившись, сделал им знак рукой. Потом снова склонился над саркофагом, словно усилием воли пытался открыть его крышку.

— Крышка не поднимается! Помоги, Далька! Смотри в свою спираль! Как следует смотри! — кричала Таня.

Даль покрылся потом от напряжения, передавая взглядом неистовое желание оживить спящую красавицу, но он не был «принцем ее сказки», и она не просыпалась.

Лицо рыжебородого выражало самое настоящее человеческое горе. Схватившись руками за голову, он медленно раскачивался.

Через некоторое время он овладел собой, сделав людям успокаивающий жест (неужели во все времена у всех разумных существ язык жестов будет схожим?), вернулся к своему гробу, достал из него какое-то одеяние и... исчез в некоем подобии скафандра.

— Это же «догу»! Настоящий «догу»! — закричал Даль.

Вместо статного атлета около саркофага теперь возвышалась уродливая фигура с короткими руками и ногами. Неимоверно широкие штанины и рукава, очевидно, заключали в себе какие-то механизмы. На плечах виднелись смотровые люки. Голову носолобого скрыл герметический шлем с огромными щелевидными очками.

Громоздкая фигура подплыла по воздуху к хрустальному гробу женщины и снова стала вглядываться или в ее лицо, или в какой-то знак на крышке. Крышка не сдвинулась с места. Тогда незнакомец сделал людям еще один знак рукой, и тотчас пелена тумана скрыла его.

— Смотрите, вот он где! — закричала Таня, указывая в звездное космическое небо, где, словно ожившая древняя японская скульптура, вдоль стенки оранжереи плыла меж звезд странная фигура носолобого.

— Живой обитатель материка Мю! Я не поверил бы никому, если бы не видел сам.

— На Земле уже были удачные опыты с анабиозом, правда не с людьми, — заметила Эльга. — Ничего невозможного здесь в принципе нет.

— Он с материка Мю? — допытывалась Таня. — Как же это однозначно установить?

— Эльга Сергеевна препарирует его, и... все будет ясно, — отшутился Даль.

Все снова направились к кораблю, бросив последний взгляд на женщину в прозрачном гробу.

Люди двигались внутри прозрачной оранжереи, воскресший обитатель базы Фобоса — с наружной стороны. Они словно переговаривались между собой. Во всяком случае, их действия были согласованными. Все они направлялись к базе Фобоса, хотя неизвестный ничего не знал о ждущем там корабле Земли.

Кто он? Откуда? Как общаться с ним? Поможет ли знание Далем странного мертвого языка? Какие тайны теперь откроются? Эти мысли владели каждым из наблюдавших за неуклюжей фигурой, летевшей меж звезд.

— Не улетел бы куда, — с опаской сказал Крутогоров. — Ваня! Розмыслов! Меня слышишь? Не дивись гостю. Прямо на тебя летит. Соображает.

Незнакомец подлетел к «Поиску» первым и терпеливо ждал, пока люди выбирались из центрального отсека станции, примыкавшего к оранжерее.

Крутогоров раньше остальных подлетел к шлюзу и жестом пригласил войти в него вместе с ним.

Археологи остались снаружи, ожидая своей очереди.

— Можно умереть со страху, — бодрилась Таня.

— Или от удивления, — заметил профессор Петров.

Когда Даль с Таней последними вошли в кабину «Поиска», незнакомец стоял на полу, широко расставив короткие ноги скафандра, нелепо массивный, чуждый, странный...

Эльга первая сбросила свой скафандр.

Незнакомец подлетел к ней и через щели очков заглянул ей в лицо.

Эльга Сергеевна протянула руку, предлагая незнакомцу освободиться от скафандра. Но тот не торопился. Он, очевидно, хотел проверить состав воздуха в кабине. И сделал это самым наглядным способом. В его напоминающей манипулятор двухпалой рукавице сверкнул огонь. Таня шарахнулась в сторону, но никакого взрыва или других последствий не произошло. Незнакомец просто проверил, может ли происходить горение в атмосфере кабины.

— Как не вспомнить древних майя! — заметил Даль. — «Огонь вспыхивал у пришельцев на концах рук. Были они белокожими и бородатыми...»

Убедившись, что в кабине есть кислород, и, может быть, установив его количество, незнакомец стал освобождаться от своего одеяния.

Люди молча стояли перед живым обитателем базы Фобоса и с волнением ждали.

Шлем с щелевидными очками плавал в невесомости, скафандр распался на две части, и могучий рыжебородый атлет выбрался из него, как из развалившейся скорлупы.

И тут Даль решил, он заговорил с ним на странном певучем и свистящем языке, напоминавшем журчание воды и щелканье птиц.

Незнакомец радостно обернулся к нему, защелкал сам.

— Значит, я прав, — решил профессор. — «Черный Принц» был оставлен людьми Мю. Не зря Даль выучил их мертвый язык. Спроси скорей, что стало с его родиной.

— Ты ошибаешься, — сказал Даль. — Это марсианин. Его зовут Инко Тихий. Он бывал на Земле, когда Луна была захвачена Землей, и носил тогда имена Кетсалькоатля и Кон-Тики. Он просит нас помочь ему разбудить его подругу.

— Это когда же Луна была захвачена Землей? — простодушно осведомился Крутогоров.

— Судя по древним вавилонским и египетским календарям, лунным, равно как и солнечным, имеющим одну общую нулевую точку отсчета, можно думать о происшедшем тогда на Земле необычайном событии, — педантично стала объяснять Эльга Сергеевна.

— Когда же это было?

Незнакомец умоляюще смотрел на своих освободителей, стараясь угадать смысл их слов.

— Одиннадцать тысяч пятьсот сорок лет до нашей эры, — сказал Даль и перевел сказанное незнакомцу.

Эта цифра, видимо, ошеломила его. На его ногах, освободившихся от космической обуви скафандра, не было магнитных подошв, и тяжелая фигура рыжебородого приподнялась, словно от удивления. Он быстро и взволнованно заговорил.

Даль пытался уловить смысл его слов, но не успевал.

— Он, кажется, говорит о счастье и горе, просит спасти Эру, его жену.

Инко Тихий (Кетсалькоатль, Кон-Тики) говорил так:

— Счастье мое подобно горной вершине, но рядом черная пропасть горя. Я ждал детей Земли, которых полюбил, побывав у них под именами Кетсалькоатля и Кон-Тики. Эра всегда была со мной. И мы с ней не смогли остаться в душевных подземельях Мара с нашими братьями, слишком спокойными, холодными, правильными. Мы грезили пышной природой Земли, где побывали еще раз, чтобы оставить около нее в космосе памятник своего посещения. Мы верили, что люди найдут его и научатся понимать наш язык, чтобы узнать горькую историю фаэтов и жалкую участь мариан. Когда Совет Матерей Мара, страшась жестоких от рождения землян, запретил на вечные времена полеты в космос, мы с Эрой ушли сюда, чтобы уснуть сном холода в надежде, что люди найдут и пробудят нас. Вы здесь! Мы не напрасно верили в вас. Так помогите же, спасите мою Эру, разбудите ее!

Но что могли сделать люди? На Земле пока не умели погружать в анабиоз разумные существа, не овладели еще автоматами, действующими от направленного на них взгляда.

СВИДЕТЕЛЬ ДРЕВНОСТИ

Даль, вытерев потный лоб, закончил перевод рассказа. Галактион Александрович все время сличал услышанное с записями «Черного Принца». Сомнений не было. Перед ними действительно был Инко Тихий!

Слушатели глубоко задумались, разглядывая носолобого потомка фазтов, снова ставшего печальным от воспоминаний пережитого вместе с подругой на Земле. Теперь Эры не было с ним, она осталась в глубинах времени, откуда он вышел.

Глядя на него, ничем, кроме переносицы, не отличавшегося от остальных людей, трудно было поверить, что это не человек, а марсианин, к тому же живший много тысяч лет назад.

Таня принесла гостю поесть. Он с опаской посмотрел на незнакомые блюда. Даль перевел его слова:

— Умоляю понять, что мариане не едят трупов.

Таня смутилась:

— Что вы! Что вы! Это синтетические продукты. На Земле научились, как и у вас на Марсе, готовить искусственные питательные белки.

— Я знал, что так будет, — улыбнулся гость и с осторожностью положил в рот маленький кусочек. Ведь он ел впервые за много тысяч лет.

— Есть необходимо, как и дышать, — заметил Даль.

— Простите, — внушительно вступил Галактион Александрович. — Даль, переведи, что у меня есть к гостю несколько вопросов.

— Инко Тихий охотно ответит старшему из новых братьев, — отозвался гость.

— Вопрос первый: почему наш гость был погружен в анабиоз, если таковой еще не был до конца отработан, судя по тому, что во второй биованне автоматы отказали? Вопрос второй: кто оставил в околоземном космическом пространстве повествующие аппараты?

— История так же печальна, как и горька, — сказал Инко Тихий. — Но неужели у вас на Земле ничего не известно о нашем пребывании там?

Эльга Сергеевна боялась, что ее супруг с его авторитетной прямой тяжело ранит гостя, припомнив, как вера в его возвращение привела к порабощению индейцев испанскими конкистадорами. Их ведь приняли за сынов Кетсалькоатля и Кон-Тики. Опережая мужа, она сказала:

— Предания древних народов говорят и о Кетсалькоатле, отменившем человеческие жертвоприношения, и о Кон-Тики — просветителе людей.

— Сохранились ли у инков принципы справедливости: бесплатный хлеб всем, обязанность каждого трудиться? Несколько сот лет назад эти принципы существовали в государстве инков наряду со странным обычаем первому инке жениться лишь на собственной сестре.

— Потомки моей Ивы и Гиги Ганта! — вздохнул Инко Тихий. — Они оберегали наследственность вождей, чтобы в их кровь не проникли частицы сердца ягуара.

— Принципы, о которых гость спрашивает, — напомнил командир корабля Крутогоров, — стали сейчас целью всего человечества.

— Только потому вы и могли прилететь сюда, — сказал, ничуть не удивившись, Инко Тихий. — По закону развития это неизбежно должно было случиться. Веря в это, мы с Эрой и погрузились в «холодный сон».

Упомянув имя подруги, Инко Тихий сразу осунулся, скулы стали заметнее на его лице.

— Отчего же вы не вернулись на Землю, как обещали? — спросила Эльга.

— Мы прилетали, но к другим народам. Мы и им должны были принести семена разума и стремились сделать как можно больше. Мы опустились на другом материке, между двумя большими реками. Вождя людей там звали Амменом.

— Амменон! — обрадовалась Эльга Сергеевна, которая в вопросах древней истории была весьма сведуща. — Так ведь это же древние шумеры, едва ли не первая цивилизация на Земле!

— Как так первая? — удивился Крутогоров. — А египтяне, китайцы, индейцы?

Вавилоно-ассирийская культура наследовала шумерскую цивилизацию. Шумеролог Торкильд Якобсон из Гарвардского университета, говоря о диких племенах, живших в междуречье Месопотамии, пишет, что «Месопотамская цивилизация выкристаллизовалась словно за одну ночь. Схема, по которой станет жить эта цивилизация, познавая себя и весь мир, возникает мгновенно во всех своих главных чертах» *.

— Удивительно! — заметил Крутогоров.

— Сохранились клинописные записи. У нас есть книга на корабле.

— Я принесу, — предложила Таня.

— Клинописью писали наши далекие и несчастные предки на Фаэне, — отозвался гость людей.

Пока Таня ходила за книгой, Галактион Александрович напомнил о своих вопросах.

Инко Тихий грустно ответил:

— После нашего вторичного возвращения, под влиянием моей матери Моны Тихой, Совет Матерей решил, что марианам не удастся воспитать людей в духе любви и мира, а потому запретил на вечные времена полеты в космос и посещения Земли. Врожденные жестокие земляне, попав на Мар, могли бы погубить мариан. Но мы с Эрой, вкусившие прелесть жизни под открытым небом среди щедрой земной природы, не могли уже жить в душных подземельях вместе с остальными марианами. Мы полюбили людей и верили, что добрые начала восторжествуют в них над «сердцем ягуара», что они поднимутся по лестнице цивилизации, познают добро и справедливость. Мы мечтали этого дожидаться. И Совет Матерей выполнил наше желание. Нам разрешили уснуть «холодным сном». На Маре умели погружать в него... Однако нас должны были разбудить не потому, что мариан, отказавшихся от космоса, а только люди, когда они созреют для полетов в космос. Мы согласны были дожидаться во сне, пока они нас обнаружат в холодных ваннах космического «Хранилища Жизни».

— Однако мне неясно, почему в звучащем аппарате, оставленном людям, осваивающим космос, не было никаких указаний о погруженности в анабиоз марсианам около спутника Фобоса, — заметил Галактион Александрович. — Не вижу логики.

* И. Шкловский и К. Саган, Разумная жизнь в космосе. Нью-Йорк, 1966.

— Все просто, — со вздохом пояснил гость людей. — Аппарат, который вы называете «Черным Принцем», — гость выговорил это название по-русски, обладая, очевидно, феноменальной способностью к языкам, — был оставлен у Земли до того, как Совет Матерей запретил дальнейшее общение с землянами. Мы с Эрой могли рассчитывать лишь на разум тех, кто наследует посеянные нами семена знания на Земле...

Вернулась Таня с книгой в руках.

— Вот позвольте прочитать: «В первый год из той части Персидского залива, что примыкает к Вавилону, появилось животное, наделенное разумом, и оно называлось Музаром Оанном»*.

— Марианин Инкоанн, — поправил гость людей. — Так называли они меня.

— При последовательных не очень точных переводах клинописи неизбежны искажения, — пояснила Эльга.

— Клинопись пришла к ним через меня от фазтов, — сказал Инко Тихий.

— Неужели это были опять вы? — удивилась Эльга Сергеевна. — Но ведь дальше говорится, — она взяла у Тани книгу, — что «все тело у животного было как у рыбы; а пониже головы у него была другая, и внизу, вместе с рыбьим хвостом, были ноги, как у человека. Голос и речь у него были человечески и понятны».

— Очевидно, так восприняли люди мой скафандр. Не желая ставить под возможный удар наш космический корабль, я, выполняя наказ Совета Матерей, опустил его в воду и каждую ночь, погружаясь в море, приплывал к Эре, ждавшей меня. Немудрено, что меня считали земноводным. Однако это не мешало моей просветительской деятельности.

— Здесь говорится: «Существо это днем общалось с людьми, но не принимало их пищи...»

— Они ели куски трупов, — словно оправдывался Инко Тихий.

— «И оно обучало их строить дома, возводить храмы, писать законы и объяснило им начала геометрии. Оно научило их различать семена земные и показало, как собирать плоды. Словом, оно обучило их всему, что может смягчить нравы и сделать людей человеческими. С тех пор ничего существенного не прибавили люди к своим знаниям: настолько полным было его учение. Когда солнце заходило, существо снова погружалось в море, ибо оно было земноводным».

— Эра ждала меня! Как она была бы счастлива, слыша эти слова!

— После передачи своих знаний шумерам и возвращения на Марс вам, как я понял, запрещены были полеты к Земле? — снова заговорил Галактион Александрович. — Как же это увязать с дальнейшим, с чем нас познакомит сейчас Эльга Сергеевна?

— Да, дальше говорится о царствовании Алапара, преемником которого был Амилар из города Пантибиблona. «В его

* Корн, Античные фрагменты. «Из повествования Александра Полигостера, заимствовавшего легенду от Бероза, жреца Бела-Мардука в Вавилоне, в эпоху Александра Македонского». Перевод с древнегреческого и латинского языков.



время из моря вторично вышел полудемон Аннедот, очень похожий на Оанна (по имени Одакон). После него еще трижды сменялись царствования, и при Даосе, в прошлом пастухе из Пантибиблona, из моря снова выходили некие двойственные по виду существа, называвшиеся Эведоком, Эневгамом, Эневболом и Анементом».

— Повтори, пожалуйста, — попросил Даля Инко Тихий. — Может быть, я не так понял. Ведь это невозможно!

Даль, взяв из рук Эльги книгу «Античные фрагменты» Корна, строчку за строчкой перевел написанное. Гость людей был ошеломлен.

— Нет слов передать мое волнение! Значит, запрет Совета Матерей был отменен в новых поколениях, и потомки современных мне мариан все-таки летали на Землю к шумерам, чтобы проверить всход посеянных семян разума.

— Может быть, не только к шумерам. На Земле есть немало загадочных следов посещения ее гостями из космоса, — пояснил Даль и добавил: — Вот они, японские «догу»!..

— Как была бы счастлива Эра! Помогите же мне пробудить ее!

— Я только недоучившийся инженер, но я готов лететь с тобой к «Хранилищу Жизни». Попытаемся привести в действие автоматы, — предложил Даль.

Галактион Александрович вмешался:

— Не следует ничего предпринимать. Лучше всего спуститься с нашим гостем на поверхность Марса и найти там место, где можно начать археологические раскопки.

— Раскопки? — нахмурился Даль. — Почему раскопки?

— Потому что, лишь найдя остатки былой марсианской культуры, мы сможем обнаружить секреты их анабиоза. Лишь тогда целесообразно вернуться к прозрачному склепу.

— Ты продолжаешь думать, что марсиан уже нет на Марсе? — Несомненно, как это ни тяжело будет узнать нашему гостю. Но сам по себе он бесценная находка для земной науки. И наряду с двумя мумиями, которыми мы будем располагать...

— Как тебе не стыдно, Галактион, — оборвала мужа Эльга Сергеевна. — В склепе живая женщина!..

— Разумеется. Потому это вдвойне ценно для нас. Я запрошу Землю. Полагаю, нам разрешат приступить к намеченным раскопкам. Хотя я не исключаю, что нам предложат немедленно вернуться вместе с нашим гостем на Землю. Тысячи ученых заинтересованы встретиться с ним.

— Уж если запрашивать Землю, то о том, как вывести из анабиоза его Эру, — сказал Даль.

— О чем говорят люди? — поинтересовался Инко Тихий.

— Как помочь тебе и твоей подруге, — живо ответил Даль.

Галактион Александрович поморщился.

— На Земле еще не погружали в анабиоз высших животных. Едва ли нам помогут... в ближайшее время. Хотя не исключено, что будут начаты необходимые исследования. Если спящая будет пробуждена на сто лет позже, для нее это не составит большой разницы.

— Как не составит? А ее Инко? — гневно спросила Эльга, готовая испепелить мужа взглядом.

Галактион Александрович развел руками.

Инко Тихий словно догадался, о чем говорят:

— Я готов ждать до самой глубокой старости.

Даль в скафандре летел среди звезд рядом с ожившей статуэткой «догу» из его юношеских грез. Серебристая труба оранжевей, вдоль которой они двигались, казалась непостижимо длинной.

У Инко Тихого в скафандре не было шлемофона, пригодного для общения с радиоустройством Даля, поэтому они летели молча.

Полупрозрачный куб склепа, по-прежнему наполненный беловатым туманом, наконец показался в конце трубы.

Инко Тихий залетел с нужной стороны, искусно пользуясь каким-то хитрым устройством своего скафандра, по сравнению с которым ракетница Даля выглядела первобытным орудием.

Инко повис с наружной стороны склепа «Хранилище Жизни» перед знакомым ему местом входа в шлюз.

Створки двери подчинились его сигналу и раскрылись. И Даль следом за ним оказался в предкамере.

Вскоре и она наполнилась полупрозрачным туманом, и они через внутренние створки вошли в камеру «Хранилища».

Очевидно, здесь можно было дышать, потому что Инко снял с себя шлем и знаком предложил Далю сделать то же самое. Он хотел поговорить с ним.

— Сделано как у древних фаэтов, — сказал он. — Привод механизмов от взгляда. Слишком тонко.

— Если привод действует от взгляда, то тем более начнет действовать от прямого включения. Ты знаешь, где находится привод? Я предпочел бы разобрать его и заменить работу тонких механизмов прямым включением. Когда-то я увлекался автоматами, даже делал робота, искусственного человека.

— Помни, что твой старший брат не дал тебе права разбирать механизмы. Я привел тебя сюда потому, что твоему взгляду подчинился первый автомат. Посмотри, прошу тебя, на крышку ложа. Сосредоточься.

Даль склонился над хрустальным гробом. Нежное лицо с загнутыми, готовыми вздрогнуть ресницами приблизилось к нему. У этой женщины глаза должны быть прекрасными.

— Она словно уже просыпается, — сказал Даль.

— Не раньше, чем твоя воля включит механизмы.

Даль еще ниже склонился над крышкой и стал в упор смотреть на спираль, приходившуюся как раз над ясным лбом спящей. Он вложил в свой взгляд всю силу желания помочь Инко Тихому и его подруге, прекрасной просветительнице людей.

Но спокойное лицо спящей не дрогнуло. Недвижной осталась и «крышка гроба».

— В твоей оболочке для головы слышен голос старшего брата людей, — сказал Инко Тихий, протягивая Далю снятый им шлем.

У Даля помутилось в глазах от напряжения. Почему же не срабатывают автоматы? Какой требуется код? Может быть, надо решиться на вскрытие механизмов, замкнуть накоротко сигнальную цепь, работающую от биотоков мозга? Мало ли

что могло произойти за десяток тысяч лет! Может быть, Галактион и решится?

Даль взял у Инка свой шлем и услышал голос брата:

— Получено сообщение с Земли. Повторяю его в третий раз: «Прекратить все попытки вмешательства в устройство анабиозной камеры. Если на Марсе не удастся найти указания, как вывести из анабиоза спящую, будет прислан специальный корабль, который доставит камеру всю целиком в околоземное пространство. Ученые всего мира примут участие в оживлении спящей». Понятно?

— Что он говорит? — спросил Инко Тихий.

— Эту камеру отбуксируют к Земле. Там знатоки знания приложат все усилия, чтобы вернуть твою Эру к жизни.

— На Земле нет нужных знаний. Я найду мариан, покажу людям вход в их глубинный город.

— Если он населен, — издалека донесся по радио голос Галактиона Александровича, которому Даль перевел слова Инко.

— Мариане не могли все погибнуть. Среди них найдутся те, кто по древним письмам знает секрет «Хранилища Жизни», — уверенно сказал Инко Тихий.

(Окончание в следующем выпуске)



КАПКАН

Фантастический рассказ

«Сэмиш, мне нужна помощь и еще раз помощь. Создавшаяся ситуация потенциально опасна, поэтому приезжай немедленно.

Я лишний раз убедился в твоей правоте, дружище Сэмиш. Ни при каких обстоятельствах мне не следовало полагаться на землян. Это на редкость легкомысленная раса, как ты постоянно подчеркивал.

Но они не столь бестолковы, как кажутся на первый взгляд. Я начинаю думать, что изящество щупалец не есть единственный критерий разума.

Положение не из завидных, Сэмиш! А поначалу план казался таким надежным и безопасным...»

Эд Дейли видел поблескивание металла за дверью коттеджа, но выяснять, что к чему, не стал — ему еще слишком хотелось спать.

Он проснулся вскоре после восхода солнца и на цыпочках вышел наружу взглянуть на погоду. Особых надежд она в него

не вселила. Всю ночь дождь лил как из ведра, и вода капала с каждого листочка и с каждой ветки близ растущих деревьев. Фургон, на котором он приехал сюда, был полузатоплен, а грунтовая дорога, поднимающаяся по склону горы, погребена под футовым слоем грязи.

Друг Эда Тарстон подошел к двери в пижаме, его круглое, безмятежное, как у Будды, лицо покраснелось от сна.

— Вот всегда так, в первый день отпуска дождь льет, — заметил Тарстон. — Закон природы.

— Зато в такую погоду форель хорошо ловится, — сказал Дейли.

— Не спору. Но еще лучше развести в камине огонь пожарче и попивать горячий маслянистый ром.

Последние одиннадцать лет они проводили короткие осенние отпуска вместе, но по разным причинам.

Дейли питал романтическую любовь к туристскому и охотничьему снаряжению. Продавцы нью-йоркских магазинов увещивали его высокие, сутулые плечи дорогими парками — такие парки надевают, напав на след будоражащего ученые умы «снежного человека» в каменном сердце Тибета. Ему продавали походные печурки замысловатых конструкций, которым был ничем любой ураган, и злодейски искривленные ножи из лучшей шведской стали.

Дейли любил бродить с солдатской флягой на боку и вороной винтовкой через плечо. Во фляге обычно плескался ром, а самыми опасными мишенями для винтовки служили консервные банки. Потому что Дейли, хотя и мечтал об охотничьих подвигах, был человеком дружелюбным и не желал зла животным и птицам.

Его приятель Тарстон был слишком толст и страдал одышкой, он обременял себя лишь самой что ни на есть легонькой удочкой для ловли на муху и самым что ни на есть крошечным дробовичком. Проходила первая неделя, и он ухитрился перемещать район охоты в Лейк-Плэсид*, к милым его сердцу барам с удобными креслами. Там он, используя потрясающие познания в области следов и берлог, безмятежно охотился за хорошенькими отдыхающими девушками вместо того, чтобы преследовать черного или бурого медведя или оленя вапити.

Эти невинные занятия более чем отвечали запросам двух добродушных преуспевающих бизнесменов, которым перевалило за сорок, и они возвращались в город загорелые и окрепшие, с новыми запасами сил и терпимости к своим женам.

— Ром тоже неплохо, — согласился Дейли. — А это что такое? — Он снова заметил поблескивание металла рядом с котеджем. Тарстон шагнул к блестящему предмету и пнул его ногой.

— Странная штукавина.

Дейли принялся рассматривать пустой решетчатый ящик с основанием площадью примерно четыре квадратных фута, соб-

* Поселок на берегу одноименного озера в горах Адирондак, в северо-восточной части штата Нью-Йорк, место отдыха туристов. (Прим. переводчика.)

ранных из металлических полос, с крышкой на петлях. На одной из полос четкими буквами было выведено: КАПКАН.

— Где ты купил это? — спросил Тарстон.

— Нигде не покупал. — Дейли обнаружил пластмассовый ярлычок, привязанный к одной из полос. Он потянул его к себе и прочел:

«Дорогой друг! Это КАПКАН новейшей конструкции, последнее слово техники. Для ознакомления широкой публики с КАПКАНОМ мы предоставляем Вам этот образец совершенно бесплатно! Вы по достоинству оцените наш уникальный аппарат, предназначенный для поимки мелкой дичи, если в точности будете следовать инструкции на обороте. Ни пуха ни пера!»

— Ну и ну! — воскликнул Дейли. — Как ты думаешь, эту штуковину могли подбросить сюда ночью?

— Не все ли равно, — пожал плечами Тарстон. — У меня в животе урчит. Давай займемся завтраком.

— Неужели тебе неинтересно?

— Не особенно. Подумаешь, очередная безделица. У тебя таких добрая сотня наберется. И медвежий капкан «Эберкромби и Фитч». И рожок «Бэтлер». И приманка для крокодилов фирмы...

— Я в жизни не видел такого капкана, — задумчиво пробормотал Дейли. — Очень толковая реклама, нет, я не могу уйти просто так, не испытав его.

— погоди, тебя еще счетами завалят, не расплатишься, — съязвил Тарстон. — Я отправлюсь готовить завтрак. А ты будешь мыть посуду.

Он пошел на кухню, а Дейли тем временем перевернул ярлычок и прочел инструкцию:

«Доставьте КАПКАН на псяну и прикрепите его к любому удобному ДЕРЕВУ прилагаемой цепью. Нажмите расположенную на основании кнопку 1 — КАПКАН включен. Спустя пять секунд нажмите кнопку 2 — КАПКАН готов к работе. Больше ничего не требуется, пока не осуществлена ПОИМКА. Тогда нажмите кнопку 3, отключающую и открывающую КАПКАН, и извлеките ДОБЫЧУ.

Внимание! Все остальное время держите КАПКАН в закрытом состоянии. Для попадания добычи внутрь открывать КАПКАН не требуется, так как он работает по принципу осмотической ячейки, и ДОБЫЧА попадет в КАПКАН непосредственно».

— Чего только не изобретут люди! — с восторгом воскликнул Дейли.

— Завтрак готов, — позвал Тарстон.

— Сначала помоги мне поставить капкан.

Тарстон, переодевшийся в бермудские шорты и кричаще яркую спортивную рубашку, вышел из коттеджа и с сомнением взглянул на капкан.

— Ты что, в самом деле решил поиграть в эту игрушку?

— Конечно. Вдруг нам посчастливится поймать лису?

— Скажи на милость, ну что мы будем делать с лисой? — осведомился Тарстон.

— Отпустим, — ответил Дейли. — Весь смак в процессе, а

не в результате. Главное, поймать. Ну давай-ка помоги мне поднять его.

Капкан был необычайно тяжелым. Вдвоем они оттащили его на пятьдесят ярдов от коттеджа и прикрепили цепью к молодой сосенке. Дейли нажал кнопку 1, и капкан слабо засветился. Тарстон инстинктивно отпрянул.

Пять секунд спустя Дейли нажал кнопку 2.

С деревьев по-прежнему капала вода, где-то наверху скакали белки, тихо шелестела высокая трава. Капкан тихо-мирно лежал рядом с сосной, тускло сияя металлической решеткой.

— Пошли, — сказал Тарстон. — Яичница давным-давно остыла.

Дейли последовал за ним к коттеджу, через плечо оглядываясь на капкан. Он лежал в лесу, молча поджидая добычу.

«...Сэмиш, где же ты? Мне срочно требуется помощь. Как ни неправдоподобно это звучит, мой маленький планетоид разрывают на куски у меня на глазах! Ты мой старинный приятель, Сэмиш, друг моей юности, мой самый лучший товарищ, и ко всему прочему друг Фрегл. Я рассчитываю на тебя. Пожалуйста, не задерживайся надолго.

Я уже излучил тебе начало моей истории. Земляне отнеслись к моему КАПКАНУ как к обычному капкану и ничему больше. Они сразу включили его, не задумываясь о возможных последствиях. Я так и предполагал. Фантастическое любопытство землян хорошо известно.

Все это время моя жена весело проползала по планетоиду, заново отделявая дачу и наслаждаясь пребыванием вдали от города. Все шло нормально, пока...»

Во время завтрака Тарстон скрупулезно объяснял, почему капкан не может работать, находясь в закрытом состоянии. Дейли улыбался и говорил об осмотической ячейке. Тарстон упирался и заявлял, что таких капканов на свете не существует. Когда посуда была вымыта и высушена, они двинулись по мокрой пружинящей траве к капкану.

— Смотри! — закричал Дейли.

В капкане прыгало какое-то существо величиной с кролика, но ярко-зеленого цвета. При их приближении оно выпучило рачььи глаза и защелкало омароподобными клешнями.

— С завтрашнего дня ни капли рома натошак, — сказал Тарстон. Он взглянул на существо в капкане и содрогнулся. — Брр!

— По-моему, это какой-то новый вид, — высказал предположение Дейли.

— Новый вид кошмара. Не отправиться ли нам на Лейк-Плэсид и начисто забыть о нем?

— Ну разумеется, нет. Я никогда не видел ничего подобного в учебниках по зоологии. Возможно, это животное совершенно неизвестно науке. В чем мы будем его держать?

— Держать?

— Ну конечно. Не оставлять же его в капкане. Придется соорудить клетку и заодно выяснить, чем оно питается.

Лицо Тарстона частично утратило привычную безмятежность. — Слушай, Эд. Я не намерен проводить свой отпуск рядом с этим зверем. А если он ядовит? Я уж не говорю об очевидности его дурных наклонностей. — Он глубоко вздохнул и продолжал: — Что-то неестественное есть в этом капкане. Он... не от мира сего!

Дейли ухмыльнулся.

— Держу пари, о первом автомобиле Форда и лампе накаливания Эдисона говорили то же самое. Этот капкан — очередное свидетельство научно-технического прогресса.

— Я всецело за прогресс, — веско заявил Тарстон, — но в других областях. Не пойти ли...

— Позже, — сказал, помедлив, Дейли. — Сначала давай построим клетку и включим капкан еще раз.

Тарстон поворчал, но подчинился.

«...Почему ты до сих пор не приехал, Сэмиш? Разве тебе не очевидно, что моя жизнь в опасности? Разве я недостаточно ясно говорил, как много зависит от тебя? Подумай о старом друге! Подумай о несравненной Фрегл, ради которой я решил-ся на этот шаг. Поддерживай хотя бы связь со мной.

Земляне воспользовались КАПКАНОМ, который, разумеется, вовсе не капкан, а приемопередатчик материи. Второй приемопередатчик я установил на планетоиде и посадил в него одного за другим трех маленьких животных, которых поймал в саду. Земляне всякий раз извлекали их — я, правда, не знаю, с какой целью. Но земляне ни от чего не отказываются.

После того как третье животное попало на Землю и не вернулось, я решил, что все готово.

Тогда я приготовился к четвертой и последней передаче, самой важной, ради которой проводились три предыдущих...

Они стояли под низким навесом, укрепленным на стене коттеджа. Тарстон с отвращением смотрел на три клетки, сделанные из прочной москитной сетки. В каждой клетке было по животному.

— Уф, — поморщился Тарстон. — Ну и запах!

В одной клетке сидел самый первый пленник с рачьими глазами и омароподобными клешнями. В другой билась птица с тремя рядами чешуйчатых крыльев. Наконец, в третьей извивалось нечто выглядевшее как змея, но с головами на каждом конце.

В клетках были склянки с молоком, тарелки с мясным фаршем, овощи, спаржа, древесная кора — все нетронуто.

— Ничего не едят, — сокрушался Дейли.

— Очевидно, они больны, — отвечал Тарстон. — Возможно, даже заразные. Не пора ли избавиться от них, Эд?

Дейли посмотрел ему в глаза.

— Ты никогда не мечтал о славе, Том?

— О чем?



— О славе. О том, чтобы твое имя сохранилось в веках.
— Я бизнесмен, — сказал Тарстон. — Я никогда не думал о такой возможности.

— Никогда?

Тарстон добродушно улыбнулся.

— Ну кто же не мечтает? К чему ты клонишь?

— Эти животные, — сказал Дейли, — единственные в своем роде. Мы подарим их музею.

— Как это? — с интересом осведомился Тарстон.

— Выставка Дейли — Тарстона неизвестных до сего времени животных.

— Их могут назвать нашими именами, — подхватил Тарстон. — Ведь это мы их открыли!

— Обязательно назовут! Наши имена встанут в один ряд с именами Ливингстона, Одубона и Тедди Рузвельта.

— Хм. — Тарстон задумался. — На мой взгляд, самое подходящее место — Музей естественной истории. Я уверен, они возьмутся за организацию выставки.

— Я подразумевал не выставку, а филиал музея, — сказал Дейли. — Филиал имени Дейли и Тарстона.

Тарстон с изумлением посмотрел на приятеля. Он никогда не представлял, что у Дейли могут рождаться грандиозные планы.

— Блестяще, Эд, но у нас пока только три экземпляра. Для филиала этого маловато.

— Лиха беда начало. Пойдем проверим капкан...

На этот раз в капкан попало существо высотой почти три фута, с маленькой зеленой головой и раздвоенным хвостом. У него была по меньшей мере дюжина толстых червеобразных отростков, и оно яростно размахивало всеми двенадцатью.

— До сих пор попадались спокойные, — опасливо проговорил Тарстон. — А это фурия какая-то.

— Ничего, возьмем сетку и справимся, — решительно ответил Дейли. — А потом свяжемся с музеем.

Изрядно попотев, они пересадили извивающееся существо в клетку. Капкан был снова включен, и Дейли послал в Музей естественной истории телеграмму следующего содержания:

«ОТКРЫТЫ МЕНЬШЕЙ МЕРЕ ЧЕТЫРЕ ЖИВОТНЫХ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО НЕИЗВЕСТНЫХ ВИДОВ тчк ИМЕЕТСЯ ЛИ МУЗЕЕ МЕСТО ДЛЯ СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ВЫСТАВКИ тчк ЖЕЛАТЕЛЕН ПРИЕЗД ВАШЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ тчк»

Затем по настоянию Тарстона он добавил несколько комплиментов музею, чтобы там не сочли его чудаком.

За обедом Дейли излагал Тарстону свою теорию. Он был твердо убежден, что в этой части гор существует изолированный первозданный уголок, в котором сохранились доисторические животные. Их не поймали раньше, потому что — вследствие древности видов — они приобрели огромный опыт и необыкновенную осторожность. Но их опыта оказалось недостаточно, чтобы избежать капкана, действующего на качественно новом принципе осмотической ячейки.

— Весь Адирондак изъезжен вдоль и поперек, — пробовал возразить Тарстон.

— Значит, не весь, — ответил Дейли. И логика была на его стороне.

Потом они возвратились к капкану. Он был пуст.

«...Я едва слышу тебя, Сэмиш. Будь любезен, прибавь громкость. Или еще лучше, приезжай сюда лично. Что толку от пустых разговоров? Мое положение становится все более отчаянным.

Что, Сэмиш? Продолжение истории? Оно вполне очевидно. После успешной передачи трех животных у меня все было готово. Оставалось рассказать обо всем жене.

Поэтому я попросил ее поползти со мной в сад. Она была польщена.

— Поделись со мной, милый, — сказала она, — что-нибудь беспокоило тебя в последнее время?

Я промышал что-то невнятное.

— Я чем-нибудь не угодил тебе? — спросила она.

— Нет, дорогая, — сказал я. — Ты любила меня как могла, но мне этого мало. Я собираюсь жениться на другой.

Она стояла неподвижно, только ее щупальца беспорядочно покачивались. Потом она воскликнула:

— Фрегл!

— Да, — подтвердил я, — прекрасная Фрегл согласилась разделить со мной ложе.

— Но ты забыл, что мы обручены на всю жизнь.

— Нет, не забыл. Мне очень жаль, что ты настаивала на этой формальности. — И одним точным рассчитанным ударом я втолкнул ее в приеопередатчик.

Сэмиш, видел бы ты, на кого она была похожа! Ее щупальца спутались, она завизжала и исчезла. Наконец-то я был свободен! Немного противен себе, но свободен! Свободен, чтобы жениться на великолепной Фрегл!

Теперь ты можешь по достоинству оценить совершенство моего плана. Необходимо было добиться сотрудничества с землянами, поскольку приеопередатчиком нужно управлять с обоих концов. Я замаскировал его под капкан, потому что земляне готовы верить всему на свете. И я завершил картину изящным штрихом — послал им свою жену.

Пусть попробуют ужиться с ней! Мне это не удалось.

Неуязвимый, абсолютно неуязвимый план. Тело моей жены исчезло навсегда — что к землянам попало, то пропало. Никто никогда ничего не докажет.

И вот тут-то, Сэмиш, тут-то все и случилось...»

Окружавшая коттедж атмосфера сельского спокойствия бесследно испарилась. Отпечатки шин вдоль и поперек исполосовали грязную дорогу. Все вокруг было захламлено бутылками с разноцветными этикетками, пустыми сигаретными пачками, конфетными обертками, огрызками карандашей и обрывками бумаги. Но теперь, после нескольких лихорадочных часов, все разъехались. Осталось только раздражение.

Дейли и Тарстон стояли рядом с пустым капканом, взирая на него без всякой надежды.



Рисунки А. ВИКТОРОВА

— Как по-твоему, что могло сломаться в этом чертовом аппарате? — спросил Дейли, тщетно пиная капкан.

— Может быть, просто некого больше ловить, — предположил Тарстон.

— Как это некого? Почему сначала нам попадаются подряд четыре совершенно неизвестных животных, а потом ни одного? — Он опустился на колени рядом с капканом и с горечью произнес: — Музейные бесплощичи! И бездарные репортеры!

— В некотором смысле, — осторожно подбирал слова Тарстон, — их нельзя обвинять в...

— Нельзя? А обвинять меня в надувательстве можно? Ты ведь слышал, Том? Они спрашивали меня, как я делал пересадку шкур!

— Очень жаль, что все животные подошли до их приезда, — сказал Тарстон. — Это выглядело слишком подозрительно.

— Безмозглое зверье ни черта не ело! Кто в этом виноват? Я? Проклятые газетчики... Невольно задумаешься, неужели столичные газеты не могут нанимать репортеров посмышленее.

— Зря ты пообещал наловить новых животных, — сказал Тарстон, — когда они перестали попадаться в капкан. Поэтому они и решили, что их обманывают.

— Еще бы мне не пообещать! Мне и в голову не приходило, что капкан остановится на четвертом животном. А почему они смеялись, когда я рассказывал о принципе осмотической ячейки?

— Они никогда не слышали о таком, — устало ответил Тарстон. — И никто на свете не слышал. Давай пойдем на Лейк-Плэсид и забудем про это дело.

— Нет! Эта штука заработает! Должна заработать, и все тут! — Дейли включил капкан, подготовил его к работе и несколько секунд пристально смотрел на него. Потом откинул крышку на петлях.

Дейли сунул руку внутрь капкана и издал пронзительный вопль.

— Моя рука! Она исчезла! — Он резко отскочил назад.

— Да нет, не исчезла, — заверил его Тарстон.

Дейли осмотрел обе руки, похлопал в ладоши, но продолжал настаивать на своем.

— Моя рука исчезла в капкане.

— Ну, ну, — успокаивал его Тарстон. — Отдохнешь немного в Лейк-Плэсид, и у тебя это пройдет...

Дейли наклонился над капканом и снова сунул туда руку. Она исчезла. Он засовывал ее все глубже и глубже и видел, как она исчезла до самого плеча. Он посмотрел на Тарстона и торжествующе улыбнулся.

— Теперь я понимаю, как он работает, — сказал он. — Эти животные выходцы совсем не из Адирондака.

— А откуда?

— Оттуда, где сейчас моя рука! Значит, подавай вам новых животных! Значит, я, по-вашему, лжец! Ну, погодите!

— Эд! Не вздумай! Ты же не знаешь, что...

Но Дейли уже шагнул в капкан. Его ноги исчезли. Он медленно погружался, пока снаружи не осталась одна голова.

— Пожелай мне ни пуха, — сказал он.

— Эд!

Дейли зажал нос и пропал из виду.

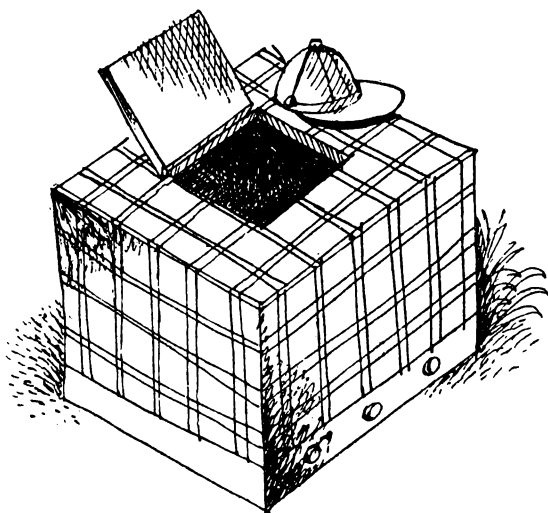
«...Сэмиш, приезжай немедленно, иначе будет слишком поздно! Я вынужден прекратить передачу. Огромный землянин до последнего камешка разграбил мой маленький планетоид. Он швыряет в приемопередатчик все, что под руку попадет. Мой дом обращен в руины!

Сейчас он доламывает дачу! Сэмиш, это чудовище собирается поймать меня для своего зоопарка! Нельзя терять ни секунды!

Сэмиш, что может задерживать тебя? Ты мой самый старый друг...

Что, Сэмиш? Что ты говоришь? Не может быть! Ты и Фрегл? Одумайся, дружище! Во имя нашей дружбы...»

Перевел с английского С. ЛЕВИЦКИЙ





Фантастический рассказ

Мэйдэй — международный сигнал бедствия, подаваемый с летательных аппаратов.

1

Владимир оторвался от видоискателя, опустил кинокамеру и осмотрелся. Теперь, когда он не был занят делом, а азарт риска и первоисследования спал, он особенно остро ощутил тяжелую красоту странного мира, который его окружал. Этот мир пугал, заставлял любоваться собой и оставлял двойственное чувство восторга и тревоги. Темные, с просинью и желтизной отвесные стены, украшенные белыми дымами фумарол, взлетали на двухсотметровую высоту и острыми рваными крылами резали небесную синь. Застывшее лавовое дно кальдеры пересекала свежая трещина с вывернутыми титаническим напором краями. Вдоль трещины — паразитные конусы в не-

сколько метров высотой, которые, как грибы, выросли тут за одну ночь. Гигантские злобные грибы-дождевики, воющие и ревущие раскаленными дымами, с громом и рыканьем плюющиеся в небо фонтанами огня и комьями раскаленной лавы. Описывая в небе фейерверочные пересекающиеся траектории, эти комья быстро тускнели, гасли и уже не огненным, а черным дождем вулканических бомб с сочными шлепками валились вокруг, будто куски теста. Хорошо еще, что скорость падения их была невелика и от них нетрудно было уклониться. Сама Земля, несокрушимая твердыня и опора всего сущего, здесь дрожала и сотрясалась в яростном лихорадочном пароксизме. Так и казалось, что там, внизу, работают чудовищные могучие машины, выполняя извечное неведомое людям назначение, а Земля — это вовсе и не земля, а палуба колдовского корабля, который, выжимая из своих ходовых двигателей все, что можно, летит по тяжелым вязким волнам к заветной цели.

Владимир вытер с лица пот и осмотрелся. Тор забрался так далеко, что его массивную фигуру едва можно было различить среди причудливых лавовых натеков и сооружений. Но за железного, рассудительного Тора Владимир ни капли не волновался. Инга и Гарун были с другой стороны от Владимира, они колдовали у трещины, там, где было поспокойнее. Судя по всему, они с помощью ручного локатора замеряли в равных точках ее глубину. Эта неэффектная, казалось бы, неинтересная и черновая работа была, пожалуй, самой ценной с научной точки зрения. Молодец Инга! Если бы не она, им, рядовым туристам, никогда бы не побывать в кратере пробуждающегося вулкана. Когда утром они обнаружили эту трещину, Инга заявила, что умрет, а побывает там, внизу, в самой утробе дьявола. Рассудительный Тор пробовал возражать, утверждая, что они не подготовлены и не экипированы для такой операции. На что Инга спокойно заявила, что в крайнем случае она пойдет туда одна. Нельзя упускать такой случай! Ингу немедленно поддержали без памяти влюбленный в нее Гарун и восторженный Ришар, так что Владимиру, старшему туристской группы, пришлось капитулировать. Тем более что контрольный пост безопасности молчал и не передал запрещения на посещение кратера. Теперь Владимир был благодарен Инге за безрассудство. Нельзя упустить такой случай!

2

Ближний космос! Черно-бархатное небо, украшенное узором крупных драгоценных звезд и небрежно засыпанное тлеющей звездной пылью. Косматое сердитое солнце, щедро льющее потоки слепящего света. Необъятная голубая ширь украшенного узором белых облаков океана, с ощущимой округлостью расстилающаяся внизу. Голубовато-радужная гагаринская кайма на горизонте, граница Земли и неба, и радостная, и грустная в одно и то же время. И острова, острова! Большие и малые острова, грудью встречающие пас-

сат и, словно корабли, рассекающие неторопливые океанские волны. Все это привычно, знакомо и все-таки прекрасно. Не удивительно, что прогулочная палуба орбитального лайнера «Радуга», совершающего экскурсионные рейсы вокруг Земли, была заполнена пассажирами. Они стояли у самых бортов, расплющив любопытные носы о прозрачную броню палубного покрытия. Искусственная гравитация, напряженность которой была в три раза меньше земной, придавала движениям людей необычную грацию и пластику. Ночную сторону галереи облюбовали влюбленные парочки, шептавшиеся о чем-то своем, старом как мир и вечно новом. На спортплощадке те, для кого космос перестал быть диковинкой, играли в волейбол. И странно было видеть эту древнюю игру, развивающуюся точно при замедленной съемке: необычно высокие взлеты мяча, гигантские прыжки и при-



Рисунки Н. ГРИШИНА

чудливые броски игроков, которые не всегда укрощали свои движения и порой валились на площадку в диковинных позах, вызывая хохот окружающих.

С непринужденным весельем, бесхитростной любознательностью и праздничным настроением окружающих резко контрастировала безмятежно-покойная поза человека, дремавшего

го в комфортабельном шезлонге. Это был средних лет мужчина с четко прописанными, но не резкими чертами лица. Ладная фигура и непринужденная поза дремавшего говорили о сдержанной неброской силе, таившейся в расслабленном сейчас теле. Его никто не знал, хотя круиз по достопримечательностям Земли продолжался пятые сутки и большинство пассажиров давно успели перезнакомиться. Он появился на последней стоянке. Первые пассажиры, появившиеся на прогулочной палубе после выхода лайнера на орбиту, уже нашли его невозможно дремлющим в шезлонге.

Этот странный человек вызывал недоумение и насмешки. Спать на прогулочной палубе экскурсионного лайнера! Что может быть нелепее? Стоило подниматься на борт и занимать место! Прогуливающиеся косились и обменивались отнюдь не лестными для него репликами.

— Забавный экземпляр. Впал в спячку не зимой, а в середине лета.

— Но именно так и поступают некоторые животные пустынь.

— Что-то он не похож на пустынного.

— Бедная жертва гипноза!

— Скорее это нервное.

— Ах, может быть, мы видим эксперимент, который опрокинет устои современной космонавтики!

— Сенсация! Лечение бессонницы орбитальными круизами!

Неизвестно, слышал ли дремавший в шезлонге эти реплики, но его твердо очерченные губы время от времени трогала легкая улыбка. И было в его лице и позе нечто такое, что мешало быть репликам слишком явными и громкими. Их произносили вполголоса и торопились пройти мимо. Это нечто уловила совсем молоденькая девушка, шепнувшая на ухо своему спутнику:

— Смотри, спящий лев!

Юноша хотел согласиться, но, покосившись на тонкий профиль подруги, нахмурился и с ноткой ревности в голосе возразил:

— Спящий — это верно. Но не лев, а медведь.

3

Владимир обернулся к Ришару. Позабыв про свой газоанализатор, тот восторженными и испуганными глазами смотрел в дальний угол кальдеры, где за султаном дыма, паров и газов скрывалось лавовое озеро.

В этом мире неумного слепого буйства дымный султан вел себя с пугающим спокойствием и изяществом. Точно злой дух поднимался из чрева земли, упрямо тянулся к небу, упираясь в самые облака, и колыбался в змеином завораживающем танце. Когда менялся ветер, этот подземный дух лениво протягивал к Владимиру и Ришару свои струящиеся эфемерные щупальца. И сразу же глаза застилали слезы, перехватывало дыхание, а легкие начинал раздирать режущий

надсадный кашель. Конечно, можно было надеть респиратор, болтавшийся у пояса, но едва Владимир собирался это сделать, как дым насмешливо уползал в сторону, позволяя легким снова пополниться живительным кислородом. Лишь иногда, будто поддразнивая людское любопытство, дымный султан изгибался, откидываясь в сторону, и тогда можно было разглядеть, как о раскаленные вишневые откосы кальдеры бьются вязкие пунцовые волны.

Владимир положил руку на плечо товарища, и Ришар вздрогнул, так велика была его отрешенность от всего, что не было дыханием и жизнью вулкана.

— Отбой? — улыбнулся Владимир.

Ришар помахал кистью руки возле уха, показывая, что не слышит.

— Будем давать отбой? — крикнул Владимир.

Ришар широко открыл глаза и с негодованием закричал:

— Ты сошел с ума! Такое дано увидеть единицам из миллиардов, а ты — отбой. — Ришар раскинул руки. — Я потрясен, заморожен и околдован! И в знак своей безмерной благодарности я с головы до ног осыплю цветами Ингу и стану перед нею на колени!

— Она старше тебя на десять лет, юноша. Не забывайся! — усмехнулся Владимир.

— Ты ослеп, Володя, — с сожалением констатировал Ришар, — такие женщины, как Инга, не имеют возраста. Они как богини: вечно юны и прекрасны! — Он передохнул и молитвенно сложил руки на груди. — Молю тебя, командир! Подожди с отбоем, и пройдем немного вперед. Я чувствую, обоняю, осязаю — мы увидим что-то необыкновенное.

Он оказался прав. Необыкновенное открылось им, когда, прыгая по обломкам лавы, они обошли один из самых спокойных конусов. Конус с посвистом ревел на одной ноте, точно капризное дитя, лениво изрыгал пламя раскаленного газа и время от времени нехотя, словно по обязанности, плевался кусками вязкой темно-вишневой лавы. Ришар, оказавшийся впереди, вдруг остановился и восторженно заорал:

— Смотри!

Владимир сделал несколько шагов вперед, забрался на своеобразный пьедестал рядом с Ришаром и увидел нечто вроде огромного котла или кастрюли, в которой кипела и клокотала жидкая рубиновая лава. Сквозь этот рубин то здесь, то там мерцал золотистый слепящий огонь глубинной магмы.

— Я говорил! — восторженно орал Ришар, размахивая руками. С одухотворенным диковатым лицом, на котором лежали багровые полыхающие блики, взлохмаченными волосами и порывистыми движениями, он был похож на сумасшедшего или шамана, исполняющего ритуальный танец. Владимир отметил это мимоходом, его захватило зрелище лавового котла.

Стоило лаве немного успокоиться, как поверхность ее начинала затягиваться серой эластичной пленкой, похожей на слоновью кожу. И вдруг эта открытая рана Земли начинала корчиться в судорогах, стонать и всхлипывать. Серая кожа

морщилась, коробилась, пока наконец не лопалась, рассыпая из трещин золотистые раскаленные брызги, и с утробным хлюпающим звуком не тонула в бурлящем раскаленном вареве.

С трудом очнувшись от чар этого зрелища, Владимир поднял кинокамеру и начал снимать адский котел на пленку. В душе его волнами то поднимался, то опускался слепой страх, смешанный с восторгом и трепетом перед мощью природы.

— О-о! Смотри! — расслышал он вопль Ришара.

И правда, зрелище было поразительным. Лавовый котел притих, и серая кожа затянула его полностью. Теперь она не коробилась, а поднималась и опускалась целиком, точно котел глубоко, судорожно вздыхал, давая себе передышку и набирая сил перед решительными действиями. Как-то вдруг Владимир с необычной остротой понял, что они слишком затянули игру с вулканом и что надо немедленно уходить. Ощущение опасности было настолько четким, что он не сделал даже попытки посоветоваться с Ришаром, а просто достал из кобуры ракетницу, собираясь дать серию зеленых ракет — условный сигнал сбора у глайдера. Но вулкан опередил его. Серая кожа, затягивавшая лаву, вдруг вздулась громадным пузырем, подобно тому как вздувается пенка над закипевшим молоком. Потом пузырь лопнул, и два потока раскаленной лавы хлынули через края котла.

4

Орбитальный лайнер приближался к берегам Африки, скоро на океане должны были всплыть верхушки ее гор, когда мужчина, мирно дремавший в кресле, открыл глаза и выпрямился. Цепко оглядевшись, он долгим взглядом проводил двух членов экипажа «Радуги», которые только что, обмениваясь короткими фразами, торопливо прошли мимо него. Еще раз оглядевшись, мужчина обратил внимание на девушку, стоявшую неподалеку и со сдержанным любопытством, исподтишка наблюдавшую за ним самим.

— Простите, — после легкого колебания обратился он к ней, — вы не расслышали, о чем говорили эти двое в форме? — Он кивком головы показал на удалявшихся членов экипажа.

Глаза девушки насмешливо прищурились.

— Я не имею обыкновения слушать разговоры посторонних людей, — отчеканила она, пользуясь, очевидно, случаем, чтобы хоть немного отомстить этому флегматичному лежебоке за вселенское равнодушие.

— Понимаю, — спокойно согласился мужчина, прямо глядя на нее внимательными серыми глазами, и с чуть уловимой властной настойчивостью повторил: — И все-таки они говорили достаточно громко. Мэйдэй, майский день. Или мне послышалось?

В глазах девушки отразилось любопытство.

— Да, он так и сказал: «мэйдэй». Я еще удивилась: по-

чему майский, ведь уже июль, почему по-английски и почему о майском дне нужно говорить в таком озабоченном тоне?

Эту фразу она договорила растерянно и, так сказать, по инерции, потому что мужчина, не дослушав ее, поднялся с шезлонга, пробормотал: «Простите» и торопливо зашагал, почти побежал вслед за членами экипажа.

— Спящий изволил проснуться? — засмеялись стройные загорелые парни.

— Проснулся, — рассеянно подтвердила девушка и взглянула на парней. — Знаете, по-моему, случилось какое-то несчастье.

— Несчастье? — с недоверчивой улыбкой переспросил один из парней. — Какое? Где?

Не отвечая на его улыбку, девушка задумчиво покачала головой.

— Не знаю. Но случилось, я чувствую это.

5

Лава устремилась по склонам конуса двумя потоками: один справа, другой слева от того места, где стояли Владимир и Ришар. Когда оцепенение, вызванное неожиданностью, прошло, первым чувством, которое испытал Владимир, было удивление. Лава, казавшаяся в котле тихой, вязкой и тягучей, оказалась подвижной, как ртуть, и жидкой, как вода. Она не двигалась, не съезжала, а текла, катилась по склонам со скоростью стремительного горного потока, делая не менее двадцати километров в час. На ровном месте еще можно было попытаться от нее убежать, но здесь, в кальдере, среди лавовых натеков, обломков и пустот, человек был обречен. Лава быстро бы настигла его и сожгла, воспламенила бы как смолистый факел. Владимир зримо представил свою участь, выплеснись лава в его сторону, и похолодел. Но вместе с тянущим уколом страха он почувствовал и безмерное облегчение. Ему повезло, и опасность миновала! Однако радость была недолгой — а как остальные?

Одного взгляда окрест оказалось достаточным, чтобы разобраться в обстановке. Тор, несмотря на то, что он был дальше всех от точки излияния лавы, уже сориентировался и со всей возможной в этом каменном хаосе скоростью двигался к глайдеру. Было хорошо видно, что левый лавовый поток, который в принципе мог бы отрезать ему путь к стоянке, уже не успеет этого сделать. Поток уже успел расширить свой фронт до десятка метров и из огненной стремительной змеи понемногу превращался в темное, брызжущее искрами и плюющееся дымом неповоротливое чудище.

А вот с Ингой и Гаруном дело обстояло много хуже. Правый лавовый поток, двигавшийся по естественной ложбине, сохранил свою первозданную ярость и стремительность, он явно грозил отрезать их от глайдера. К тому же с беспечностью людей, увлеченных не только работой, но и друг дру-

гом, Инга и Гарун до сих пор не имели никакого представления о грозившей им опасности. Догадавшись об этом, Владимир машинально закричал и замахал над головой руками. Секундой позже, сообразив, что в грохоте и реве извержения его все равно никто не услышит, он почувствовал тяжесть ракетницы в руке и дал длинную серию зеленых ракет. Заметить ракеты было нетрудно, их цвет резко контрастировал с багровым пламенем вулкана, но те двое и не подумали поднять головы. Владимир с сердцем бессильно выругался.

— Бей прямо по ним! — крикнул ему в ухо Ришар.

Только теперь, вспомнив о нем, Владимир обернулся.

— Беги к глайдеру!

Ришар покосился на лавовые потоки.

— А ты?

— К глайдеру, черт тебя возьми! — свирепо заорал Владимир. — И готовь его к взлету!



Проводив Ришара взглядом, Владимир тщательно прицелился и дал серию ракет низом, стараясь, чтобы они попали в поле зрения товарищей у трещины. Это помогло. Инга и Гарун перебросились короткими фразами, обернулись к Владимиру и замахали над головой руками, показывая, что приняли сигнал. А потом, к изумлению и негодованию Владимира, неторопливо, не спеша, двинулись к стоянке. Они пошли старой дорогой, которой им было уже нельзя пройти. При этом высокий гибкий Гарун все время предупредительно помогал Инге — то протягивал ей руку, то поддерживал за талию, а Инга охотно, с нарочито замедленным кокетством принимала эти знаки внимания. Они могли еще успеть! Но каждая потерянная секунда делала эту надежду все более и более проблематичной. Задышавшись от ярости и отчаяния, Владимир с трудом понял причины такого нелепо салонного в этой обстановке поведения Гаруна и Инги. Они просто не видели лавового потока, скрытого от них небольшим гребнем, а поэтому не представляли, не догадывались о грозящей им опасности! Ведь говорил же Тор, что нельзя сюда соваться без индивидуальных связных станций! Почему они не послушали его?

6

Забравшись на очередной обломок старой лавы, заметно возвышавшийся над остальными, Гарун вдруг застыл как мраморное изваяние. Он увидел наконец лавовый поток! Но было уже поздно. Лава успела отрезать дорогу к глайдеру и, упершись в отвесную стену кальдеры, стала разливаться, разваливаться в стороны. Инга медлила внизу, терпеливо дожидаясь помощи своего спутника. Так и не дождавшись ее, она передернула плечами и забралась на обломок сама. Машинально поправляя растрепавшиеся волосы, она огляделась, восторженно всплеснула руками и принялась теревить Гаруна. Тот резко обернулся к ней, бросив короткую фразу, и Инга разом присмирела. Потом она беспомощно оглянулась на Владимира, словно говоря: я все вижу, но что же теперь делать? Ты же старший, подскажи!

За это время Владимир уже принял решение. Пройти к глайдеру Гарун и Инга могли, лишь преодолев отвесную стену кальдеры, а они были неплохими альпинистами, но посредственными скалолазами, так что этот вариант отпал. Посадить глайдер там, где они сейчас стояли, тоже было невозможно — слишком искорежено и исковеркано там было дно кальдеры. Зато ближе к спокойному лавовому озеру, над которым в том же бесшумном танце извивался дымный султан, была ровная площадка, будто специально приготовленная для посадки. В сторону этой площадки Владимир дал серию ракет и несколько раз энергично махнул рукой. Последовал обмен довольно нелепыми, но очень выразительными жестами, после чего Инга и Гарун пошли к лавовому озеру, а Владимир со всех ног бросился к глайдеру.

Ввалившись на водительское место, Владимир некоторое время отдыхал, переводя дыхание и вытирая с лица обильный пот. Удивительно чистым, свежим и ароматным был в кабине воздух, а нарзан! И блаженная умиротворяющая тишина. В первую секунду Владимиру показалось, что он оглох или что уши ему плотно забила ватой. Грохот и рев проснувшегося вулкана доносился сюда будто издалека и вовсе не казался столь устрашающим и грозным. Старый капризный ворчун! Разольет лаву, попыхтит, поплюется в небо и успокоится.

Почувствовав руку на своем плече, Владимир обернулся.

— Что будем делать, Владимир? — Тор, как и всегда, был хладнокровен и невозмутим.

— Я наметил площадку! — привычно заорал Владимир. Неугомонный, неунывающий Ришар фыркнул.

— Я наметил площадку, — уже тише повторил Владимир, смущенно улыбаясь, — она ничуть не хуже этой, разве что простреливается бомбами. Гарун и Инга будут там минут через пять. Оттуда их и снимем.

— Пожалуй, ничего другого и не придумаешь, — философски заметил Тор.

— А зачем придумывать? — удивился Ришар. — И так все отлично! Умопомрачительные приключения в кратере действующего вулкана, несостоявшаяся трагедия, поиски и спасение влюбленных, торжество добра и справедливости. Что тебе еще надо?

— Ты болтун, — коротко констатировал немногословный Тор и повернулся к Владимиру: — Связи нет.

— Как нет? Почему?

— Не отвечает ни контрольная станция, ни станция базы. Очевидно, ионный экран. Но по вертикали, из космоса, кое-что пробивается. При нужде можно воспользоваться.

— Знаете что, надо стартовать, — вмешался нетерпеливый Ришар.

— Надо, — согласился Владимир и, оглядев товарищей, приказал: — Надеть респираторы.

— Это еще зачем? — удивился Ришар.

— На всякий случай.

Владимир надел респиратор, подождал, пока то же самое сделают его товарищи, и только после этого поднял глайдер в воздух.

7

Дверь в ходовую рубку оказалась запертой. Мужчина, минуту тому назад мирно дремавший в шезлонге, нетерпеливо позвонил раз и почти без паузы другой. Дверь отворилась.

— В чем дело? — сухо спросил юноша в форме космонавта. — В ходовую рубку посторонним вход воспрещен.

Он собрался захлопнуть дверь, но мужчина мягко, без усилия придержал ее.

— Вы приняли мэйдэй, — не столько спрашивая, сколько утверждая, сказал он спокойно.

Разглядывая непрошеного визитера, юноша колебался: хлопнуть дверь или все-таки продолжить разговор.

— Допустим, приняли. Что дальше? — неохотно проговорил он наконец.

— Вы стажер?

— Допустим, стажер. — Юноша потянул дверь сильнее и, так как она не подалась, повысил голос: — Я же ясно сказал — посторонним вход воспрещен!

Командир лайнера, сидевший в кресле первого пилота, услышал эту фразу и обернулся. Секунду он вглядывался в стоящего на пороге ходовой рубки мужчину, потом в знак приветствия помахал над головой рукой.

— Саша, пропусти его, — бросил он стажеру.

Юноша покосился на командира, перевел взгляд на мужчину, по-прежнему спокойно стоявшего на пороге ходовой рубки, и без особой охоты пропустил его. Между тем командир повернулся ко второму пилоту.

— Освободи место, Виктор. Ну-ну, ты что, не узнал его?

Наблюдая, как мужчина неторопливо, с привычной сноровкой занимает место второго пилота, командир лайнера проговорил:

— Я и не знал, что вы на борту. Рад вас видеть, Иван.

Пожимая протянутую руку, мужчина, которого командир назвал Иваном, пояснил:

— Я подсел в Гонолулу до первой посадки. Ни одного рейсового корабля, одни круизы.

— Время такое, лето, — невесело проговорил командир.

Приглядываясь к его сосредоточенному лицу, Иван спросил:

— Что по мэйдэю?

— Авария глайдера. Случайно наткнулись на их сигнал бедствия станцией дальней связи. Контакт поддерживаем с трудом.

— Почему с трудом?

Командир лайнера взглянул на Ивана удивленно, а потом, спохватившись и сообразив, что тот не знает сути дела, пояснил:

— Авария произошла в кратере действующего вулкана. А над ним, как это иногда бывает, мощнейшая зона ионизации.

8

Открыв глаза, Владимир некоторое время недоуменно оглядывался по сторонам: клубы бурого дыма, черная стена, козырьком нависающая над головой, рев, свист и грохот, от которых болят уши. Владимир попробовал приподняться, но острая боль в груди заставила его со стоном откинуться на спину и прикрыть глаза. Когда он снова открыл их, то на фоне дымного занавеса увидел спокойное рубленное лицо Тора.

— Лежи, Владимир, — сказал он негромко, — ничего серьезного. Ребра срастутся, и все будет в порядке.

Некоторое время Владимир, хмуря брови, смотрел в светлые глаза Тора, потом скосил глаза в сторону и увидел обломки разбитого глайдера. Как это могло случиться, почему?

— Кусок вязкой лавы, — догадавшись, о чем мучительно размышляет Владимир, подсказал Тор невесело. — Все-го-навсего кусок вязкой лавы. Заклинило рули управления.

Теперь Владимир окончательно припомнил, как все это произошло. Оказавшись над площадкой, возле которой стояли Инга и Гарун, он ввел глайдер в глубокую спираль. Иначе приземлиться было нельзя, можно было потерять площадку из вида. Все было хорошо, но, когда наступил момент вывода из спирали, штурвал не поддался. Счет времени шел на доли секунды. «Помоги», — прохрипел он, наваливаясь на штурвал всем телом. Будь Тор, сидевший с ним рядом, пилотом, все могло кончиться благополучно. Но Тор был не пилотом, а врачом, и не сразу понял, о какой помощи просит Владимир. А когда сообразил, в чем дело, и со всей медвежьей силой навалился на штурвал, было уже поздно. Совсем близко мелькнули лиловые обломки. Сокрушительный удар плоскостью показался Владимиру замедленным и нестрашным, будто происходило это во сне или на киноэкране. Он заметил, как мелкими брызгами рассыпалось боковое бронированное стекло, увидел бесшумный веер веселых разноцветных искр и только потом потерял сознание.

Владимир осторожно перевел дыхание, иначе было нельзя — ломило грудь, и взглянул в глаза Тора.

— Как обстановка? Как ребята, Инга?

— Все живем. Даже удивительно, что за чудо-машина — глайдер. У Инги ни царапины, у Ришара обычные синяки и шишка. Нам повезло меньше. У тебя сломано несколько ребер, а у меня ключица.

— А Гарун?

— Пока без сознания, сотрясение мозга.

— Как?

— Его ударило по голове обломком плоскости. Он успел прикрыть Ингу и основной удар принял на себя.

— Сигнал бедствия подали? Связь есть?

— Есть, — Тор будто с недоумением пожал могучими квадратными плечами, — на паршивой аварийной станции мы сразу каким-то чудом установили связь с космолайнером «Радуга». «Радуга» вызвала спасателей. Минут через сорок они будут здесь.

Тор глубоко вздохнул и мрачно усмехнулся.

— В общем, повезло.

Тон, которым было сказано это «повезло», сразу заставил Владимира насторожиться. Его обостренный тревогой взгляд заметил то, что, вообще-то говоря, давно надо было заметить: Тор был в респираторе. Владимир осторожно шевельнул рукой, подтянул ее к подбородку и нащупал респиратор на своем лице.

— Газ, — пояснил Тор, заметивший его движение, — без респираторов невозможно. — И со слабой улыбкой добавил: — Если бы не твоя предусмотрительность, мы бы

уже встретились с праотцами. Минуты две все валялись без сознания. А здесь этого достаточно.

— Ничего, — пошутил Владимир, — у нас все еще впереди.

— Вот именно, — без улыбки согласился Тор.

Владимир смотрел на него с нараставшей тревогой. Тор осторожно положил свою лапу на руку товарища.

— Владимир, мы ведь мужчины?

— Конечно, Торик, — не сразу ответил старший группы.

— Тогда слушай...

9

Иван некоторое время с недоверием разглядывал командира лайнера. Убедившись, что тот не шутит, он с ноткой уважения спросил:

— Прямо в кратере? И кто же — научная экспедиция?

Командир покачал головой.

— Хуже, туристы по лицензии. Четверо мужчин, трое из них ранены, и одна женщина.

— Да, это хуже, — согласился Иван. — Как их туда занесло?

— Вулкан спокойный, гавайского типа, с лавовым озером на дне кальдеры. Давно открыт для туристов, прошедших, разумеется, спецподготовку. А в эту ночь после землетрясения вулкан активизировался. Они и полезли в самое пекло.

— Горе с этими туристами, — вздохнул Иван. — А что же контрольный пост?

— Разрушен землетрясением.

— Н-да, одно к одному. Теперь, надеюсь, все в порядке?

Командир лайнера отрицательно покачал головой. И в ответ на вопросительный взгляд собеседника пояснил хмуро и словно нехотя:

— Глайдер потерпел аварию в сильно загазованной зоне. Находиться там можно только в респираторах. Кислорода у них, — командир взглянул на часы, — минут на десять. А спасатели придут не раньше чем через тридцать-сорок минут.

Лицо Ивана отвердело.

— Так, — пробормотал он в раздумье и остро взглянул на командира лайнера. — Ну а вы-то, вы сами что-нибудь предпринимаете?

Командир выдержал этот взгляд и, пряча обиду, холодно ответил:

— Разумеется. Запросил посадку на старботе по месту бедствия. Жду решения.

Взгляд Ивана потеплел.

— Правильно, — одобрил он, — другого в этой ситуации не придумаешь. Сколько в резерве до отцепки?

— Порядка шести минут.

— Чего же на КП волынят?

На командном пункте словно услышали эту фразу: заго-

релась индикаторная лампочка связной станции, и суховатый голос главного диспетчера бесстрастно проговорил:

— «Радуга», я — «База-два». По месту бедствия условия вышей сложности. Вероятность успеха менее тридцати процентов. Запрещена посадка всем летательным аппаратам из космоса и мезосферы.

— Я — «Радуга», понял, — привычно ответил командир и, не удержавшись, зло добавил: — А ребята в кратере пусть пропадают?

— Не мелите ерунды! — сердито ответил главный диспетчер, тоже не удержавшись в официальных рамках. — Спасатели имеют группу реанимации. Вероятность успеха у них более семидесяти процентов. — И после легкой паузы холодно добавил: — С борта «Радуги» посадку запрещаю. Как поняли?

— Понял, запрещаете, — ответил командир лайнера.

Иначе он и не мог ответить на прямое приказание командного пункта.

10

Светлые прозрачные глаза Тора прямо смотрели на Владимира.

— Ты понял ситуацию?

— Да, — горько ответил Владимир и прикрыл глаза.

Спасатели опаздывают почти на полчаса. Значит, смерть. Потом реанимация. И если немного повезет, воскрешение к новой жизни. Но сначала смерть в цепких когтях сернистых газов, которые будут раздирать легкие, мучительная смерть от недостатка кислорода, в судорогах кашля и рвоты. Владимир беспокойно пошевелился и открыл глаза:

— Тор, послушай.

Тор склонился к лицу товарища, чуть поморщившись от боли в сломанной ключице.

— Слушай, ведь при отравлении вероятность реанимации падает?

— Да, примерно вдвое.

Владимир размышлял, лицо его имело такое выражение, что Тор так и остался в неудобной позе, склонившись к его лицу.

— Торик, — Владимир нащупал руку товарища, — пойми меня правильно, Торик. Если смерть неизбежна, то глупо... и страшно умирать от газа. Ведь правда?

— Правда, — не сразу ответил Тор.

Владимир взглянул ему в глаза.

— Надо... ты врач, понимаешь?

Светлые глаза Тора смотрели бесстрастно.

— Понимаю.

Владимир облегченно передохнул.

— Кто на связи?

— Ришар и Инга. Если будет что-нибудь важное, Инга прибежит.

— Ну вот. Ты сделаешь это мне, Гаруну и себе. А Ри-

шар и Инга, используя остатки кислорода, примут спасателей.

— Двоим кислорода не хватит, — жестко проговорил Тор.

— Ничего, они сами решат, как быть дальше. — Владимир зябко повел плечами. — А... как ты думаешь сделать это?

— Лучше всего самый простой и древний способ — вскрыть вены, — медленно проговорил Тор, — но это долго. Долго и... тяжело. Рациональнее всего инъекция леталина. Остановится сердце, вот и все. На всякий случай я приготовил все, что нужно.

— Хорошо, — после паузы согласился Владимир и спокойно шевельнулся. — Не будем медлить. Начинай с меня.

Тор бережно положил свою большущую лапу на руку товарища.

— Надо подождать, Владимир. Командир «Радуги» запросил разрешения на посадку, хочет нас вывезти отсюда.

— На лайнере? — изумился Владимир.

— На старботе. Если ему разрешат, он успеет. Впри-
тык, но успеет.

Владимир молчал секунд десять, а потом грустно сказал:

— Это безумие. На старботе, без обеспечения, приземлиться здесь невозможно. Не спорь, я сам пилот, знаю. К чему лишние жертвы? И мы сами во всем виноваты. Надо радировать, что мы отказываемся от такой помощи.

11

Почему диспетчеры часто бывают сухарями и формалистами? Работа делает их такими? Или, напротив, на диспетчерскую работу подбираются люди с таким характером?

Иван вздохнул. Хуже всего, что диспетчер прав. Посадка в кратер вулкана из космоса в условиях высшей сложности — никому не нужная игра в кошки-мышки с самой смертью. А семьдесят процентов успеха, несомненно, куда весомее тридцати. Почему же решение диспетчера вызывает протест? Что раздражает в нем? Может быть, то, что, сидя в удобном кресле, он безапелляционно и хладнокровно обрекает пять человек на верную смерть и последующее так или иначе проблематичное воскрешение? И, собственно, какое дело до всего этого ему, Ивану Лобову? Ведь он в отпуске, на отдыхе, а в Найроби его ждет Лена.

Лобов вздохнул, потер рукой подбородок и обернулся к командиру лайнера.

— Ракеты у них есть?

— У кого? — не понял командир.

— У терпящих бедствие, — с некоторым раздражением на такую недогадливость пояснил Лобов.

— Есть, — командир с интересом приглядывался к Ивану, — специально уточнял. Я ведь хотел садиться по ракетам.

— Иначе там не сядешь, — задумчиво подтвердил Лобов.

Он все еще никак не мог решиться. Будь это в дальнем космосе, он бы, не раздумывая, поспешил на помощь попавшим в беду, а вот здесь — размышляет. Наверное, дело в том, что на далеких планетах нет ни службы безопасности, ни спасателей, ни сухарей-диспетчеров. И Лена не присылает там телеграмм с извещением, что прибыла на Землю и хочет как можно скорее его увидеть.

Поймав боковым зрением пристальный, понимающий взгляд командира лайнера, Лобов усмехнулся.

— А что, если я попробую запросить посадку? Вы разрешите?

В короткое мгновение лицо командира отразило сложную гамму чувств: легкое удивление, сочувствие и уважение. Подняв оранжевый предохранительный колпачок, командир щелкнул переключателем и коротко проговорил:

— Передаю управление.

— Управление принял, — ответил Иван и вышел на внешнюю связь. — Я — «Радуга», глобального диспетчера на связь, аварийно.

— Понял, ждите.

Через десять секунд послышался старческий глуховатый бас:

— Глобальные на приеме.

— Борт «Радуги», Лобов, карт-бланш два нуля три. — Если бы Иван сейчас обернулся, он бы увидел, какими взглядами обменялись второй пилот и стажер: шутка ли, за управлением сидел пилот высшей квалификации, владелец открытого листа, разрешающего ему самостоятельно принимать решения и лишь информировать о них Землю. — Прошу проводку и данные для посадки с орбиты по месту бедствия.

Вместо ответа на пульте управления осветился экран видеофона. На Лобова взглянули спокойные, чуть удивленные глаза.

— Иван? Какими судьбами?

— Случайно, летел пассажиром.

Глобальный пожевал губами, разглядывая космонавта.

— Там почти нулевая видимость на всех частотах спектра.

— Догадываюсь. — Лобов позволил себе улыбнуться. — Но ведь не первый раз.

— Вот именно, — проворчал глобальный. — Как думаешь садиться?

— Визуально, по ракетам.

Глобальный снова пожевал губами, разглядывая Лобова, и уже официально ответил:

— Запрос по карт-бланш два нуля три принят. Включая проводку и системы обеспечения.

— Понял, — Лобов перешел на внутреннюю связь, — борт-инженер.

— Слушаю!

— Старбот — в готовность номер один. Загрузить до-

полнительную емкость с кислородом и транспортер. Блок посадки — на внешние данные.

— Понял, выполняю.

— Начальник связи! Обеспечьте связь по мэйдэю.

— Позывной по мэйдэю — «Чайка». Ждите, — ответил невозмутимый тенорок, — сильные помехи.

— «Радуга», Лобову, «База-один», — послышался бас глобального диспетчера, — проводка выполнена, данные на посадку переданы.

— Лобову, данные на посадку приняты, введены в блок управления, — подтвердил бортинженер.

— Иван, — опять вмешался глобальный, — до отцепки три минуты. Поторопись.



— Понял, три минуты. Нет связи по мэйдэю. Сколько натянете по максимуму перегрузки?

Глобальный кашлянул.

— Пойдешь один?

— Один.

— До пяти натянем.

— Понял, по максимуму пять минут.

— «Чайка» на приеме, — включился в разговор тенорок начальника связи.

— Давайте.

Щелкнул автомат-переключатель, и ходовую рубку наполнил плотный, густой шум, пересыпанный тресками и писком. На этом фоне слабый, искаженный фильтрами голос проговорил:

— «Чайка» на приеме.

12

Задумавшийся Тор вдруг поднял голову и насторожился: прыгая по обломкам лавы, коза да и только, к ним приближалась сияющая Инга с беспроводным шлемофоном в руке.

— Ребята! — закричала она, задыхаясь, и опустила на колени рядом с Владимиром. — Все в порядке! Владик! Мы спасены! И не будет никаких дурацких реанимаций!

Она обвела мужчин торжествующими сияющими глазами.

— А ты что не радуешься, медведь?

Тор, переглянувшись с Владимиром, невозмутимо спросил:

— Каким образом спасены?

— Старботу разрешили посадку. Через две минуты отцепка, понятно?

Тор и Владимир переглянулись снова. Владимир нахмурился и твердо проговорил:

— Это безумие! Посадка из космоса сюда невозможна. Надо немедленно радировать отказ, Инга!

— Поздно дискутировать, — бросив взгляд на часы, коротко проговорил Тор. — Отцепка уже произведена.

Инга вдруг спохватилась и начала торопливо надевать на голову Владимира беспроводный шлемофон.

— Да ты слушай! Он в порядке, мы проверили.

Наушники-противошуму плотно легли на уши Владимира, и грохочущее буйство вулкана сразу выцвело и поблекло. Владимир погрузился в мир шорохов, тресков и подчеркнута спокойных голосов.

— Я — бот, отцепку выполнил, иду по расчетной траектории, вас слышу нормально.

— Вас слышу хорошо, — ответил голос Ришара.

— Всех людей в укрытие.

— Они в укрытии.

— Понял, в укрытии. По моей команде лечь на землю, закрыть глаза.

— Понял, секундочку. Инга, Владимир! — спросил Ришар. — Команды принимаете?

— Слышу хорошо! — ответил Владимир, плотнее прижимая ларингофоны к своему горлу. — По команде с бота лечь на землю, закрыть глаза.

— Поняли правильно, — подтвердил Лобов. — Обеспечивающего с ракетами на центр посадочной площадки.

— Я на центре с рацией и ракетами, — ответил Ришар.

— Наметьте укрытие для себя.

— Наметил, не волнуйтесь.

— Удаление укрытия?

— Метров двадцать.



— Ляжете лицом вниз, голову прикройте одеждой, откройте рот.

— Понял, сделаю.

Слушая этот разговор, Владимир наблюдал за товарищами. Инга что-то сказала Тору, и они вдвоем приподняли Гаруна, так и не пришедшего в сознание, и положили неподалеку от Владимира. Гарун порывисто, беспокойно дышал, крупные капли пота выступили на его лбу.

— «Чайка», приготовиться. По команде принять меры безопасности, начать пуск ракет.

— Понял, к пуску готов. Владимир! Как слышишь?

— Слышу хорошо. Приготовиться! — Это Владимир прокричал своим товарищам.

— Внимание! — послышался напряженный голос.

Секунда, другая, третья — и короткая, как выстрел, команда.

— Пуск!

— Есть пуск!

Потом Владимир, Тор и Инга признались друг другу, что, хотя все легли на землю, глаза не закрыл никто. Они видели, как в дымное темное небо непрерывной струей ле-

тели зеленые звезды ракет, казавшиеся голубыми по контрасту с багровым пламенем вулкана. Сердце Владимира билось частыми мощными толчками. Он был пилотом и знал, что наступил решающий момент. Если тот, кто сидит за штурвалом старбота, используя мощную дифференциальную оптику, засечет точку пуска ракет, все будет в порядке. А если нет? Что будет тогда? Владимир не знал. И вдруг короткая команда.

— Ракеты вижу. В укрытие!

— По-о-онял! — торжествующе заорал Ришар.

— Закрыть глаза!! — изо всех сил прокричал Владимир.

Сам он не только зажмурился, но и прикрыл глаза руками. И все равно увидел ослепительную вспышку пламени. Это яростная, до глубины раскаленная плазма, как молот, ударила в дно кальдеры. В воздух взлетели обломки лавы, пышно закружилась, завихрилась пыль. Вой двигателя, работавшего на пределе мощности, заглушил, поглотил тяжкий грохот вулкана.

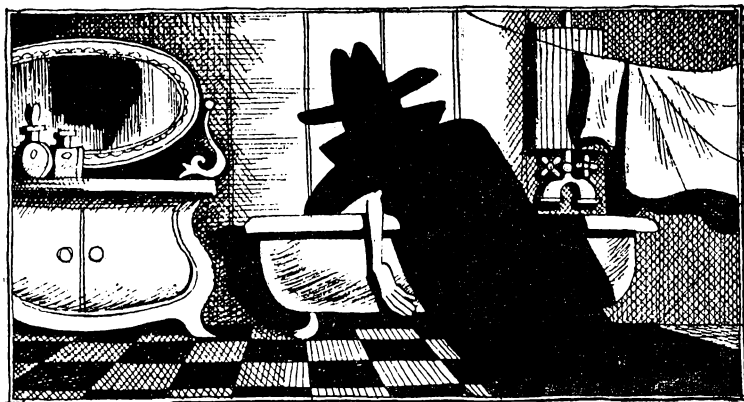
13

Оглушенный Владимир не сразу понял, когда стих неистовый вой двигателя. А когда понял, осторожно приоткрыл глаза и, морщась от боли, приподнялся на локте. Тяжело дыша, он напряженно вглядывался в дымно-багровую клубящуюся завесу пыли. Что она скрывала за собой?

Пыль оседала, понемногу стали вырисовываться остроносый старбот... и силуэт космонавта, казавшийся из-за оптического обмана сказочным гигантом — почти таким же большим, как и сам спасательный корабль. Мгновенье постояв неподвижно, сказочная фигура сделала неуверенный, ведь ничего не было видно, шаг вперед.

— Мы здесь! — из последних сил крикнул Владимир и, почти теряя сознание, откинулся на спину.

Он уже не видел, как Ришар, перепрыгивая с камня на камень, бежал к космонавту. Одежда на Ришаре обгорела, волосы были опалены, но он смеялся, размахивая руками и во весь голос орал что-то восторженное и бестолковое.



Дороти Л. САЙЕРС

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗНАЛ, КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ

Рассказ

Уже, наверное, в двадцатый раз с того момента, как поезд отошел от Карлайла, Пендер прервал чтение захватывающего детектива «Убийство в Мансе», поднял глаза и вновь увидел остановившийся на нем взгляд сидящего напротив мужчины.

Пендер нахмурился. Да и кому может понравиться, когда тебя так бесцеремонно разглядывают и к тому же иронически улыбаются? Еще больше Пендер сердился на себя за то, что его нервировали и этот настойчивый взгляд, и эта улыбка. Пендер снова уставился в книгу с твердым намерением не от-

рывать больше от тайны убитого в библиотеке министра. Однако описываемая история принадлежала к так называемым классическим произведениям детективного жанра, когда события нагнетаются в первой части, а затем писатель долго и нудно, призывая на помощь дедуктивный метод, ведет читателя к научно обоснованной развязке. Тонюсенькая нить любопытства уже прервалась, и Пендер дважды был вынужден возвращаться к первым страницам, чтобы восстановить те или иные факты, которые в процессе чтения выветрились у него из головы. Затем он вдруг осознал, что его

глаза уже в течение долгого времени блуждают по страницам, заполненным какими-то рассуждениями, но ничего не передают мозгу. Он вообще перестал уже думать об убитом министре, поняв вдруг, что его внимание все больше занимает лицо человека, сидящего напротив.

А Пендеру это лицо казалось очень странным.

Впрочем, в его чертах не было ничего необычного, просто Пендеру не нравилось выражение этого лица. Оно было полно таинственности, лицо человека, который знает много плохого о других людях. Губы незнакомца слегка кривились, уголки рта были плотно сжаты, как будто он смаковал какую-то скрытую шутку. На носу у него было пенсне, из-за которого странным огнем светились глаза, полные любопытства; хотя это мог быть и отблеск света в стеклах. Пендер задумался, пытаясь отгадать профессию этого человека. На незнакомце был темный двубортный костюм, дождевик и порядком потрепанная мягкая фетровая шляпа. Было ему около сорока лет.

Пендер вымученно кашлянул и уселся поудобнее в своем углу, закрывшись, как щитом, своим детективом. Ему показалось, что незнакомец предвидел этот маневр и его это забавляет. Пендеру хотелось переменить позу, но он чувствовал — это будет своего рода победой его визави. От смущения он держался так прямо, что чтение книги стало почти физически невыносимо.

Поезд делал остановку только в Рагби, в связи с чем вероятность того, что кто-то

войдет в их купе и прервет это ужасное *solitude en deux* *, была почти исключена. «Необходимо что-то предпринять», — подумал Пендер. Молчание продолжалось так долго, что любое, даже самое простое замечание произвело бы в этой полной напряжения атмосфере впечатление звенящего будильника. Разумеется, он мог выйти в коридор и не вернуться, но это означало бы поражение. Пендер отложил «Убийство в Мансе», и глаза его встретились с глазами его спутника.

— Уже надоела эта книга? — спросил незнакомец.

— Ночные путешествия всегда бывают несколько нудными, — с явным облегчением, но, впрочем, довольно сдержанно ответил Пендер. — Может, вы хотите почитать что-нибудь эдакое? Могу вам предложить.

Он вынул из портфеля «Тайну скрепки для бумаги» и с надеждой в сердце подал ее своему визави. Однако тот посмотрел на титул и отрицательно покачал головой.

— Благодарю вас, — ответил он, — но я никогда не читаю детективов. В них, если можно так выразиться, чего-то не хватает. Вы не замечали?

— Разумеется, в них нет живых характеров и мало жизненной правды, — согласился Пендер, — но в до роге...

* Одиночество вдвоем (франц.).





Рисунки В. ЧИЖИКОВА

— Я не это имею в виду, — возразил незнакомец, — меня литературная жизненная правда мало трогает. Но все эти преступники бывают настолько глупы, что просто надоедают.

— Ну не знаю, — ответил Пендер, — во всяком случае, в книгах они более сообразительны и обладают большей фантазией, чем настоящие преступники.

— Разумеется, это относится к тем, которых удалось поймать, — признал незнакомец.

— Даже среди пойманных некоторых не назовешь глупыми, — возразил Пендер. —

Например, Криппен: если бы он не потерял голову и не удрал в Америку, его наверняка бы не поймали. Джорджу Джозефу удалось избавиться от двух невест, прежде чем в это дело вмешались судьба и журналисты.

— Да, — ответил незнакомец, — но вы только подумайте об ограниченности этих людей — сколько они плетут вымыслов, вранья, разных историй. А все это ни к чему.

— Что вы говорите! — вскричал Пендер. — Уж не считаете ли вы, что совершить преступление и при этом не попасться так же

легко, как съесть булку с маслом?

— Конечно! — произнес незнакомец. — А разве вы так не считаете?

Пендер ждал продолжения, но его собеседник молчал. Он только удобнее расположился на лавке и известным только ему способом таинственно улыбался в потолок. Похоже было, что он считал разговор малоинтересным и не собирался его продолжать. Снова взяв книгу, Пендер обратил внимание на руки своего спутника, очень белые, с необычайно длинными пальцами. Затем он решительно раскрыл книгу, но тут же снова отложил ее и произнес:

— Ну хорошо, если это так легко, как вы утверждаете, то как бы вы взялись совершить убийство?

— Я? — переспросил незнакомец. Блики света на стеклах пенсне скрывали выражение его глаз, но, судя по голосу, вопрос этот его развеселил. — Я — другое дело. Я бы даже не стал над этим задумываться.

— Но почему же?

— Потому что мне известно, как это делается.

— Неужели? — еле выдавил из себя удивленный Пендер.

— Ну конечно. И это совсем нетрудно.

— Откуда вам известно? Надеюсь, вы сами еще не пробовали этим заниматься?

— Ну, не обязательно пробовать, — ответил незнакомец. — Моя методика не нуждается в экспериментах. Она прекрасна сама по себе.

— Не очень-то верится, — отпарировал Пендер. — В чем же заключается ваша удивительная методика?

— Надеюсь, вы понимаете, что я не могу всего раскрыть, — произнес незнакомец и снова устался в глаза Пендера. — Это может быть небезопасно. Вы выглядите довольно безвредно, но кто мог выглядеть безвреднее, чем Криппен? Никому нельзя доверить абсолютной власти над жизнью других людей.

— Ну знаете, — вскричал Пендер, — мне бы и в голову не пришло кого-нибудь убивать.

— А в этом случае наверняка бы пришлось, — ответил незнакомец, — то есть если бы вы были уверены, что вам ничего не грозит. Впрочем, как и каждому. Как по-вашему, почему закон создал во круг убийства все эти искусственные барьеры? Именно потому, что в противном случае каждый бы их совершал: это так же естественно, как дыхание.

— Но это же абсурд! — вскричал раздосадованный Пендер.

— Вы так считаете? Впрочем, так ответило бы большинство людей. Но я бы им не поверил, хотя бы потому, что сульфат тенатола можно купить в любой аптеке за несколько пенсов.

— Сульфат чего?

— Ну вот! Вам уже кажется, что я проболтался. Речь идет о смеси этого сульфата и еще одного или двух составных компонентов — всех одинаково дешевых и одновременно таких же доступных, как и этот сульфат. За девять пенсов вы можете приобрести такое количество этой смеси, что можно отравить целый кабинет министров. Надеюсь, даже вы не назвали бы преступлением

избавление от всех наших министров, да еще таким дешевым способом, не правда ли? Но, разумеется, этого нельзя делать одним махом. Было бы несколько странным, если бы во время купания они все одновременно отравились на тот свет.

— А почему во время купания?

— Видите ли, горячая вода способствует действию этой смеси. Во всяком случае, от нескольких часов до нескольких дней после принятия. Происходит простейшая химическая реакция, и никакой анализ не способен ее раскрыть. Внешне все напоминает сердечный приступ.

Пендеру стало не по себе. Он смотрел на своего собеседника, и его улыбка ему откровенно не нравилась — в ней были не только ирония, но самоуверенность, почти насмешливое торжество! И еще что-то, чего Пендер не мог даже определить.

— Вы знаете, — продолжал незнакомец, вытаскивая из кармана трубку и набивая ее, — как это ни странно, но часто приходится читать о трупах, найденных в ваннах. Слишком часто. В конце концов, убийство имеет в себе какое-то очарование. Это начинает кружить человеку голову, то есть, вы понимаете, я только предполагаю, что так происходит.

— Очень может быть, — вставил Пендер.

— Вспомните отравления Пальмера, Джесин Готфрид или Армстронга. Нет, я бы не доверил рецепт этого препарата никому, даже такому добродетельному молодому человеку, каким мне кажется вы.

Длинные белые пальцы

крепко прятали в трубке табак и зажгли спичку.

— А вы сами как? — спросил уязвленный Пендер. В конце концов, определение «добродетельный молодой человек» вряд ли кому-нибудь понравится. — Уж если никому нельзя доверять...

— То и мне нельзя, не так ли? — закончил вопрос Пендера его собеседник. — Может, вы и правы, но сейчас нет смысла над этим задумываться. Уже поздно. Это ужасно, но это так. Во всяком случае, вы можете быть спокойны, что со мной ничего не случится. Господи, уже Рагби. Мне пора выходить. Здесь у меня маленькое дельце.

Он встал, отряхнулся, застегнул плащ и натянул потертую шляпу почти на свои загадочные стекла. Поезд замедлил ход и остановился. Коротко бросив «спокойной ночи», незнакомец, криво улыбаясь, вышел из купе. Из окна Пендер видел, как он пересек в мелком моросящем дожде перрон и исчез из круга света, отбрасываемого газовым фонарем.

«Сумасшедший или что-то в этом роде, — подумал Пендер с приятным чувством облегчения. — Слава богу, теперь я один в купе».

Он снова взял в руки детектив, однако мысли его продолжали кружиться вокруг незнакомца.

«Как назывался этот препарат, о котором он говорил?»

Однако, как ни напрягал Пендер свою память, он так ничего и не смог вспомнить.

Только вечером следующего дня Пендер увидел этот газетный заголовок. Он купил «Стандард», и глаза его

споткнулись на слове «ванна». В другое время он вообще бы не заметил этой маленькой заметки.

«БОГАТЫЙ ФАБРИКАНТ УМИРАЕТ В ВАННЕ. ТРАГИЧЕСКОЕ ОТКРЫТИЕ ЖЕНЫ».

Печальное открытие сделала сегодня ранним утром миссис Бритлис, жена главы известной фирмы «Бритлис инженеринг уорк» в Рагби. Поскольку ее муж, которого за час до этого она видела целым и невредимым, не явился в обычное время к завтраку, она отправилась его разыскивать. После того как в ванной взломали дверь, оказалось, что господин Бритлис лежит мертвым в ванне и что смерть наступила, по мнению доктора, полчаса назад в результате сердечного приступа».

«Какое удивительное совпадение, — подумал Пендер. — В Рагби. Очевидно, мой таинственный попутчик заинтересуется этим случаем. Кстати, интересно, какие дела он там устраивает?»

Давно известно, что если человек обратил внимание на какое-нибудь совпадение, то оно начинает просто преследовать его. Если человек узнает, что у него хронический аппендицит, ему сразу начинает казаться, что все газеты полны историй о людях, страдающих хроническим аппендицитом, и о смертельных исходах этой болезни, что все его знакомые знают людей, которые умерли от этого или, наоборот, вылечились гораздо быстрее, чем он. В каждом журнале, который он берет в руки, он видит статьи о победах современной хирургии, а также обширные описания на

тему аппендицита у обезьян и людей. О приступах аппендицита, по всей вероятности, пишется всегда, однако человек обращает на это внимание только тогда, когда его мысли на это настроены. Во всяком случае, Пендер именно так объяснял себе необычайно частые инфаркты во время купания.

События эти преследовали его на каждом шагу. Очередность происходящего всегда была одна и та же — горячая ванна, мертвое тело, следствие. И всегда один и тот же диагноз врача: сердечный приступ, вызванный нахождением в слишком горячей воде. Пендеру стало казаться, что лежать в горячей ванне — вещь вообще опасная. Сам он начал принимать ванны все холодней и холодней, и в конечном итоге они перестали доставлять ему удовольствие.

Ежедневно в газетах он в первую очередь выискивал сообщения о происшествиях в ванне и испытывал огорчение и одновременно разочарование, если неделя проходила без подобного рода трагедий.

Одной из жертв в ванне стала молодая и очень красивая женщина, с которой муж ее, химик, в течение нескольких месяцев безуспешно пытался развестись. Судья был склонен подозревать, что здесь дело нечисто, и подверг мужа суровому допросу. Однако врачебный диагноз опровергнуть не удалось. Все время размышляя над неправдоподобной возможностью, Пендер не мог себе простить, что забыл название препарата, о котором говорил ему тот человек в поезде.

В скором времени подобная история произошла в не-



посредственном соседстве с Пендером. В ванне был обнаружен труп старого мистера Скиммингса, который в одиночестве жил на соседней улице. У Скиммингса было слабое сердце, и его служанка сказала разносчику молока, что она давно опасалась чего-то такого, потому что хозяин всегда принимал чересчур горячие ванны. Пендер решил пойти в суд, где слушалось это дело.

Служанка была вызвана в качестве свидетеля. Мистер Скиммингс считался хорошим хозяином, и она была страшно расстроена, что потеряла такое место. Нет, она ничего не знала о том, что он оставил ей довольно кругленькую сумму денег, но это наверняка шло от его сердечной доброты. Решение суда было таково: смерть от несчастного случая.

В тот вечер Пендер, как обычно, вышел с собакой на прогулку. Движимый любопытством, он дошел до дома покойного мистера Скиммингса. Он долго стоял, глядя на темные окна, как вдруг калитка отворилась, и из палисадника вышел какой-то человек. В свете уличного фонаря Пендер сразу узнал его.

— Хэлло! — окликнул он.

— Ах, это вы? — сказал незнакомец. — Изучаете место последней трагедии, не так ли? И что вы об этом думаете?

— Немного, — ответил Пендер. — Я не был с ним знаком. Какая странная у нас встреча, правда?

— Действительно, странная. Я догадываюсь, что вы живете где-то здесь поблизости.

— Да, — ответил Пендер

и сразу же пожалел об этом. — И вы живете неподалеку?

— Я? О нет. У меня здесь было небольшое дельце.

— Когда мы познакомились, — произнес Пендер, — у вас тоже было какое-то дельце в Рагби.

Они шли рядом, нога в ногу до угла, где Пендер должен был свернуть к своему дому.

— В действительности так и было, — подтвердил незнакомец. — Дела заставляют меня путешествовать по всей стране. Я никогда не знаю, где я буду в следующий раз.

— Но именно во время вашего пребывания в Рагби в ванне обнаружили тело фабриканта Бритлиса, не так ли? — бросил как бы нехотя Пендер.

— Да. Такое стечение обстоятельств в самом деле удивительно. — Собеседник Пендера искоса посмотрел сквозь свои поблескивающие стекла. — Он завещал все свое состояние жене. Теперь она богатая женщина. Красивая и значительно моложе своего мужа.

Именно в этот момент они проходили мимо дома Пендера.

— Может, вы зайдете? Выпьем чего-нибудь, — предложил Пендер и опять сразу же пожалел о сказанном.

Его собеседник принял приглашение, и они вошли в холостяцкий храм Пендера.

— Поразительно много смертельных случаев в ванне происходит в последнее время, не так ли? — вновь заметил как бы нехотя Пендер, смешивая виски с содовой.

— Вы считаете это поразительным? — возразил незнакомец, снова употребив свою

обычную манеру ответа вопросом на вопрос. — Знаете, я как-то не задумывался. Может, на самом деле так и есть. Впрочем, такие происшествия в природе вещей.

— Допускаю, что в результате нашего разговора в поезде я начал больше обращать на это внимание. — Пендер смущенно рассмеялся. — Благодаря этому разговору я часто задумываюсь (вы знаете, как это бывает?): что, если кто-нибудь узнает секрет препарата, о котором вы говорили?... Кстати, как он называется?

Незнакомец пропустил его вопрос мимо ушей.

— Нет, не думаю, — ответил он. — Мне кажется, я единственный человек, который знает о препарате. Я открыл его совершенно случайно, в поисках совсем другого, и не могу себе представить, чтобы подобные открытия произошли одновременно в стольких местах на территории всей страны. Однако все эти происшествия свидетельствуют о том, как легко избавиться от того, кто стоит на вашей дороге, не так ли?

— Так вы химик? — спросил Пендер, ухватившись за эту информацию и пытаясь хоть что-нибудь выудить из нее.

— Видите ли, я занимаюсь всем понемногу. Что-то вроде мастера на все руки. Кроме того, я много читаю для собственного удовольствия. Я вижу, у вас здесь есть интересные книги.

Это польстило Пендеру. Прежде чем получить скромное наследство, он работал в банке и много читал, надеясь, что его собрание современных произведений когда-нибудь станет уникальным.

Он подошел к застекленному книжному шкафу и, вынув несколько книг, показал их своему гостю.

Собеседник оказался человеком начитанным. Он также поднялся и подошел к шкафу.

— Догадываюсь, вот книга, которую вы любите? — с этими словами гость вытащил том Генри Джеймса и посмотрел на титульный лист. — Это ваша фамилия — Е. Пендер?

Пендер кивнул утвердительно.

— Теперь у вас есть преимущество передо мной, — добавил он. — А я до сих пор не знаю, как вас зовут.

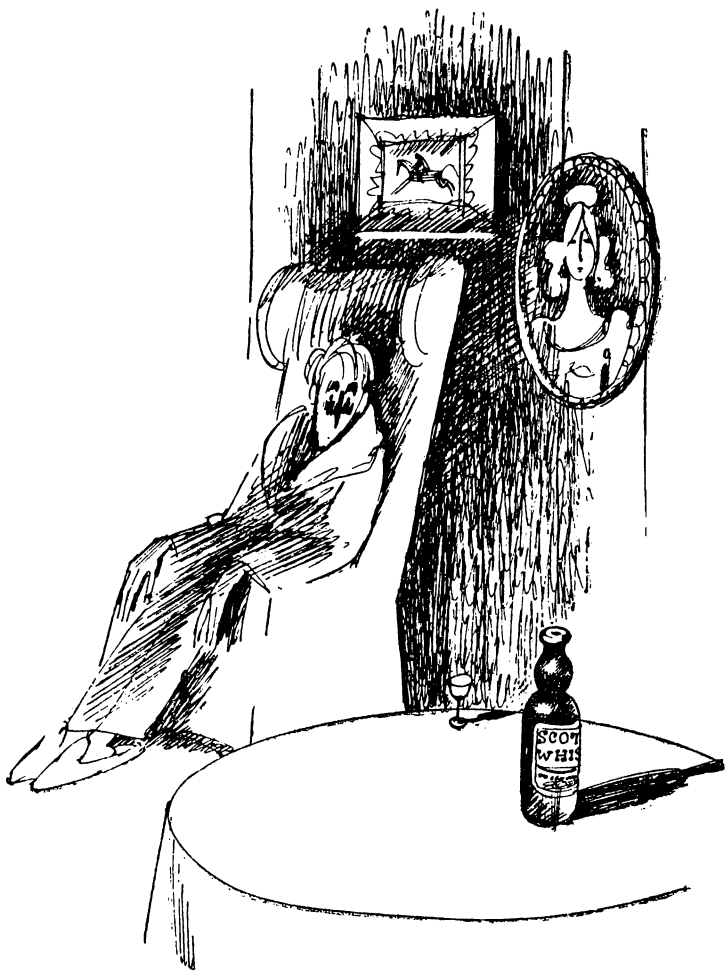
— Да будет вам известно, что принадлежу я к большому клану Смитов, — ответил, смеясь, незнакомец, — и вынужден, к сожалению, сам зарабатывать себе на хлеб. А вам, я вижу, неплохо живется.

Пендер рассказал ему о службе в банке и о неожиданном наследстве.

— Конечно, вы всем довольны, не правда ли? — произнес Смит. — Вы не женаты? Нет? Ну тогда вы счастливчик. Именно поэтому в ближайшем будущем вам не понадобится сульфат... никаких полезных препаратов. Я думаю, что никогда не понадобится, если вы будете держаться за то, что у вас есть, избегать женщин и биржевых спекуляций.

Он улыбнулся Пендеру одними уголками губ. Сейчас, когда его собеседник был без шляпы, Пендер заметил, что у него густые сильно выющиеся седые волосы, и поэтому он выглядит значительно старше, чем тогда, в поезде.

— Нет, нет, сейчас я еще не обращаюсь к вам за по-



мощью, — ответил, смеясь, Пендер. — Кроме того, каким образом я бы нашел вас?

— А вам бы незачем было меня искать, — возразил Смит. — Я бы сам к вам пришел. Как видите, все очень просто. — Он вновь загадочно улыбнулся. — Пожалуй, мне уже пора. Спаси-

бо за угощение. Я не думаю, что мы когда-нибудь еще с вами встретимся, хотя это и не исключено. Иногда жизнь странно складывается, не правда ли?

После его ухода Пендер снова уселся в кресло. Он взял в руки свою рюмку, оказавшуюся почти полной.

«Странно, совсем не помню, чтобы я себе наливал, — подумал он про себя. — Очевидно, я так был поглощен разговором, что наполнил вторую рюмку совершенно машинально».

Думая о Смите, он медленно осушил рюмку.

«Интересно, черт возьми, что мог Смит искать в доме Скиммингса? Удивительно все это, вместе взятое. Знала ли о наследстве служанка Скиммингса? Едва ли, а если даже догадывалась, то каким образом она разыскала Смита с его сульфатом... сульфатом, как там дальше?» Второе слово так и вертелось у него на кончике языка. «Вам бы незачем было меня искать. Я бы сам к вам пришел». Что этот сумасшедший имел в виду? Впрочем, все это смешно. Не был же Смит на самом деле дьяволом. Но если он действительно владел такой тайной и продавал ее... Чепуха!

Небольшое дельце в Рагби, какое-то дело в доме Скиммингса. Абсурд!

«Никому нельзя доверять абсолютной власти над жизнью других людей... Это начинает кружить человеку голову...»

Безумие! Если действительно в этом есть доля правды, Смит был бы не совсем в своем уме, выдав тайну Пендеру. Ведь его бы повесили рано или поздно. Владея тайной, Пендер становился опасным.

Виски!

Продолжая размышлять, Пендер все больше приходил к убеждению, что не наливал себе виски. Это наверняка сделал Смит, когда Пендер повернулся к нему спиной. Откуда этот внезапный интерес к книжному шкафу? Он

не имел никакой связи с тем, о чем шла речь раньше. Пендеру начало казаться, что виски было исключительно крепким. Может быть, это просто разыгравшееся воображение или виски на самом деле имело странный привкус?

Холодный пот выступил на лбу Пендера.

Четвертью часами позднее, приняв хорошую порцию разведенной горчицы, Пендер сидел, дрожа, в кресле у камина. Он знал, как действует препарат Смита, и поэтому решил в течение нескольких дней не принимать горячей ванны. Осторожность еще никому не вредила.

Может быть, благодаря горчице, или просто горячая ванна была необходимой частью процедуры, но на этот раз жизнь Пендера была спасена. Однако, он еще несколько дней чувствовал себя не в своей тарелке, держал дверь закрытой на задвижку и предупредил служанку, чтобы она ни в коем случае не впускала в дом никого чужого.

Он выписал еще две утренние газеты и одну воскресную и тщательно следил в них за рубрикой несчастных случаев. Смертельные исходы во время купания стали его навязчивой идеей. Он забросил свою библиотеку и стал посещать суд.

Спустя три недели он оказался в Линкольне, где в римской бане от сердечного приступа скончался толстый пожилой человек, который вел сидячий образ жизни. Суд присяжных присоединил к заключению о смерти от несчастного случая замечание в адрес владельцев бани о необходимости тщатель-

ней осматривать клиентов и ни в коем случае не оставлять их без присмотра обслуживающего персонала.

Когда Пендер выходил из суда, он заметил перед собой потертую шляпу, показавшуюся ему знакомой. Он бросился вперед и схватил за руку мистера Смита, который в этот момент садился в такси.

— Смит! — закричал он, с трудом хватая воздух.

— Ах, это вы опять? — сказал Смит. — Вы что, интересовались подробностями этого происшествия, не так ли? Чем могу служить?

— Вы настоящий дьявол! — заметил Пендер. — Вы замешаны в это дело! Вы и меня хотели отравить.

— Да что вы говорите! А зачем мне ваша смерть?

— Вас рано или поздно повесят! — крикнул с угрозой в голосе Пендер.

Сквозь собравшуюся вокруг них толпу протиснулся полицейский.

— Что здесь происходит? — спросил он.

Смит многозначительно покрутил пальцем у виска.

— Все в порядке, мистер, — ответил он. — По моему, этому человеку показалось, что я нахожусь здесь с дурными намерениями. Вот моя визитная карточка. Судья меня знает. А этот человек напал на меня. Советую вам не спускать с него глаз.

— Он правду говорит, — подтвердил кто-то из толпы.

— Этот человек хотел меня убить, — пытался объяснить Пендер.

Полицейский кивнул головой.

— Не расстраивайтесь, — сказал он. — Это пройдет. Очевидно, духота в зале суда

так на вас подействовала. Все будет хорошо, все будет хорошо.

— Но я хочу возбудить против него дело!

— На вашем месте я бы воздержался, — сказал полицейский.

— Я вам объясняю, что этот человек по фамилии Смит пытался меня отравить. Он убийца! Он отравил уже многих людей!

Полицейский кивнул Смицу.

— Лучше будет, если вы уйдете, а здесь я сам все улажу. А теперь, мой мальчик, — он крепко взял Пендера за руку, — нужно прийти в себя и успокоиться. Фамилия этого человека не Смит и даже ничего похожего. Кажется мне, что у тебя, мой мальчик, все в голове перевернулось.

— Ну хорошо, так как же его зовут? — спросил Пендер.

— Это тебя не касается, — ответил полицейский. — Об этом не волнуйся и оставь его в покое, если не хочешь иметь неприятности.

Тем временем такси со Смитом отъехало. Пендер посмотрел на окружающие его смеющиеся лица и сдался.

— Хорошо, — сказал он. — Я буду вести себя спокойно. Я пойду вместе с вами в участок и там все расскажу.

— Что ты о нем думаешь? — спросил инспектор сержанта, когда Пендер, спотыкаясь, покинул полицейский участок.

— Если вас интересует мое мнение, он настоящий шизик, — ответил его подчиненный. — Носится со своей идефикс.

— Хм, — произнес инспектор. — Ну что же. Нам известны его фамилия и адрес,

и ты хорошенько их запомни. Он может снова появиться. Отравлять людей таким способом, чтобы они умирали в ванне? Неплохая шутка, а? Невероятно, как эти сумасшедшие их придумывают.

В тот год весна была холодной и туманной. В один из мартовских дней Пендер поехал на судебное разбирательство в Дептфорд, однако над рекой висела такая толстая завеса из тумана, словно на дворе стоял ноябрь. Холод проникал до мозга костей. Пендер, сидя в темном маленьком зале суда и озираясь в желтом мутном свете газовых рожков, едва мог различить приближающихся к столу судьи свидетелей. Было такое впечатление, что весь зал простужен. Пендер тоже кашлял. Он чувствовал ломоту в костях и испытывал ощущение приближающегося гриппа.

Пендер напряг зрение, и ему показалось, что в другом конце зала мелькнуло знакомое лицо. Однако едкая мгла, проникавшая во все щели здания суда, щипала ему глаза и мешала толком что-либо разглядеть. Пендер опустил руку в карман пальто и с чувством облегчения ощутил в пальцах тяжелый и упругий предмет. После встречи в Линкольне он всегда носил при себе оружие. Это был не пистолет. Пендер не очень умел обращаться с огнестрельным оружием. Кожанный мешочек с песком был куда надежнее.

Неизбежное, всегда одно и то же заключение суда было оглашено. Толпа начала протискиваться к выходу. Теперь Пендер должен был спешить, чтобы не потерять из виду

этого человека. Извиняясь направо и налево, он пробирался к выходу и у дверей почти столкнулся с этим человеком, однако в последнюю минуту какая-то толстая женщина загородила ему дорогу. Пендер отпихнул ее, и она зашипела от возмущения. Человек перед ним оглянулся, и свет газовых рожков отразился в его стеклах.

Пендер надвинул шляпу на глаза и вышел за ним. Его ботинки на резиновых подошвах бесшумно ступали по мокрому тротуару. Человек, не оглядываясь по сторонам, довольно медленно продвигался вперед, минуя одну улицу за другой. Туман был настолько густым, что Пендер вынужден был держаться на расстоянии нескольких шагов, чтобы не потерять его из виду. Куда он направлялся? На автобус или на трамвай, чтобы добраться до дому? Нет, он свернул влево, на узкую улочку.

Здесь туман был еще гуще. Пендер уже почти не видел его и только слышал перед собой его спокойные, размеренные шаги. Ему казалось, что сейчас во всем мире их только двое — преследуемый и преследователь, убийца и мститель. Улица резко пошла вниз. Очевидно, они приближались к реке.

Внезапно расплывчатые очертания домов по обеим сторонам улицы исчезли. Они оказались на открытом пространстве с едва различимым фонарем посередине. Звук шагов впереди затих. Бесшумно подкравшись, Пендер увидел, что человек под фонарем что-то искал в блокаде.

Еще четыре шага, и Пендер оказался рядом с ним. Он вы-

тащил из кармана мешочек с песком. Человек поднял глаза от блокнота.

— На этот раз ты попался, — произнес Пендер, размахнулся и ударил изо всех сил...

Пендер был совершенно прав — у него начался грипп. Только спустя неделю он был снова на ногах и мог выходить. Погода изменилась — воздух был свежим и прозрачным. Несмотря на испытываемую после болезни слабость, Пендеру казалось, что какая-то тяжесть спала у него с плеч. Прогуливаясь, он дошел до своего любимого книжного магазина на Странд-стрит и приобрел там несколько книг за сносную, как ему показалось, цену. Придя от своего приобретения в прекрасное настроение, Пендер зашел в маленький ресторанчик, посещаемый, как правило, журналистами с Флит-стрит, и заказал отбивную котлету и бутылку пива.

За соседним столиком сидели два журналиста.

— Ты идешь на похороны бедняги Баклея? — спросил один из них.

— Да, — ответил друрой. — Подумать только, такой конец — получить меш-

ком по голове. Наверное, шел брать интервью у вдовы человека, который умер в ванне. А район этот беспокойный. Очевидно, его угостил кто-то из банды Джимми Гарда. Он был прекрасным репортером уголовной хроники. Так просто другого такого, как Билл Баклей, не найти!

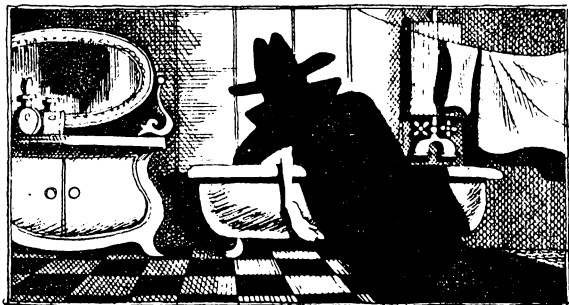
— Он был очень порядочным человеком. И посмеяться любил. А какие шутки откалывал! Помнишь его фантастический анекдот с сульфатом тенатола?

Пендер вздрогнул. Это было то самое слово, которое он не мог припомнить в течение нескольких месяцев. У него как-то странно начала кружиться голова. Машинально он отхлебнул из стакана глоток пива.

— Билл обычно на полном серьезе, — продолжал журналист, — рассказывал этот анекдот разным кретинам в поездах и наблюдал, как они на это реагируют. Можешь себе представить, что однажды какой-то молокосос предложил ему...

— Хэлло! — прервал его приятель. — Смотри-ка, парень за соседним столиком потерял сознание. Мне сразу показалось, что он выглядит немножко бледным.

Перевела с английского С. НИКОЛАЕВА



На 1-й и 4-й стр. обложки — рисунок А. ГУСЕВА.

На 2-й стр. обложки — рисунок Н. ГРИШИНА к рассказу Ю. Тупицына «Мэйдэй».

На 3-й стр. обложки — рисунок В. ЧИЖИКОВА к рассказу Дороти Л. Сайерс «Человек, который знал, как это делается».

Редакционная коллегия: А. Г. АДАМОВ, А. П. ДНЕПРОВ,
А. П. КАЗАНЦЕВ, А. В. НИКОНОВ, А. А. НОДИЯ, Н. В. ТОМАН,
В. М. ЧИЧКОВ.

Редакторы выпуска: О. СОКОЛОВ, В. МАЛОВ
Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА
Технический редактор А. БУГРОВА

Рукописи не возвращаются.

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес редакции: Москва, А-30, Суцеская, 21. Тел. 251-15-00,
доб. 4-10.

Сдано в набор 19/1 1973 г. Подп. к печ. 12/III 1973 г. А00360.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 10,5.
Тираж 150 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 103.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А 30, Суцеская, 21.



А. ЖАРЕНОВ — Обратная теорема
Александр КАЗАНЦЕВ — Фазы
Роберт ШЕКЛИ — Капкан
Ю. ТУПИЦЫН — Мэйдэй
Дороти Л. САЙЕРС — Человек,
который знал, как это делается

Цена 20 коп.

